

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»

КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

НАУЧНО-УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ПО ПРОБЛЕМАМ МИРОВЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ ИМЕНИ Г.Л. БОНДАРЕВСКОГО

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР В.М. БЕЙЛИСА
«ВОСТОК-ЗАПАД: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ»

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО
НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д.С. ЛИХАЧЕВА

ГОУ ВПО ДНР «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: УРОКИ И ПРОБЛЕМЫ

**Материалы Международной научной конференции,
посвященной памяти М.В. Ширяева**

Луганск, 15–16 февраля 2017 года

**Луганск
2017**

УДК 94(100): 327.54 (082)
ББК 63.3 (0)63-6 Я 43
Х73

Рецензенты:

Атоян А.И. – профессор кафедры документоведения и технотронной информологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», доктор философских наук.

Бодрухин В.Н. – профессор кафедры истории Отечества ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», доктор исторических наук, профессор.

Черкашин К.В. – декан исторического факультета ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный университет», кандидат политических наук, доцент.

Х73 **Холодная война: уроки и проблемы:** материалы Международной научной конференции. – (Луганск, 15–16 февраля 2017 года) / под ред. : З.А. Саидова. – Луганск : «Пресс-Экспресс», 2017. – 176 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых и молодых исследователей различных отраслей наук и групп специальностей, посвященные теоретическим вопросам истории холодной войны.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, студентам и всем, интересующимся проблемами холодной войны.

*Печатается по решению научной комиссии
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 9 от 20 июня 2016 г.)*

УДК 94(100): 327.54 (082)
ББК 63.3 (0)63-6 Я 43

© Коллектив авторов, 2017
© ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ имени
Тараса Шевченко», 2017

К 35-летию со дня рождения

Михаила Ширяева,

*кандидата исторических наук, доцента кафедры
всемирной истории
и международных отношений
(1982–2015)*

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Саидов З.А.

Афганская война и радикализация ислама.....8

Баранов А.В.

Сандинистская революция в Никарагуа в контексте холодной войны: религиозный аспект противостояния (1979–1989 гг.).....17

Бойчук С.С.

Конфликт императивов создания империи и национальных традиций в английском обществе второй половины XIX столетия.....20

Бондарь А.Ф., Ткачук П.Ю.

Экономическое противостояние СССР и США времен холодной войны.....28

Ладыга А.И.

Интерпретация истории Великой Отечественной войны и причин холодной войны в учебной литературе США.....32

Шелото В.М.

Отождествление коммунизма и фашизма как один из приёмов идеологической борьбы эпохи холодной войны.....37

РАЗДЕЛ II СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Бабік О.О., Крисенко Д.С.

Суперництво між США та СРСР у період Фолклендської війни 1981–1982 рр.....47

Бозоян Т.Р.	
Конфронтация США и СССР: театр боевых действий времен холодной войны.....	50
Бредихин А.В., Пчеленко Н.Ю.	
Внешняя политика США на рубеже 80–90-х годов XX столетия...53	
Грицких Д.В.	
Проникновение Великобритании в Китай в первой половине XIX века: «Большая игра» или предыстория холодной войны.....	57
Гуржи В.А.	
Военный аспект противостояния СССР и США в начале 60-х годов XX века.....	61
Дибас О.А.	
Конголезский кризис как этап холодной войны.....	64
Ищенко В.В.	
Публичная дипломатия в период холодной войны.....	75
Крысенко Д.С.	
Идеология и практика потребительства как инструмент внешней политики США в период холодной войны.....	79
Логинов А.В., Яскевич Д.В.	
Развитие информационных технологий в СССР в период холодной войны.....	83
Магдалюк А.В.	
Китайско-тайваньские отношения как региональное проявление холодной войны.....	85
Милокост Л.С.	
Військовий аспект холодної війни за матеріалами «The Daily Telegraph» і «The Times».....	88

Мирошниченко Р.А.

«Пролог» холодной войны: российско-американские отношения начала XX века.....95

Овдий В.А.

«Космический этап» противостояния СССР и США в холодной войне.....99

Писаный Д.М.

Конструирование образов супергероев Голливуда в условиях холодной войны.....103

Руснак А.В.

Французско-американские отношения в период президентства Шарля де Голля.....106

Сбродов А.А.

Психоинформационное воздействие как основной инструмент победы США в холодной войне.....110

**РАЗДЕЛ III
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА XXI ВЕКА?**

Кабрилёва Ю.Ю.

«Гибридная война» как новый инструмент ведения холодной войны.....114

Карнаухий П.В.

Антироссийские санкции и российско-британские отношения.....118

Кусургашев В.Н.

Донбасс: Цивилизационный разлом или геополитическое противостояние?.....121

Лакушева Ю.Д.

Проблема Нагорного Карабаха как возможный проект соперничества США и России на постсоветском пространстве.....125

Миндюкова А.В.

Охлаждение российско-польских отношений в 2010–2016 гг. как вероятный виток продолжения холодной войны129

Муза Д.Е.

От холодной войны – через «теплую» – к «горячей» (об изменении катастрофического сценария мировой политики).....137

Пожидаев А.Е.

Обеспечение продовольственной безопасности в контексте обострения геополитических конфликтов.....142

Смирнов Е.А.

Взаимодействие НАТО–ЕС и договоренности «Берлин плюс».....147

Степанов Е.П.

От Фултона до Донбасса152

Харьковский Р.Г., Савченко Л.М.

Суданский вопрос.....156

Хижняк А.В.

Приход В. В. Путина к власти в оценке британского премьер-министра Тони Блэра.....165

Юрко А.В.

Концепция развития флота США в период холодной войны169

Якименко Л.Н.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в оценке Зб. Бжезинского..... 171

РАЗДЕЛ I ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 94 (581):28-028.81 «1979/1989»

Саидов Зиявудин Абасович

*кандидат исторических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой всемирной истории и
международных отношений*

*Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

АФГАНСКАЯ ВОЙНА И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМА

В статье рассматривается процесс усиления исламских радикальных организаций и активизации их деятельности в годы афганской войны (1979–1989 гг.). Особое внимание уделяется роли стран Запада, Саудовской Аравии и Пакистана в данном процессе.

Ключевые слова: *ислам, Афганистан, моджахеды, «Талибан».*

Значимым эпизодом истории противостояния СССР и стран Запада в период холодной войны, имевшим негативные последствия для последующего развития мировой истории, была афганская война 1979–1989 гг. Известно, что афганский джихад 80-х гг. прошлого столетия стал своего рода предтечей разнообразных радикальных исламских движений, составляющих угрозу миру и в настоящее время.

27 апреля 1978 г. в Афганистане был совершен государственный переворот, получивший название Апрельской революции, к власти пришла Народно–демократическая партия Афганистана. Страна была объявлена Демократической Республикой Афганистан, а НДПА обнародовала программу по преодолению отсталости и ликвидации феодальных пережитков [1, с. 32–39].

Политическое ядро афганской вооруженной оппозиции левому режиму составили исламские партии со штаб–квартирами в

Пешаваре. Все они объединяли последователей суннитского направления ислама и в той или иной степени копировали идеологические установки и организационные принципы, разработанные основателями международной «Ассоциации братьев-мусульман». Две из них, ИПА Г. Хекматъяра и ИОА Б. Раббани, возникли еще в 1976 г. из исламских радикалов, входивших ранее в организацию «Мусульманская молодежь». С лета 1978 года в Пакистане начали действовать множество других оппозиционных правительству Кабула суннитских военно-политических организаций: Движение исламской революции Афганистана М.Н. Мухаммади; Национальный исламский фронт Афганистана С.А. Гилани, Национальный фронт спасения Афганистана С. Моджаддеди, Исламская партия Афганистана Мухаммада Ю. Халеса, Исламский фронт за освобождение Афганистана А. Сайяфа.

Формировавшаяся в Афганистана исламская оппозиция еще до ввода советских войск в страну нашла поддержку в США. В июле 1979 года президент США Дж. Картер подписал секретный указ об оказании финансовой помощи моджахедам, борющимся с правительством Афганистана [2, с. 151].

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистане, состоявшийся в декабре 1979 г., стал для лидеров афганской вооруженной оппозиции и для ряда авторитетных духовных лиц всего исламского мира поводом для призыва к борьбе с «неверными», под которыми подразумевались уже не только правящий в Кабуле режим. Фетвы о призвании мусульман всего мира к участию в афганском джихаде были опубликованы улемами Саудовской Аравии и шейхами Каирского университета Аль-Азхар. Чрезвычайная сессия министров иностранных дел стран-членов Организации Исламской конференции 27 января 1980 г. в Исламабаде приняла резолюцию, в которой осудила «советскую военную агрессию против афганского народа», потребовала «немедленного и безоговорочного вывода всех советских войск, находящихся на афганской территории» и недопущения с их стороны «угнетения и тирании в отношении афганского народа и его борющихся сынов». Она приостановила членство Афганистана в ОИК и призвала все мусульманские

государства не признавать «незаконный режим в Афганистане и прекратить дипломатические отношения с этой страной до полного вывода советских войск из Афганистана» [3, с. 259].

Основной опорой афганских моджахедов оставался Пакистан, чей лидер – генерал Мухаммед Зия-уль-Хак – довольно активно проводил курс исламизации своей страны. В марте 1982 года в Пешаваре а волне сопротивления советским войскам и кабульскому просоветскому режиму оппозиционные партии и группы объединились под эгидой «Исламского фронта освобождения Афганистана». Именно этот альянс стал главной силой сопротивления советской агрессии и кабульскому режиму, однако, формальная объединительная структуризация и наличие общей цели вовсе не означали единства в прямом понимании этого слова [4, с. 26.]

С первых же дней ввода советских войск активную поддержку «делу освобождения Афганистана» стали оказывать государства Запада, в первую очередь США. Президент США Дж. Картер, выступая в Белом доме перед представителями факультета исламских исследований 7 февраля 1980 г., указал на общность интересов мусульманского мира и США и подчеркнул то, что в настоящий момент советские войска находятся в исламской стране, где люди сражаются за свою свободу [5, с. 23]

После ввода советского контингента в Афганистан администрация США возобновила военно-экономическую помощь пакистанскому правительству, которая была приостановлена в 1979 году. Вашингтон предоставил Исламабаду два пакета помощи Первый был рассчитан на 1981–1987 годы и составлял 3,2 млрд. долларов США. Второй пакет, запланированный на 1987–1993 годы, был равен 4,3 млрд. долларов [6]. Было заявлено, что данные суммы должны были помочь справиться Пакистану с возрастающей небезопасностью в регионе и продолжить развитие экономики. Несомненно, под «возрастающей небезопасностью» подразумевалось советское военное присутствие в Афганистане.

С начала 1980-х годов при администрации Рональда Рейгана была запущена операция «Циклон» с целью оказание финансовой помощи афганским моджахедам через пакистанскую межведомственную разведку. В операции, продолжавшейся до

свержения режима Наджибулы в 1992 году, помимо США, была активно задействована Саудовская Аравия, которая спонсировала половину бюджета поддержки моджахедов [7, с. 71]. Финансирование операции «Циклон» увеличивалось с 35 млн. долларов в 1982 году до 600 млн. долларов в 1987 году [8, р. 50].

При поддержке исламских государств, а также согласия западных спонсоров борьбы против просоветского правительства, в Афганистан устремились тысячи добровольцев-мусульман для участия в джихаде на стороне исламской оппозиции, и священная война против кабульского режима и советских войск приобрела международный характер. В 1982 г. в пакистанском Пешаваре обосновался бывший активист Братьев-мусульман и один из создателей радикального движения Хамас палестинец А. Аззам, тесно связанный с саудовскими правящими и религиозным кругами. Он создал «Бюро по обслуживанию моджахедов» и начал издавать журнал «Аль-Джихад», на страницах которого доказывал, что для участия в джихаде мусульмане не обязаны спрашивать разрешения ни у кого, и подчеркивал, что Афганистана будет лишь первым этапом на пути освобождения из-под ига неверных всех мусульманских земель [3, с. 263]. В 1985–1986 гг. ЦРУ совместно с межведомственной разведкой Пакистана расширили «географию» набора моджахедов. Во время секретного визита в Пакистан директор ЦРУ У. Кейси подписал соглашение с главой Пакистанской разведки, в соответствии с которым ЦРУ оказывал помощь в наборе исламских радикалов в разных странах для их дальнейшего обучения и направления в Афганистан. Помимо стран Персидского залива сюда также были включены Турция, Филиппины и КНР [9, р. 128–129]

Основным поставщиком бойцов для джихада против «коммунистического» кабульского режима стали медресе, действовавшие на севере Пакистана. По данным афганского ученого, члена афганской Академии наук Шабаханга, приведенным в его книге «Возрождение культурных институтов Афганистана», в лагерях для беженцев силами так называемого «переходного правительства» Афганистана представителями семи моджахедских партий было создано 1608 медресе и мактабов, где обучалось более

40 тыс. молодых афганцев [10, с. 36]. Существует немало доказательств того, что данные религиозные учебные заведения являлись центрами пропаганды идей ваххабизма. Известный французский востоковед О. Руа по этому поводу писал, что «в лагерях и городах тысячи молодых афганцев получают образование в Пакистане по программам, спонсируемым Западом, или в ваххабитских медресе» [11, р. 94]. Впоследствии религиозные школы, как в Афганистане, так и на территории Пакистана стали основным резервом для формирования движения Талибан» [12, с. 28.]

Результатом такого участия последователей ислама в афганской войне, стало усиление радикальных настроений в самих мусульманских странах, на что обращал внимание российский востоковед А.М. Васильев: «Афганистан в 80-е годы стал мощным катализатором фундаменталистских и экстремистских движений в мусульманском мире. Тысячи добровольцев из многих мусульманских стран влились в ряды афганской оппозиции. Большинство из них работали в школах, больницах, гуманитарных организациях. Несколько тысяч принимали участие в боевых действиях против советских и правительственных войск... ЦРУ финансировало (вместе с Саудовской Аравией), вооружало и обучало исламистских боевиков в Афганистане, не сознавая, что возвращает своего рода коллективного Франкенштейна, который позднее обратит оружие и против США. После вывода советских войск из Афганистана тысячи «арабских афганцев» стали возвращаться в Алжир, Египет, Тунис, Судан, Саудовскую Аравию. Прошедшие военную подготовку и обстрелянные в боях, пропитанные воинствующим исламистским духом, не умеющие ничего делать, кроме как воевать, они стали костяком экстремистских группировок» [13, с. 153]. Именно в лагере афганских моджахедов в 1988 году начала свою деятельность организацию «аль-Каида» Усамы бен Ладена [7, с. 77].

После вывода советских войск, хотя борьба в Афганистане потеряла идеологический контекст как война против «неверных», гражданская война в стране не прекратилась. Еще три года в Кабуле просуществовал режим М. Наджибуллы. Агрессивные и экспансионистские действия Исламабада оттолкнули часть

населения от исламской оппозиции, активно поддерживаемой пакистанским правительством, вызвав патриотические чувства афганцев. Соединенные Штаты продолжали оказывать моджахедам активную поддержку на международной арене.

После падения режима М. Наджибуллы в марте 1993 г. в Пешаваре было заключено соглашение между основными группировками моджахедов. Пост президента был оставлен за таджиком-исламитом Б. Раббани, а должность премьер-министра была предоставлена Г. Хекматъяру. Однако между ними начались бои. Парадоксально, но именно в период борьбы за власть между президентом и премьер-министром одного государства его столичный город подвергся самому беспощадному разрушению [14]. Неурегулированность взаимоотношений с пуштунским большинством привела к усилению враждебного отношения между пуштунами на юге страны и властями в Кабуле [15, с. 57–58.]

В условиях, когда правительство Раббани-Хекматиара не предложило конкретного пути выхода из экономического кризиса и страна столкнулась с угрозой распада, на политической арене появилось движение «Талибан», заявившее о собственном варианте спасения страны [16]. К лету 1994 г., когда появились первые известия о движении «Талибан», в Афганистане «продолжались боевые действия между различными группировками моджахедов, боровшимися за передел власти, страна фактически оказалась расколотой, фрагментированной на ряд больших и малых автономных и полуавтономных регионов» [12, с. 41]. На момент появления движения «Талибан» на афганской политической сцене осенью 1994 года большинство его руководителей были неизвестны афганскому общественному мнению. Политическим руководителем движения «Талибан» был заявлен Мохаммад Омар, который во время войны против режима в Кабуле и советского присутствия являлся полевым командиром небольшого отряда моджахедов [17]. Существует мнение, что организационные начала, основанные на почти партийной дисциплине, в движении «Талибан» обеспечивали бывшие функционеры НДПА при активной поддержке пакистанской службы разведки [12, с. 84] Своими успехами в борьбе за власть

движение «Талибан» было во многом обязано тому, что в середине 1990-х годов интересы Пакистана, США и Саудовской Аравии в регионе совпали.

Мулла Мохаммад Омар так охарактеризовал суть своего движения: «Это партия моджахедов, состоящая из нескольких групп людей, желающих, чтобы мир извлек пользу из целей и из результатов афганского джихада. Они не являются официальной группой, но по сути действий моджахедов, опровергающих зло, они есть формирование реформистов. Как вы, возможно, хорошо знаете, целями афганского джихада было прекращение влияния России в Афганистане, а также оказание помощи мусульманской религии в этой стране... Они [талибы] будут действовать и сегодня, искореняя зло в стране, устанавливая власть шариата и совершая джихад против лидеров, имеющих власть, но осуществляющих ее не по шариату, в том, что будут стремиться сделать землю Афганистана образцовым государством» [4, с. 26].

Захватив власть на большей части Афганистана и провозгласив Исламский эмират Афганистан, руководство талибов, которое постоянно заявляло, что не намерено вмешиваться во внутренние дела соседних государств, тем не менее, стало поддерживать исламских экстремистов в Центральной Азии и на Кавказе, в первую очередь, в Таджикистане и Узбекистане.

В ноябре 1995 года началась череда террористических атак «аль-Каиды» против Соединенных Штатов Америки, а после нападения на Центр международной торговли 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, из-за поддержки «аль-Каиды» режимом талибов и отказа выдачи Усама бен Ладена, США начали контртеррористическую операцию и ввели свои войска в Афганистан. В том же году подразделения Сил специальных операций США и ЦРУ, совместно с афганскими войсками и при поддержке ВВС США менее чем за три месяца свергли режим талибов.

Но после данных событий борьба США с исламскими экстремистскими силами продолжалась в сочетании с попытками сотрудничества с отдельными группами из них в своих геополитических интересах. И в 2014 году, выступая на международном дискуссионном клубе «Валдай», президент России

В. Путин сетовал по поводу поддержки Западом международного терроризма: «Я не устаю удивляться тому, как наши партнёры раз за разом, как у нас в России говорят, наступают на одни и те же грабли, то есть совершают одни и те же ошибки. В своё время они спонсировали исламские экстремистские движения для борьбы с Советским Союзом, которые прошли закалку в Афганистане. Из них выросли и «Талибан», и «Аль-Каида». Запад если не поддерживал, то закрывал глаза, а я бы сказал – и поддерживал на самом деле информационно, политически, финансово вторжение международных террористов в Россию, мы этого не забыли, и в страны Центрально-Азиатского региона» [19].

Ввод советских войск в Афганистан сформировал как в самой стране, так и за ее пределами исламский фронт сопротивления, который получил политическую, экономическую и военную поддержку со стороны США и других стран Запада. В 1979–1989 годах в афганский джихад были вовлечены представители всех радикальных исламских идеологических течений. Усилиями спецслужб мусульманских стран и Запада в Афганистане и на севере Пакистана были созданы центры идеологической и боевой подготовки, трансформировавшиеся в своеобразные «питомники», в которых из молодых мусульман радикальных взглядов стали «вращивать» как эмиссаров-проповедников, так и разного рода боевиков и террористов. А вывод советских войск из Афганистана и последующий распад СССР способствовали формированию комфортных условий для усиления радикальных исламистских идей и их практической реализации в самых разных странах мира.

Литература

1. **Война в Афганистане.** – М., 1991. – С. 32–39.
2. **Clarke R.** *Against All Enemies: Inside America's War on Terror.* Free Press, 2004.
3. **Кудрявцев А.В.** «Арабские афганцы» (к вопросу о механизмах радикализации исламистских движений) [Текст] / А.В. Кудрявцев // *Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. и Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии / Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока;* [Отв. редакторы: В.Я. Белокреницкий и А.З. Егорин]. –

М. : Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – С. 258–273.

4. Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии / А.А. Князев. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002.

5. Чернышков А.В. Политика Соединенных Штатов Америки в Афганистане от Саурской революции до окончания первого президентского срока Б. Обамы: дис. ... канд. исторических наук, Волгоград – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://disser.spbu.ru/disser2/211/disser/chernyshkov_disser.pdf, свободный.

6. Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. Yale : Nota Bene Books, 2001. – P. 128–129.

7. Чернышков В. Пакистан и его дилемма безопасности в 1979–1980 гг. [Текст] / В. Чернышков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 15. – № 1. – 2013. – С.150–162.

8. Cookman C., French B. The Pakistan Aid Dilemma Historical Efforts at Conditionality and Current Disputes Converge in the U.S. Congress, December 16, 2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://americancongress.org/issues/security/report/2011/12/16/10823/the-pakistan-aid-dilemma/>, свободный.

9. Roy O. The New Political Elite of Afghanistan [Text] / O. Roy // The Politics of Social Transformation in Afghanistan, Iran and Pakistan. Syracuse, 1994.

10. Шабаханг. Базсазйии нехад-хайи фархангийи. – Афганистан. Пешавар, 1995.

11. Rubin B.R. The Fragmentation of Afghanistan. New Haven and London, 1995.

12. Белокреницкий В.Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В.Я. Белокреницкий, Р.Р. Сикоев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.

13. Васильев А.М. Египетский терроризм в контексте мусульманского экстремизма / А.М. Васильев // Терроризм и религия. – М. : Наука, 2005.

14. Шабаханг. Базсазйии нехад-хайи фархангийи. – Афганистан. Пешавар, 1995.

15. Аюбзод С. Афганистан: чем устлана дорога к миру? Об этнической природе афганского конфликта [Текст] / С. Аюбзод // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм. – 1997. – № 1(7). – С. 54–68.

16. Малашенко А. Движение «Талибан»: итоги подводить рано// Центральная Азия и Кавказ [Текст] / А. Малашенко. – Стокгольм, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.ca-c/datarus/bd_rus.shtml; **Москаленко В.** Пакистан – курс на Центральную Азию [Текст] / В. Масленко // Восток/Oriens. – 1996. – № 5. – С. 84. **17. Акимбеков С.** Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.continent.kz/library/KN-2>, свободный. **18. Павлова Т.П.** Исламский фактор в политике американского империализма [Текст] / Т.П. Павлов // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 6. – С. 3–14. **19. Заседание Международного** дискуссионного клуба «Валдай». Сайт Президента России, 24 октября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/46860>, свободный.

УДК 94(728.5)

Баранов Андрей Владимирович

*доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор
профессор кафедры политологии и политического управления
Кубанского государственного университета
(г. Краснодар, Российская Федерация)*

САНДИНИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НИКАРАГУА В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1979–1989 гг.)

Рассматривается религиозный аспект противостояния внутригосударственных и внешних акторов Сандинистской революции в Никарагуа. Проведен анализ доктрины и практики теологии освобождения.

***Ключевые слова:** теология освобождения, Сандинистская революция, Никарагуа, Сандинистский фронт национального освобождения.*

Сандинистская революция стала первой, которая показала массовое организованное участие католиков в национально-освободительном движении. Слаборазвитая страна Центральной Америки десять лет успешно сопротивлялась необъявленной войне

США. Никарагуа стала одной из «горячих точек» холодной войны между СССР и странами Запада.

Цель тезисов – определить религиозный аспект противостояния внутригосударственных и внешних акторов Сандинистской революции в Никарагуа (1979–1989 гг.).

Теология освобождения – это доктрина и политическая практика, сформировавшиеся в Латинской Америке в 1960-х гг. как религиозный ответ на социальную несправедливость. Среди её положений – необходимость экономического, политического, социального и идеологического освобождения общества; осуждение неравенства и диктатуры; апелляция к евангельскому идеалу равенства; оправдание вооруженной борьбы против империализма. Принципы теологии освобождения формулировали Г. Гутьеррес, Л. Бофф, Э. Дюссель. Большое влияние на них оказали решения Второго Ватиканского вселенского собора и энциклика папы Павла VI «*Populorum progressio*» (1967 г.). Теология освобождения испытывала воздействие марксизма – критику социального отчуждения, апологию угнетенных и классовой борьбы. Многие священнослужители и католики-миряне участвовали в повстанческой борьбе против диктатуры А. Сомосы и империализма США (1961–1979).

Взаимоотношения революции и верующих определялись Основным статутом 1979 г., который признал свободу совести. Четыре священника – члена Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) стали министрами революционного правительства. Христианские низовые общины стали основным институтом влияния революции на верующих. Они создавались на приходском уровне, брали на себя решение насущных вопросов: борьбу с нищетой и неграмотностью, с эпидемиями и преступностью; обсуждение инициатив власти и самоорганизацию на выборах, участие в комитетах самообороны и мобилизацию в армию. 350 католических общин приняли хартию, осудив агрессию США и «контрас». Они называли себя «народной церковью».

С 1981 г. конфликт между СФНО и Ватиканом нарастал. Представитель папской курии Бисмарк Карбальо осудил низовые общины как «раскольнические элементы с догматическими

материалистическими взглядами» [1]. Он требовал освободить осужденных «контрас», настаивал на высылке из страны всех кубинцев. Архиепископ М. Обандо-и-Браво отлучил от церкви верующих-сторонников революции, призвал к бойкоту выборов 1984 г. и службы в армии. Архиепископ поддержал призыв предпринимателей к Организации американских государств и ООН вмешаться в дела страны. М. Обандо-и-Браво одобрил, что конгресс США выделил 100 млн. долл. для «контрас».

Президент Никарагуа Д. Ортега Сааведра назвал эту позицию иерарха «высшим предательством Родины» [2]. Раскрыт план спецслужб США вызвать беспорядки учащих религиозных колледжей. Власти вынуждены пойти на административные меры. В 1985 г. передачи Католического радио и выпуск бюллетеня Епископальной конференции Никарагуа (ЕКН) прекращены из-за призывов к бойкоту воинской службы. В 1986 г. епископу П.А. Вега и представителю курии отказали во въезде в страну.

Качественно новая расстановка сил сложилась после Гватемальских соглашений 1987 г. Начался диалог правительства с оппозицией, объявлена политическая амнистия, прекращены военные действия, обеспечена свобода слова и доступ всех партий к СМИ. Сокращена армия и виды её вооружений [3, с. 720]. Комиссию по примирению возглавил архиепископ М. Обандо-и-Браво. Впервые возник диалог иерархов церкви, СФНО и оппозиции. Архиепископ призвал к миру и вынужден был призвать США прекратить поддержку «контрас». Возвратились из эмиграции иерархи. Возобновили работу Католическое радио и газета «Пренса». Большинство низовых общин поддержало политику национального примирения. По их инициативе без ведома ЕКН создавались «комиссии мира». Они боролись за прекращение огня и соблюдение прав человека.

Вмешательство США, прекращение советской помощи, катастрофическое положение вследствие войны придали оппозиции инициативу. Президентские выборы 1990 г. при поддержке США выиграла кандидат оппозиции В. Барриос де Чаморро, что привело к завершению революции.

Курс СФНО способствовал участию верующих в революции. Внутри католической церкви начала организовываться «народная церковь» из низовых христианских общин на основе теологии освобождения. Противодействие церковной иерархии

определялось её связями с буржуазией, лояльностью Ватикану и интересам США. Опыт Никарагуа актуален и сейчас, когда стоит задача сплочения сторонников социальной справедливости.

Литература

1. Barricada. Managua, 1982, 27 de Enero. **2. Barricada.** 1986, 11 de Marzo. **3. Платошкин Н.Н.** Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия / Н.Н. Платошкин. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 800 с.

УДК 355.01 : 316.7 «1951/1999»

Бойчук Сергей Сергеевич

кандидат философских наук,

и.о. заведующего международным отделом

Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

КОНФЛИКТ ИМПЕРАТИВОВ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

В статье рассматриваются противоречия между идеей имперской государственности и консервативно-демократическими традициями английского общества. Показаны особенности английского государственно-правового идеала, раскрыты причины трансформации государственных моделей в условиях управления колониями, проанализирована роль британской элиты, «младших сыновей», в становлении имперского проекта Великобритании.

Ключевые слова: *Великобритания, империя, колониализм, Raj, Civil service.*

В одном из номеров сатирического журнала Punch за 1849 год был опубликован рисунок под названием «There is no place like home»: в центре изображен упитанный англичанин в окружении многочисленного беззаботного семейства,

погруженного в домашние радости, а вокруг этой идиллии в виде некой рамки расплескался хаос варварства и истории в виде революций, войн, политических игр коронами [1, с. 166]. Среди этой кровавой, неаккуратно набросанной карандашом, неразберихи по ту сторону Ламанша осталось пространство будущей Империи, большие батальоны которой уверенно шагали по индийскому субконтиненту, присоединяя Пенджаб и раздвигая горизонты цивилизации.

Напряженность между желанием отгородиться от всего мира и необходимостью создавать глобальное пространство усиливалась несовместимостью имперского проекта и идеи английской нации. Отказавшись от участия во всемирной теократии Ватикана и создав собственную церковь, тождественную нации, англичане не стремились интегрировать «подчиненные расы» в единую структуру: как заметил лорд Кромер, что естественно для Вестминстера не стоит переносить в Калькутту или Каир [2, с. 350]. Именно поэтому Великобритания оказалась между империей и нацией, вернее: одна часть была империей, а другая пыталась сохранить нацию.

Общепризнанной особенностью английской истории является как наличие независимого от государства и готового защищать свои интересы гражданского общества, так и признание всеми социальными слоями Англии особой значимости данной социально-политической идеи. Главным средством защиты общества от государства выступало обоюдное признание непреходящей значимости закона, как остроумно заметил служивший в Бирме Эрик Блэр, известный под писательским псевдонимом «Джордж Оруэлл»: «В отличие от испанского или итальянского крестьянина англичанин не чует печенкой, что закон – это обыкновенное жульничество» [3, с. 311]. Всеобщая вера в закон не только не соответствовала пропитанному правовым нигилизмом духу Востока, но и нарушала имперские принципы, ориентированные более на ценностно-окрашенную идею справедливости, чем на правовые нормы.

Так же одну из ключевых ролей в конфликте государственных проектов играло и различное понимание силы, и ее места в политической жизни общества. В основе жизни англичан

находится не насилие, а Habeas-corpus, гарантирующий неприкосновенность личности и защиту индивидуальной свободы. Подчинение общепринятой традиции, а не навязанной государственной норме привело к тому, что большинство вопросов решается мирными способами, а сила в принципе не рассматривается в качестве заслуживающего внимания аргумента в любой сфере.

В данном контексте показательным является следующий случай: во время самых серьезных бомбардировок Лондона германскими люфтваффе во Второй мировой войне власти попытались помешать горожанам превратить метро в бомбоубежище; в ответ лондонцы не стали ломать двери и брать станции штурмом, они просто покупали билеты по полтора пенни, тем самым получая статус законных пассажиров, и никому не приходило в голову попросить их обратно на улицу [3, с. 311]. Этот пример, вместе с множеством иных, выступает ежедневным доказательством регулятивной силы консервативно-демократических традиций в обществе.

Кроме того, характерная для империи тенденция признания за государством сакральной миссии и всеобщего ей подчинения вытесняли видение роли закона как фундамента социальных взаимоотношений. Ежедневная практика управления колоний заменяла силу нормативного акта индивидуальным волевым решением, укорененной в парадигме рациональной власти-знания и проекта имперского строительства. Отступление от типично английского восприятия действий представителей власти в качестве следования духу обоготворенного закона, вызванное, с одной стороны, необходимостью легитимизации со стороны «подчиненных рас», а с другой – следованием идеи империи, привело к формированию политической элиты, во многом чуждой внутренним устоям и традициям.

Принципиальную роль в этом процессе преобразении властных моделей сыграли два фактора: во-первых, в результате приобретения колоний происходило освобождение властных структур от устоявшегося поля гражданского контроля, т.е. государственный аппарат – полиция, армия, чиновничество – который в национальном государстве сосуществовал с другими

институтами, ограничивающими его деятельность, обрел самостоятельный статус и поднялся до уровня представителей цивилизации в «отсталых» регионах; во-вторых, англичане на Востоке были организованы в качестве эндогенной касты.

Особенно ярко это проявилось в Индии, где, по оценке Джавахарлала Неру, «англичане и особенно чиновники Индийской гражданской службы создали касту, которая является незыблемой и обособленной» [4, с. 17]. Эту касту «аристократов» объединяло напоминаящая религиозную веру убежденность в собственное высшее предназначение и самосознание законодателей-демиургов, творцов государств и народов, не видящих универсальное значение закона, но уверенных в экзистенциальном призвании править.

Колониальный опыт с несравнимо более существенным значением бюрократических структур и предписаний противостоял государству, обладающему минимальной властью и построенному не на диктате норм и всепроникающем аппарате принуждения, а на самоуважении граждан. Из столкновения двух государственных моделей в рамках одного национального организма, усиленного противоречием ценностно-смысловых установок, оформилось либеральное направление критики империализма. Сущность этой критики, проникнутой пафосом защиты демократических устоев, сводилась к противопоставлению политической модели с преобладающими традициями гражданского общества и имперской державности с культом силы и эффективного правления.

Опасность краха права как всеобщего и нерушимого регулятора – гарантии безусловных и неотъемлемых свобод – и утверждения на его месте в качестве единственной онтологически истинной субстанции воли правящего воплощали представители колониальной бюрократии. Именно последние, окрыленные верой в собственное великое предназначение, согласно мнению либеральных критиков империализма, привыкли в колониях к эффективному и неорганическому применению властных полномочий при отсутствии контроля со стороны общества. Пройдя становление в условиях «восточного рабства», «белые господа», гордые своим первородством сахибы являлись живым воплощением отчасти искусственно созданного фантазией противников имперской политики, отчасти имеющего реальные

основания в колониальной действительности феномена, получившего названия «административная резня».

Данное понятие, так пугавшее английских барышень и либералов, оказалось необходимым этапом в развитии бюрократической модели управления колониями. Однако следует помнить, что бюрократия – этот жуткий, по словам Томаса Карлейля, «кошмар», который в отличие от континентальных соседей, англичанам удалось избежать. В течение длительного времени гордых англо-саксов «не мучили» жандармы, таможенники, всевозможные мелкие чиновники: они считали себя гражданами государства, позволявшего делать им многое, не сковывая частную инициативу мелочной регламентацией. Поэтому, почувствовав слабую, скорее всего, преувеличенную угрозу привычному порядку вещей, британец испытывал инстинктивное неприятие имперских форм социальной регуляции.

Скрытая угроза превращения «разрушителей закона в Индии в творцов закона в Англии» (Берк) серьезно беспокоила отдельных представителей Британского политического Олимпа. В различных статьях и книгах можно было прочесть о том, как кровожадный зверь деспотизма, ориентальный стиля руководства и тиранические личности готовы уничтожить старую, добрую Англию: «Индийская система управления при помощи докладов вызвала к себе подозрение [в Англии]». «В Индии не было суда присяжных, и все суды были платными служащими короны, многих из них можно было уволить, когда вздумается. Многие специалисты формального права чувствовали тревогу в связи с успехом индийского эксперимента». «Если деспотизм и бюрократия так хорошо сработали в Индии, то это не означает и это, что когда-нибудь этот успех не будет использован как аргумент в пользу введения нечто подобного и тут» [цит. по 1, с. 264–269].

Если угроза применения колониального опыта была только в отдаленной перспективе, то уже к началу двадцатого века Дж. Гобсон отмечал, что именно империализм стал главной причиной вырождения двухпартийной системы в систему «передней скамьи», что привело к «уменьшению могущества

оппозиции» в парламенте и увеличению «власти кабинета по сравнению с палатой общин».

Во второй половине XIX столетия по Британским островам бродил призрак переноса колониального опыта в метрополию, и приверженцы консервативно-демократических традиций общества, личностный идеал которого – свободный гражданин, а не подавляющий своих подданных всесильный Цезарь [5, с. 236], видели в империи главного врага выработанных в течении веков принципов организации социального пространства.

Особая роль в этом процессе продвижения имперского проекта принадлежала британской аристократии; важным условием успешной политической карьеры представителей правящего сословия было взросление в колониях.

Согласно восторженным словам Дж. Гриффитса, Р. Сили, С. Родса и других бардов империализма главным субъектом глобального имперского действия выступали «младшие сыновья» аристократических семей. Самоотверженность и дух пиратского авантюризма благородных отпрысков стали главным мифом имперской экспансии. Бесспорно, завоевывать континенты одиночки, увлеченные собственной борьбой с драконом мирового зла, не в состоянии, но они выступают организующей и главной движущей силой имперского механизма. Какие причины скрываются за тем фактом, что именно дети аристократических семейств строили империю? Традиционным ответом на данный вопрос выступали рассуждения об особой роли английской системы наследования имущества и титулов, создавшей феномен «младших сыновей». Однако только принципом майората объяснить данную проблему не возможно, поэтому обратимся к другим факторам, позволившим британской элите стать лучшими солдатами империи.

Лорду Веллингтону приписывают знаменитую фразу: «Битва при Ватерлоо была выиграна на полях Итона». Интересное продолжение этой мысли английского полководца об особом духе, который выносили из стен ученики лучших британских учебных заведений, находим в книге выдающегося проконсула Британской империи лорда Лугарда «Двойной мандат в Британской тропической Африке».

Описывая чиновника гражданской службы (civil servant) Лугард отмечает, что в его активе находятся только несколько ценных качеств и это обычно только public school и, возможно, университетское образование. При этом ни первое, ни второе не снабдило его ощутимым количеством нужных знаний, особенно применимых в работе в колонии. Однако, эти учебные заведения создали английского джентльмена с почти страстным пониманием честной игры (passionate conception of fair play), идеей защиты слабых и чувством правильной игры (playing the game). Его научили личной инициативе и находчивости, как руководить и подчиняться [1, с. 236].

Действительно, идеальным образованием для преодоления экстремальных и кризисных ситуаций является не отягощенное пустой информацией беспомощная и заученная предсказуемость, а снабженное эффективными методами уверенная в себе творческая продуктивность. О преимуществах именно такой на войне говорил и Наполеон, утверждая, что «главное – ввязаться в бой, а там – посмотрим». Причина этого заключается в том, что путь к победе идет не через упорядоченность приказов, директив и заранее подготовленных планов баталий. Один из главных секретов успеха – в способности быстро и гибко реагировать на любое изменение на шахматной доске с человеческими жизнями, внося коррективы в предполагаемые собственные действия в зависимости от поведения противника.

Кроме того, особое значение в создании империи отпрысков аристократических семей обуславливалось присутствием в процессе их индивидуального становления модели социальной фасилитации. Сущность последней заключается в экзистенциальной ситуации, вызванной необходимостью соответствовать высокому личностному уровню и основанной на категорическом императиве «ты должен быть», не выполнить который оказывается невозможным. При условии службы в колониях человек, прошедший через подобный экзистенциальный опыт, оказывался в аналогичной ситуации, требовавшей сверхличностных усилий.

При этом единственная разница между Англией и колониями заключалась в доминанте, определявшем поведение:

если на Британских островах в данной роли выступали «наследственные амбиции» или существующие представления об облике истинного дворянина, то в заморских территориях империи это было «бремя белого человека» или видение образа сахиба, белого господина, призванного управлять «полуварварами, полудетьми». Вследствие того, что, успешно пройдя первую критическую ситуацию в домашних условиях, молодые аристократы гораздо легче преодолевали более серьезную вторую ситуацию, не теряя себя в джунглях и песках империи, они становились наиболее надежным звеном в системе Pax Britannica.

Подводя некоторые итоги вышеизложенному, отметим несколько принципиальных тезисов: во-первых, имперская идея и практика существенно противоречили национальным традициям английского общества, во-вторых, чиновники, прошедшие колонии и впоследствии занявшие то или иное положение среди политической элиты Британии, несли с собой опыт эффективного управления, который они могли использовать (и использовали) для решения проблем на Британских островах, в-третьих, перенос имперской модели воспринимался определенной частью английского общества в качестве серьезной угрозы демократическим принципам.

Литература

- 1. Englishness.** Politics and culture 1880-1920 / ed. by Robert Colls and Philip Dodd. L. : Bloomsbury, 1986. – 378 s.
- 2. Marlowe J.** Cromer in Egypt / J. Marlowe. NY. : Praeger Publishers, 1970. – 700 s.
- 3. Оруэлл Дж.** 1984. Рассказы / Дж. Оруэлл. – М. : Прогресс, 1990. – 350 с.
- 4. Неру Дж.** Открытие Индии. Т. 2. / Дж. Неру. – М. : Наука, 1989. – 254 с.

УДК: 94[(47+57):(73)]:33-048.66 «1946/1989»

Бондарь Анатолий Федорович

*кандидат исторических наук, профессор,
действительный член международной академии организации науки
и практики организации производства,
академик Академии управления образования
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

Ткачук Петр Юрьевич

*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры маркетинга
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ СССР И США
ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Рассматривается экономическая основа противостояния СССР и США периода холодной войны. Приведен анализ организации экономик двух сверхдержав и рассмотрена динамика гонки вооружений.

***Ключевые слова:** холодная война, экономика, гонка вооружений, СССР, США.*

Противостояние двух сверхдержав времен холодной войны имело под собой помимо идеологической составляющей и экономическую основу. Без этого ни одно из направлений противоборства не представлялось возможным. Авторы оценивают это противостояние как борьбу двух типов экономических систем, внутри которых находятся концептуально различные типы экономической собственности на средства производства, борьбу способов производства и борьбу двух основных экономических законов, присущих фактическим социально-экономическим формациям СССР и США. Цель экономического противостояния овладеть экономически значимыми ресурсами и установить свою систему распределения и перераспределения производимого мирового продукта с фокусом концентрирования прибавочного продукта в экономике главенствующей страны.

Две страны имели различные исторические, социально-экономические предпосылки и условия хода противостояния. Это формировало различные по своей природе процессы в народном хозяйстве. Плановая, послевоенная экономика Советского Союза с преимущественно ручным управлением делала акцент на индустриализацию сферы материального производства с акцентом на выпуск товаров группы А и продукции военно-промышленного комплекса (ВПК). В сфере социально-трудовых отношений уделялось внимание удовлетворению коллективных потребностей. Это сопровождалось некоторым дефицитом товаров народного потребления, прибавочный продукт определенно превалировал над необходимым. Обеспеченность природными, научно-техническими и трудовыми ресурсами советской экономики была достаточна и служила в некоторой степени донором странам социалистического лагеря.

Организация экономики Соединенных Штатов осуществлялась под действием законов рынка. Что на поверхности имеет свободный характер действия, а по природе своей в процессе развития узурпирует экономические ресурсы стран мира. Начиная с 30-х годов XX века экономика США приобрела империалистический характер со всеми характерными чертами.

Политика Сталина, направленная на индустриализацию народного хозяйства. ценой огромных усилий народа позволила к началу 50-х годов возродить единый промышленный комплекс с довоенными объемами производства. Венцом этого стало проведение испытания первого атомного взрыва в 1949 г. и взрыва непосредственно атомной бомбы в 1953 году. Этот факт поставил под сомнение успешность плана захвата Советского Союза с атомной бомбардировкой всех стратегически значимых городов и промышленных объектов, что разрабатывало правительство Г. Трумэна.

В послевоенное время советская страна превратилась в единый трудовой лагерь с целью догнать и перегнать Америку по выпуску основных продуктов производства. Страна уделяла внимание количественному вопросу, редко задумываясь о качественном аспекте и пропорциях народного хозяйства. В противостоянии особенно большое значение уделялось ВВП СССР

и США. Сравнение этих показателей было довольно сильным инструментом в пропаганде обеих стран.

На 1950 год доля СССР в мировом ВВП составляла 9,6%. Это составляло 35% от ВВП США, то есть ещё ниже, чем предвоенный уровень, но, тем не менее, гораздо выше, чем показатель первого послевоенного года. В последующие годы разница в величине валовых продуктов двух сверхдержав, все больше сокращалась, хотя уже и не такими быстрыми темпами, как ранее. К 1970 году ВВП Советского составлял около 40% от ВВП Соединенных Штатов, что уже являлось довольно впечатляющим показателем. В 1983 году он достиг своего максимума – 993 млрд. долл. или 65% от уровня США. Это наибольшая величина валового внутреннего продукта за все время существования Советского Союза. Однако по производству некоторых продуктов в натуральном выражении СССР действительно догнал и перегнал США. Так по данным Государственного комитета статистики Советского Союза на 1987 г. производство превышало: молока на 58,4%, нефти на 43,3%, чугуна и цемента в 2 раза, добыча газа на 50,3% [1]. Однако производство товаров народного потребления значительно уступало уровню США.

Вершиной экономического противостояния была гонка вооружения (таблица 1), в авангарде которой стояло освоение космоса [2].

Таблица 1
Сравнительные расходы на военные цели СССР и США

Годы	Страна							
	СССР				США			
	военные расходы млрд. руб.	доля военных расходов в бюджете, %	военные расходы на 1 жителя, руб.	доля военных расходов в ВВП, %	военные расходы млрд. руб.	доля военных расходов в бюджете, %	военные расходы на 1 жителя, руб.	доля военных расходов в ВВП, %
1960	15,3	20,9	75,4	7,5	48,1	45,0	251,0	8,2
1970	29,2	18,9	97,3	7,3	81,7	39,4	399,7	7,8
1980	48,9	16,6	180,7	7,4	141,6	22,5	590,0	5,0
	63,4	16,4	237,3	8,3	252,7	25,9	1056,0	6,2

1985								
1988	76,9	16,7	269,8	8,9	292,8	26,5	1200,0	5,9
1989	77,3	16,1	269,6	8,4	303,6	25,5	1224,2	5,7
1990	71,2	13,9	244,8	7,5	296,3	25,5	1204,5	5,4

С конца 1970-х годов более эффективная экономика США и их союзников позволяла не только поддерживать военный и политический паритет, но и удовлетворять растущие потребности современного человека, которыми в силу чисто рыночных механизмов хозяйствования умела грамотно манипулировать. В то же время тяжеловесная, ориентированная на производство вооружений и средств производства, экономика СССР не могла, да и не собиралась конкурировать в этой области с США и странами запада. В конце концов, это отразилось на политическом уровне, СССР начал проигрывать борьбу не только за влияние в странах третьего мира, но и за влияние внутри социалистического содружества. Основной причиной этому были нарастание внутренних противоречий государственного аппарата управления, разбалансированность хозяйственного механизма экономики. Венцом окончания холодной войны был факт падения берлинской стены.

Однако авторы отмечают, что основное геополитическое противоречие не разрешено до сих пор и противостояние за обладание ресурсами продолжается в другой форме и другого характера.

Литература

1. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. – М., 2017.– 296 с. **2. Кара-Мурза С.Г.** Военные расходы СССР: оценка ЦРУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.contrtv.ru/common/10894](http://www.contrtv.ru/common/10894), свободный.

Ладыга Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

директор Института истории, международных отношений и социально-политических наук

*Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРИЧИН ХОЛОДНОЙ
ВОЙНЫ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США**

В предлагаемой работе осуществлена попытка противодействовать фальсификации истории в ущерб интересам России. В статье освещены вопросы формирования представлений о Второй мировой войне и причинах холодной войны в национальных учебниках истории США. Рассмотрены процессы трансформации за последние 20 лет представлений об истории Великой Отечественной войны и периода холодной войны в США.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, холодная война, историография США.*

Важной особенностью процесса создания и издания учебников истории в США является отсутствие федерального контроля и цензуры над учебными пособиями. Нет стандартной процедуры отбора учебников, которой занимаются сами учителя. В большинстве штатов создаются списки учебников для начальной и средней школы, одобренных учителями и другими заинтересованными специалистами, потом эти списки утверждаются местными администрациями. Кроме того, существует и еще ряд особенностей:

– существует примерно два десятка штатов, где учебники адаптируются (Техас, Огайо и др.);

– традиционно учебники по истории в США пишут несколько профессоров, в связи с чем этот процесс дорогостоящий;

– часто вносят изменения, «отражающие результаты новейших исследований»;

– авторы учебников пытаются излагать «превалирующие идеи американской нации», где США представляются как демократическая страна, «изменившая ход войны и освободившая человечество от нацизма» [1, р. 402].

Даже через четверть века после развала СССР, по мнению американского профессора Кэрл Финк, история Советского государства в 1920-30-е гг., Великой Отечественной войны и послевоенного периода несет отпечаток холодной войны [2].

Излагая причины Второй мировой войны, авторы американских учебников, наряду с агрессивной политикой Гитлера и Муссолини, отмечают попустительство правительств Великобритании и Франции, в свою очередь, СССР 1930-х гг. изображают как тоталитарное государство, ведущее активную внешнюю политику, поддерживающее «левые режимы», например, в Испании, идущее на переговоры и сотрудничество с III Рейхом дабы приумножить территории, захватив их у Польши, Румынии, Финляндии, лишив независимости три балтийских государства [3, р. 494; 4, р. 9–10, 27; 5, р. 820].

Период советской истории с 22 июня 1941 г. показан в нерозрывной связи с деятельностью «Большой тройки». Американские историки называют антигитлеровскую коалицию. В учебниках упоминается сопротивление советских войск в 1941 г., уделено внимание осаде Ленинграда, подчеркивается значимость помощи по ленд-лизу в победе над гитлеровцами и их союзниками [6, р. 765].

Важнейшей особенностью, которая раскрыта практически во всех американских учебниках и отсутствует в советских и российских работах, является обоснованный тезис о том, что Атлантическая хартия, подписанная 15 августа 1941 г. между Великобританией и США, к которой позже присоединился и СССР, стала в дальнейшем основанием для «холодной войны». Документ (Атлантическая хартия) определяет «идеологической основой деятельности государств борьбу против фашистской Германии, провозглашая право наций на самоопределение, осуждая

территориальные завоевания, что и заложило основу конфликта с И. Сталиным» [7, р. 773–774].

Освещение дальнейших военно-исторических событий базируется на следующих тезисах-аксиомах:

1. Действия «Большой тройки» были подчинены одной цели – «победе над нацизмом и, несмотря на внутренние противоречия, всегда вырабатывались общие решения» [6, р. 772–773].

2. Финансовый и военный вклад США был определяющим в победе над Германией и ее союзниками.

3. С осени 1943 г., после коренного перелома в войне и Тегеранской конференции (ноябрь 1943 г.), отношения, по причине разных взглядов на послевоенное устройство и идеологические противоречия, ухудшились.

4. Компромиссные решения Ялтинской конференции (февраль 1945 г.) о контроле над Польшей и странами Восточной Европы трактуются американскими историками именно «как проигрыш Америки Сталину» [8, р. 728; 9, р. 629–630; 10, р. 829].

5. Холокост евреев (говорится о шести миллионах убитых нацистами евреев) – страшнейшая трагедия человечества, о которой нужно помнить. При этом нет информации о геноциде против советских граждан и военнопленных на Восточном фронте Второй мировой войны [9, р. 629–630].

По мнению всех американских авторов, СССР и США, вступив в войну в 1941 г., действовали эффективно и слаженно, но 4 года совместных действий обострили идеологические и исторические разногласия, «их усугубили грандиозные экономические потери и колоссальные жертвы Советского Союза и выход США из депрессии». Главное противоречие заключалось в моделировании США послевоенного мира как «открытого мира» и стремлении СССР разделить мир на сферы влияния. Американские авторы считают, что США став мировой державой, «победив на трех континентах, с ядерной монополией и сильнейшей экономикой, «вольно или невольно» стали противостоять территориальным, политическим и экономическим притязаниям СССР и стран Европы [7, р. 774–775].

В большинстве учебников США в распадае «Большой тройки» и начале холодной войны обвиняется лично И. Сталин как «жесткий диктатор», стремившийся «расширить советское влияние в мире», «создававший дружественные правительства вокруг своих границ», шантажировавший партнеров «жертвами в войне» [10, р. 829].

Почти во всех учебниках говорится и о том, что марксистско-ленинская идеология СССР стала соперничать с идеологией США, ее надеждами на гармоничное послевоенное устройство и поэтому холодная война была неизбежна.

В некоторых американских учебниках все же отмечено, что определенная ответственность за начало холодной войны возлагается на США и Великобританию. К примеру, Дж. Джонс указывает на Г. Трумена как на недалековидного, неопытного, нежелающего идти на компромисс с СССР политика, советники которого вообще рекомендовали ему избегать «умиротворения диктатора Сталина» – ведь с Гитлером у западных союзников «эта политика провалилась» [7, р. 810–811].

Существует версия, главными сторонниками которой являются Дж. Гис и Генри Граф с коллективами исследователей, о том, что инициатором сопротивления «распространению советского диктаторского режима является У. Черчилль». По их мнению, бывший премьер-министр Великобритании, оставшись ярким антикоммунистом и после отставки, инициировал множество антисоветских акций от политических до дипломатических, убедил и американские политические круги активно противодействовать СССР [3, р. 514; 8, р. 754–755].

Сегодня в условиях международной антироссийской истерии вряд ли стоит ожидать изменения отношения авторов американских учебников истории к СССР и Великой Отечественной войне. Думаем, что победа США в холодной войне лишь усилила стремление минимизировать вклад СССР в союзническую победу и сурово осуждать его за послевоенную политику.

Литература

1. **Nash G.B.** American Odissey: The United Stetes in the 20th Century. NY. : Glencoe McGraw Hill, 1994. – 896 p. 2. **Финк Кэрол.** Советский Союз и Восточный фронт в американских учебниках с 1990 г. [Текст] / Ф.Кэрол // Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы межд. конф. / под ред. д-ра ист. наук Е.С. Гузенковой, канд. полит. наук В.Н. Филиповой. – М. : РИСИ, 2010. – С. 44–54. 3. **Giese J.R. et. al.** The American Century: A History of the United States in Modern Times. Cincinnati : West, 1999. – 720 p. 4. **Hutchinson M.** Document-Based Activities on World War II. Culver. City, CA: Soctos Studies School Service, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.Sociolstudies.com/wovldlinks.html](http://www.Sociolstudies.com/wovldlinks.html), свободный. 5. **Henretta J.A. et al.** America's History. 2nd ed. Cincinnati: Wold Publ., 1993. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.documbase.com/James-a-Henretta-America's-History.pdf>, свободный. 6. **Davidson J.W.** Nation of nations: A Narrative History of the American republic. Vol. 2. – Boston: McGraw Hill, 2008. – 1376 p. 7. **Jones J. et al.** Created Equal: A Social and Political History of the United States. – N.Y. : Longman, 2003. – 1033 p. 8. **Graff H.F.** America: The Glorius Republic. Rev. ed. Boston : Houghton Mifflin, 1990. – 944 p. 9. **Roark J.L. et al.** The American Promise. 4th ed. – Boston : Bedford St. Martin's 2010. – Vol. 2. (From 1865) – 874 p. 10. **Oakes J. et al.** Of the People: A History of the United States / by James Oakes, Michael McGerr, Nick Cullather, Jeanne Boydston, Jan Ellen Lewis. N.Y. : Oxford, 2010. – 1071 p.

УДК [329.15+329.18]:316.75 «3633»

Шелото Владимир Михайлович

*доктор философских наук, кандидат исторических наук,
профессор,*

профессор кафедры мировой философии и теологии

*Луганского национального университета имени Владимира Даля
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КОММУНИЗМА И ФАШИЗМА КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается идеологическая борьба в отношении наследия «советской цивилизации», которая имеет одно из проявлений в тенденции, связанной с отождествлением коммунизма и фашизма.

***Ключевые слова:** тоталитаризм, идеологическая борьба, коммунизм, фашизм.*

Несмотря на разрушение СССР и глубокий кризис коммунистической идеологии, в современном мире не утихает и сегодня идеологическая борьба в отношении наследия «советской цивилизации». Многие политики современной Европы, не только правого, но и левоцентристского толка, отталкиваются от идеи, проводящей аналогию между фашизмом и коммунизмом. Проведение подобной идеи осуществляется в социокультурном, этическом, эстетическом, политическом и юридическом плане. О тенденции, связанной с отождествлением коммунизма и фашизма свидетельствуют многочисленные документы, принятые ОБСЕ, ПАСЕ и другими международными организациями. Примерами документов, в которых прослеживается мысль об отождествлении данных идеологий, являются: Копенгагенский документ 1990 года о безоговорочном осуждении тоталитаризма; резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1096 (1996) от 27 июня 1996 г. относительно ликвидации наследия бывших коммунистических тоталитарных режимов, № 1481 (2006) от

26 января 2006 г. относительно необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов, № 1652 (2009) от 29 января 2009 г. относительно отношения к памятникам, которые имеют противоречивую историческую интерпретацию в государствах – членах Совета Европы. К их числу относятся также резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ SC (09) 3 R (29 июня – 3 июля 2009 г.) относительно недопустимости возвеличивания тоталитарных режимов, открытия исторических и политических архивов, изучения тоталитарного наследства и повышения осведомленности общественности; резолюция Европейского Парламента от 2 апреля 2009 года относительно европейского сознания и тоталитаризма; резолюция «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», входящая в текст Вильнюсской декларации XVIII ежегодной сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ 2009 (29 июня – 3 июля 2009 г.). Список подобных документов можно было бы продолжать и дальше. В подавляющем большинстве подобных документов основное внимание акцентировано на осуждении именно коммунистических режимов и коммунистической идеологии, а также на необходимости запрета коммунистической символики. В Вильнюсской декларации 2009 прямо говорится о приравнивании преступлений сталинского режима к нацистским преступлениям. В ней подчёркивается, что в XX веке «европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушение прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества» [1, с. 53]. Что касается борьбы с возрождением нацистской идеологии, то из числа последних документов, принятых Советом Европы, можно назвать только резолюцию ПАСЕ № 1495 (2006) от 12 апреля 2006 года.

Национальные законодательства отдельных стран, в особенности стран Восточной Европы, идут еще дальше. После принятия политических резолюций ОБСЕ и ПАСЕ, имеющих рекомендательный характер, в национальных законодательствах осуществляется имплементация соответствующих положений указанных документов. Таким образом, происходит перевод

политических заявлений в юридическую плоскость. Не только морально-политическая, но и юридическая ответственность за сотрудничество с прежним коммунистическим режимом устанавливалась в большинстве стран Восточной Европы на основе «люстрационного» законодательства. Подобное законодательство зачастую использует ретроактивность закона в отношении некоторых деяний, которые ранее не считались преступлениями, а также предусматривает поражение в некоторых правах лиц, которые могут быть осуждены разве что с моральных позиций. К числу подобных законов относятся также законы, принятые в Латвии и Эстонии, фактически отказывающие в гражданстве значительной части русскоязычного населения, проживающего в этих странах. Ярким примером имплементации положений указанных европейских резолюций в национальное законодательство является принятие в 2015 году Закона Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики» [2]. Данный закон принадлежит к числу «исторических законов», которые неоднократно ранее принимались в странах Восточной Европы,

В законе Украины о декоммунизации фактически отождествляются друг с другом две противоположные по своей направленности идеологии, два политических режима. Данный закон в плане осуждения коммунизма идёт гораздо дальше Вильнюсской декларации 2009 года, приравнивающей «сталинизм» к нацизму. Воля украинских законодателей имеет явный крен в сторону обвинения и расширительного толкования. Так, вместо слова «сталинизм», используемого в Вильнюсской декларации, употребляется слово «коммунизм», причем подчеркивается, что речь в данном законе идёт о коммунистическом режиме, существовавшем в СССР и УССР в 1917–1991 годах. Таким образом, в законе не проводится никаких юридических разграничений между сталинским периодом в истории СССР, и периодами «хрущевской оттепели», «брежневского застоя», когда политические репрессии не носили массовый характер, и даже «горбачевской» перестройкой 1985–1991 года, когда их практически не было. Ведь, в отличие от нацизма,

просуществовавшего в Германии всего лишь 12 лет, коммунистический режим в СССР просуществовал 73 года. Это сравнительно большой срок, в ходе которого этот режим существенно трансформировался. Объявить коммунистический режим на всех этапах его существования «преступным» и приравнять его к нацизму, осуждённому Нюрнбергским процессом, является слишком «смелым» решением, в основе которого лежит подмена понятий. Такой характер обвинений свойственный разве только «божественному» праву, согласно которому все нераскаявшиеся грешники будут гореть в адском огне, ибо градации грехов принципиально не устанавливается. Может возникнуть естественный вопрос, каким образом Генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР М.С. Горбачёв, будучи в соответствии с законом о декоммунизации лидером «преступного» режима и преступной партии, был удостоен Нобелевской премии мира в 1990 году. Закон устанавливает запрет символики коммунистических режимов, существовавших в Европе, в том числе и режима Югославии. Однако, практически ничего не говорится в нём о символике коммунистических режимов КНР, КНДР, СРВ, с которыми современная Украина продолжает поддерживать дипломатические отношения в полном объёме. Не все ясно и относительно нацистского тоталитарного режима. В законе речь идет исключительно о национал-социалистическом (нацистском) режиме, который связан с Германией 1933–1945 гг. В нём не говорится ни слова о близких нацизму по букве и по духу, идеологиях и политических режимах, существовавших в других странах.

Нацизм является единственным политическим режимом и единственной идеологией в мире, которые были осуждены юридически. Международный суд народов, Нюрнбергский процесс 1945–1946 года, подвёл под ним жирную черту. Что касается коммунизма, то его юридического осуждения на уровне международного трибунала так и не состоялось. Политическое осуждение культа личности Сталина было связано с XX и XXII съездами КПСС. Таким образом, сталинизм, так или иначе, был осуждён в рамках коммунизма. Все остальные попытки осуждения, в частности те, которые происходили в «горбачёвскую

перестройку», за редкими исключениями, являются лишь выражением субъективного мнения отдельных политиков. Очевидно, что принятый в Украине закон направлен именно против идеологии и символики коммунизма, а не фашизма. Об этом, в частности, свидетельствует и запрет деятельности КПУ.

Принятие указанных резолюций и законодательных актов имеет целью, во-первых, оправдать одних, во-вторых, осудить других. Оба социальных проекта касались больших объединений людей, и даже всего человечества. Они возникли в недрах западной цивилизации. Однако коммунизм и фашизм имели принципиально разную направленность. Разные масштабы были у этих проектов. Идеология фашизма является «неорелигией» западной цивилизации, с её сакральным культом частной собственности, индивидуализма, расового превосходства, «бременем белого человека», европоцентризмом, ориентированностью на гедонистические ценности «общества потребления». Фашизм является своего рода «кристаллом», в котором в наиболее чёткой форме выражены базовые идеи и методы западной цивилизации, которые были апробированы ещё во времена колониальных захватов и территориального раздела мира между крупными европейскими государствами. В условиях глубокого кризиса западной цивилизации в первой половине XX века, «заката Европы», фашизм, в какой-то мере, выступал в качестве «религии спасения» европейской цивилизации от надвигающейся опасности коммунизма.

Что касается коммунизма, то, по словам А.А. Зиновьева, «самым грандиозным социальным проектом в истории человечества является марксистский проект будущего коммунистического общества» [3, с. 589]. Хотя идеология коммунизма формировалась также в парадигме западной цивилизации, однако в силу своей всеобщности, стадийности, ориентированности на коллективное начало, коммунистический проект мог реализоваться в наиболее концентрированном виде в рамках иных цивилизаций, в частности в России и Китае. Коммунизм также содержит в себе черты «неорелигии». Особенности «неорелигиозного» характера коммунизма подробно

описывает Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» [4].

В отличие от фашизма, как идеологии, основанной на приоритете «крови и почвы», проекте «консервативной революции», коммунистическая идеология аккумулирует в себе социальный протест трудящихся всего мира и имеет своей целью качественное преобразование всех общественных отношений. Коммунизм тяготеет к революционному романтизму с его представлениями о том, что будущее «светло и прекрасно». Фашизм тяготеет к «реакционному романтизму», согласно которому «будущее и есть прошлое». Согласно коммунистической идеологии прогрессивное развитие общества идёт по спирали. Фашизм тяготеет к ницшеанскому «вечному возвращению», к языческой архаике, к представлениям об инволюции и циклическом времени. Коммунизм резонирует с ценностями русской и евразийской цивилизации, с её тяготением к коллективизму и патернализму. Идеология фашизма выстраивается исключительно в парадигме европейской цивилизации. Он основывается на своеобразном «национальном» индивидуализме: «Одна нация, один народ, один фюрер», «Германия превыше всего». Если сравнить указанные У. Эко в эссе «Вечный фашизм» признаки фашизма с характерными чертами коммунизма, то наберётся сравнительно небольшое число сходных черт между двумя идеологиями, в частности, формирование образа врага, вождизм, популизм, неприятие критики, использование «новояза» [5, с. 67–80].

На наш взгляд, точка зрения, отождествляющая коммунизм и фашизм, является не только ошибочной в историческом плане, но и глубоко порочной в моральном отношении. Она преследует корыстные и сиюминутные экономические и политические интересы элит современного западного общества. Прежде всего, это желание оправдать себя, обелить свою историю. Это стремление совершенно понятно, поскольку юридическому осуждению на Нюрнбергском трибунале был подвергнут только национал-социалистский режим Германии. В подавляющем большинстве европейских стран, в 30-е гг. XX века сформировались фашистские, полуфашистские и профашистские режимы. Не следует забывать, что наряду с фашистскими

режимами Германии и Италии существовали монархо-фашистские режимы Румынии, Болгарии и Греции, диктатура Ф. Франко в Испании. В той или иной степени, созвучными идеологии фашизма являлись авторитарный режим адмирала М. Хорти в Венгрии, «кафедрократия» А. Салазара в Португалии и, в какой-то мере, санационный режим в Польше. Союзником германского фашизма в войне с СССР выступала даже демократическая Финляндия. После начала Второй мировой войны в результате захвата Германией территорий других европейских стран возникли марионеточные профашистские режимы, такие как режим «Виши» во Франции, режим усташей в Хорватии, В. Квислинга в Норвегии, Й. Тисо в Словакии. Установление подобных режимов произошло не только вследствие слабости и неподготовленности этих стран к мировой войне, но и потому, что их правящие элиты видели именно в фашизме наиболее действенную силу против распространения коммунистической идеологии. В день нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г., в Европе было совсем мало стран, которые смогли избежать либо «фашистского соблазна» либо фашистской оккупации. Это – Великобритания и две нейтральные страны – Швеция и Швейцария. Следует также отметить, что не только большинство европейских элит, но и значительное число европейских народов без особого сопротивления, а часто и добровольно, подчинились фашистской власти. Ведь фашизм, как правило, носил популистский характер. Во многих европейских странах на высокий уровень была поднята экономика, которая стала работать на Рейх, ликвидирована безработица. Так что надежды некоторых коммунистов и других левых на то, что немецкий народ отвергнет фашистскую идеологию как буржуазную, оказались напрасными. Об участии народов европейских стран во Второй мировой войне на стороне Германии подробно рассказывается в книге «Иностранные формирования Третьего рейха» [6].

Что касается обвинения, вытекающего из отождествления коммунизма и фашизма, то естественно возникает вопрос о том, против кого оно направлено, в первую очередь, в настоящее время. Ведь в современной Европе практически не осталось коммунистических партий марксистско-ленинского толка. В современной Франции еврокоммунисты, отказавшиеся от

марксистской идеологии, потеряли весь свой электорат. В Италии, наоборот, они трансформировались в сильную левоцентристскую партию ДПЛС и в настоящее время находятся у власти. Вряд ли это отождествление каким-то образом может серьёзно коснуться и руководящей роли КПК в Китайской Народной Республике. Вывод напрашивается сам собой. Отождествление коммунизма и фашизма является мощным приёмом идеологической борьбы Запада против современной России. И это не случайно, поскольку, по словам А.А. Зиновьева: «Постсоветская система власти есть не просто копия западнистской, а гибрид западнистской и советской (коммунистической). И в силу объективных социальных законов (а не в силу недомыслия или злого умысла) она имеет тенденцию к сверхгосударственности» [3, с. 574]. Таким образом, отождествление коммунизма и фашизма в настоящее время является важнейшим идеологическим приёмом в геополитической борьбе Запада и современной России.

Приравнивание коммунизма к фашизму является одним из приёмов фальсификация истории. После исчезновения СССР возникает потребность привести представления о прошлом в соответствие с настоящим. Очень многим идеологам «свободного мира» хочется лягнуть в последний раз «мёртвого льва» и с помощью этого удара нанести ощутимый удар уже не только по истории, но и по современной политике нынешней, уже несветской и некоммунистической России. Эту потребность должно удовлетворить сознательное «исправление» истории. Как отмечает А.А. Зиновьев: «Оно должно произойти как грандиозный перелом, более того – как организованная операция, как эпохальная фальсификация всей истории человечества. Тут речь идёт уже не о фальсификации наблюдаемых исторических событий по отдельности, а о переработке совокупности зафиксированных сведений об исторических событиях, которые уже исчезли в небытие и в принципе не могут наблюдаться...» [3, с. 373].

Отождествление фашизма и коммунизма формально исходит из того, что существует чисто внешнее сходство в насильственных методах осуществления поставленных целей у двух политических и идеологических режимов XX века. Здесь имеются в виду применение насилия, в том числе репрессии, политические убийства, депортации, концлагеря и другие действия,

направленные против прав и свобод человека. Однако смысл и направленность этих методов, а тем более целей, кардинально отличаются по своей сути при «сталинистском» и фашистском тоталитарных режимах. Так, необходимо отметить разницу, существовавшую в фактическом статусе НКВД и карательных органов фашистской Германии. Значительным было и число репрессированных сотрудников НКВД в период сталинизма. Аппарат госбезопасности фактически трижды подвергался тотальным чисткам. Ничего подобного не было в Германии по отношению к сотрудникам СС и гестаповцам.

Отождествление коммунизма и фашизма способствует реабилитации фашистской идеологии и фашизма как социокультурного явления, получившего в настоящее время «второе дыхание» в отдельных странах, преимущественно Восточной Европы. Оно сводит на нет победу советского народа в Великой Отечественной войне – главном событии XX столетия; разрушает существующий миропорядок и стабильность в современном мире, лишает его тех конструкций безопасности, которые были выработаны в конце Второй мировой войны при активном участии Советского Союза.

Можно говорить, по крайней мере, об интеллектуальной недобросовестности некоторых современных политиков и учёных-гуманитариев, их обслуживающих, в своекорыстных интересах, приравнивающих друг к другу противоположные по своей направленности идеологии.

Литература

1. Резолюция «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке// Вильнюсская декларация Парламентской Ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. – Вильнюс, 29 июня – 3 июля 2009 года. – С. 53–56. **2. Закон України** «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки. Із змінами, внесеними згідно із Законом № 595-VIII від 14.07.2015, ВВР, 2015, № 37–38, ст.366) // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2015. – № 26. – С. 219. **3. Зиновьев А.А.** Логическая социология: избранные сочинения /

А.А. Зиновьев. – М. : Астрель, 2008. – 606, [2] с. **4. Бердяев Н.А.** Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224с. **5. Эко У.** Вечный фашизм: [пер. с ит. Е. Костюкович] / Умберто Эко / Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб, 2003. – С. 49–80. **6. Дробязко С.И. Романько О.В., Семёнов К.К.** Иностраные формирования Третьего рейха / Сергей Дробязко, Олег Романько, Константин Семёнов. – М. : АСТ; Астрель, 2009. – 845, [3] с.

РАЗДЕЛ II
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРИОДА
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

УДК 94[73:(47+57):829.1] «1981/1982»

Бабік Олена Олеговна

*аспірант кафедри всесвітньої історії та міжнародних відносин
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(м. Луганськ, Луганська Народна Республіка)*

Крисенко Дмитро Сергійович

*кандидат історичних наук, доцент,
доцент кафедри політології та правознавства
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(м. Луганськ, Луганська Народна Республіка)*

СУПЕРНИЦТВО МІЖ США ТА СРСР У ПЕРІОД
ФОЛКЛЕНДСЬКОЇ ВІЙНИ 1981–1982 РР.

*Аналізуються радянсько-американські відносини в період
війни за Фолкленди.*

Ключові слова: *США, СРСР, Аргентина, локальна війна.*

У наші дні дії такої держави, як США, відображаються на стані справ усього світу. Їх деструктивний вплив істотно впливає на конфліктний потенціал кожного регіону. Одним з таких «куточків» планети є Південно-Західна Атлантика, що стала на початку 80-х рр. XX ст. ареною швидкоплинного, але інтенсивного і запеклого конфлікту. Незважаючи на військове вирішення питання політичної приналежності Фолклендських островів, проблему не можна вважати до кінця вирішеною. При цьому участь у цих подіях США і СРСР залишається малодослідженою.

Метою даних матеріалів є розкриття особливостей американо-радянського протистояння в Південно-Західній Атлантиці в період аргентино-британського конфлікту 1982 р. В

цьому відношенні більш цікавими і маловивченими є міжнародні політико-дипломатичні події.

На початку 1980-х рр. британський уряд спробував вирішити внутрішню кризу за рахунок «маленької переможної війни», в ніч з 1 на 2 квітня 1982 р. висадивши біля Порт-Стенлі, столиці Фолклендських островів, свої сили в складі 300 морських піхотинців. США, що претендували на геополітичне лідерство в Латинській Америці, виявилися в складній дипломатичній позиції: той факт, що Британія була їхнім ключовим союзником по НАТО, зобов'язував пом'якшувати будь-які політичні рішення щодо неї для збереження згуртованості блоку, що було особливо важливо в світлі кампанії з модернізації ядерних сил альянсу, що проходила в той час. З іншого боку, Рейган мав запобігти повне відчуження аргентинського уряду, яке і раніше, з часів Картера, піддавалося критиці за політику в галузі прав людини.

Рішення, прийняте Білим домом в світлі цього, включало спробу примирення ворогуючих сторін, для чого держсекретар А. Хейг відправився в «човникову місію» між Буенос-Айресом і Лондоном [1, р. 261–302]. У міру того як британська військово-морська експедиційна група наближалася до Фолклендських островів, ставало все більш очевидним, що американським дипломатам не вдалося домовитися про мирне вирішення і що регіону загрожує війна.

30 квітня Хейг відкрито заявив про підтримку Великобританії, викликавши енергійну хвилю осуду з боку уряду не тільки Аргентини, а й більшості латиноамериканських країн [1, р. 261–302]. Головні учасники війни створили ситуацію, з якої Радянський Союз міг витягти велику вигоду. Однією з головних передумов для цього були економічні зв'язки, підтримувані СРСР і Аргентиною раніше. Зокрема, з кінця 1970-х рр. Радянський Союз був для Аргентини основним покупцем сільськогосподарської продукції (зерна і м'яса). Введені західними державами проти Буенос-Айреса торгові санкції перетворили для нього партнерство з СРСР в фактор виживання. Відповідно, Кремль міг доповнити це партнерство і військово-політичною складовою.

Той факт, що держсекретар Хейг не зміг запобігти початку війни, не опинився для СРСР несподіванкою: згідно радянської військової доктрини, сучасний тип силових операцій, що

проводяться західними державами, являв собою імперіалістичні війни, що передбачають на меті захоплення або утримання колоній. Цікаво в цьому сенсі те, що застали зненацька Москву дії саме аргентинців, про що говорить факт її нерішучості під час розгляду Фолклендського питання в ООН [2, р. 47–51].

3 квітня 1982 радянські представники утрималися від голосування по резолюції Ради Безпеки 502, яка вимагала від Аргентини виведення свого контингенту з островів. Втім, в світлі позиції, яку радянські дипломати зайняли в наступні тижні, можна стверджувати, що їх дії були б більш ефективними, якби вони спочатку голосували «проти».

Перші радянські прес-релізи були витримані в філософському тоні та відображали невпевнене відношення до ситуації. Радянські оглядачі відзначали, що ця «дивна війна» показала, наскільки «ненадійний і крихкий мир, який існує на Землі». Незважаючи на те, що початкові радянські прес-релізи повідомляли про події неупереджено, в них не нехтувалося можливість покритикувати адміністрацію Рейгана [2, р. 47–51]. Працюючи для зарубіжної громадськості, радянські мас-медіа стверджували, що аргентино-британський конфлікт є плодом експлуататорської природи капіталізму. Стверджувалося, що води архіпелагу містять величезні запаси нафти (200 млрд. Барелів, тобто великі, ніж родовища Північного моря), і прагнення до їх розробки з боку британців є продуктом їх «хижацького інстинкту».

ЗМІ соціалістичного табору показували, що контроль над островами британцям необхідний для розробки родовищ корисних копалин і в Антарктиці. Більш того, стверджувалося, що британці, відправивши бойову групу до островів, готувалися до агресії проти материкової частини Аргентини. Відповідно, дії англійців суперечили інтересам всіх прогресивних народів світу. А в контексті політики деколонізації, що проводиться Об'єднаними Націями, акт насильства, що здійснюється англійцями по поверненню контролю над островами, йшов врозріз з волею більшості людей в світі [3, р. 122–270].

Таким чином, залишаючись критично налаштованим щодо дій США і Великобританії, СРСР активно допомагали Аргентині боротися за свою незалежність. Фолклендський конфлікт цікавий

тим, що містив потенціал розгортання конфронтації наддержав, які послали, в кінцевому підсумку, прагматичний підхід, що не дозволив цій війні перерости рамки локального військового конфлікту, вона так і залишилася «дивною війною», перейшла в режим «очікування рішення військового конфлікту».

Література

1. Haig A.M. Jr. Caveat: realism, Reagan, and foreign policy. N-Y. : Macmillan, 1984. – 367 p. **2. Mastny V.** The Soviet Union and the Falklands War [Text] / V. Mastny // Naval War College Review. – 1983. – May June. – P. 47–51. **3. Sokolovskiy V.D.** Soviet military strategy. N-Y. : Crane, 1975. – 494 p.

УДК: 94(597)

Бозоян Тамара Робертівна

*студентка Донецького національного університета
(г. Донецьк, Донецька Народна Республіка)*

КОНФРОНТАЦИЯ США И СССР: ТЕАТР БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается процесс противостояния США и СССР в азиатском регионе на примере войны во Вьетнаме.

***Ключевые слова:** холодная война, США, СССР, Вьетнамская война, партизанское движение.*

Окончание Второй мировой войны должно было принести мир и уверенность в завтрашнем дне каждому ее очевидцу. Однако человечество стояло на пороге новой войны, которая вошла в историю под названием Холодная война.

Холодная война ознаменовала период времени, при котором происходило столкновение интересов Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. После Фултонской речи У. Черчилля, которая прозвучала в 1947 году, западное общество осознало, что мир поделен на два противоборствующих лагеря. В период холодной войны зачастую использовались разработки

новых вооружений, создавались и усиливались методы шпионажа, велась активная популяризация образов врагов по средствам СМИ, а также культурным и спортивным мероприятиям. Однако в данном соперничестве между Москвой и Вашингтоном были и прямые столкновения. Обе страны стремились включить в собственную зону влияния как можно больше государств, при этом не стремясь действовать дипломатическими методами. Бесспорным является тот факт, что наибольшее обострение политической обстановки в мире вызвали Берлинский и Карибский кризисы. Соответственно, эти события стали фактором ухудшения ситуации, притом мир был на грани ядерной войны. В то время как глобальной проблемы удалось избежать, в других регионах мира назревал военный конфликт.

Противостояние Кремля и Белого Дома разворачивались в следующих странах: Северная и Южная Корея, Вьетнам, Израиль и Палестина, Афганистан. Каждая из этих войн изменяла и модифицировала Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений. В настоящее время практически каждая их вышеперечисленных стран находится в состоянии политического разногласия. Наибольший интерес вызывает Вьетнам, поскольку именно это государство смогло преодолеть ряд противоречий и встать на путь единства [1, с. 97].

Индокитайская война включила в себе две противоборствующие системы: с одной стороны – США, возглавлявшие антикоммунистический мир, а с другой – представлявшая коммунистический мир Демократическая Республика Вьетнам, за спиной которой стояли Москва. Столкновение началось с просьбы Южного Вьетнама помочь разобраться с Северной частью страны. Поскольку северная часть поддерживалась Советским союзом, то южная непосредственно Америкой. Стоит отметить, что Северный Вьетнам был на 70% оснащен советским оружием, в свою очередь американцы поддержали южан, перебросив регулярные части своей армии в 1961 году.

Первое полномасштабное сражение пришлось на 1963 год. В битве при Апбак войска северного Вьетнама нанесли сокрушительный удар южновьетнамской армии. Спустя два года

авиация США начала внедрять в жизнь операцию «Пылающее копьё». Кроме того, увеличилось и число морской пехоты, и сухопутных войск США. В то же время активизировалось партизанское движение в северной части Вьетнама. Более того, правительство Северного Вьетнама начинает разрабатывать план полномасштабного вторжения в Южный Вьетнам с целью переломить весь ход войны. Для решающего боя была выбрана символическая дата – вьетнамский новый год – Тета, ведь именно с нового года можно начать новую жизнь [1, с. 134]. В 1968 году победа осталась в руках Северного Вьетнама. Очевидно, что северяне не смогли бы продумать настолько детальный план, который принес им победу, здесь чувствовалась явная поддержка Кремля.

В последующие года Южный Вьетнам пытался изменить свое положение, но американская армия сократила свое присутствие в этом регионе. В 1971 и 1972 годах армия южан была на грани исчезновения, но, благодаря авиации США, смогла продержаться. Бесконечные бомбардировки вынудили руководство Северного Вьетнама заключить с Вашингтоном мирный договор, и в 1973 году практически вся американская армия вернулась в США [2]. Война на этом не закончилась. Силы Северного Вьетнама нанесли несколько ударов по территории Южного Вьетнама, осознав, что США отказались от участия в войне, правительство замышляло еще одного полномасштабное наступление на Южный Вьетнам. В мае началось наступление, которое спустя несколько месяцев закончилось полной победой Северного Вьетнама.

Последствия Вьетнамской войны были катастрофичны. Более 2 миллионов бойцов армии с обеих сторон погибли. Среди мирного населения количество жертв достигло отметки 2 миллиона. Жители Вьетнама ощущают на себе последствия войны и сейчас. В годы боевых действий США использовали дефолиант Агент Оранж, который они распыляли над городами и деревнями Северного Вьетнама. Последствия его применения – тяжелые умственные и физические нарушения у нескольких поколений людей, оказавшихся в области поражения. Сегодня сотни вьетнамских семей страдают по вине США. Возникает вопрос, почему гаранты мира и учредители ООН допустили эту

войну? Однозначный ответ сложно найти, можно лишь предположить, что всему виной власть и разделение мира, всему виной холодная война.

Литература

1. Уткин А.И. Мировая «холодная война» / А.И. Уткин. – М. : Алгоритм Эксмо, 2005. – 513 с. **2. Воронов Б.А.** Записки начальника штаба Группы СВС во Вьетнаме [Электронный ресурс] / Б.А. Воронов // Art of War. – 2012. – 12 март. – Режим доступа: http://artofwar.ru/k/kolesnik_n_n/text_0230.shtml, свободный.

УДК 94(73).092.1/9

Бредихин Андрей Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории
Донецкого национального университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)*

Пчеленко Никита Юрьевич

*магистрант Донецкого национального университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США НА РУБЕЖЕ 80-90-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Анализируется противостояние СССР и США на рубеже 1980–1990-х гг. Рассматривается новая стратегия «экономического изматывания», принятая при Р. Рейгане.

Ключевые слова: коммунизм, национальная безопасность, внешняя политика.

На президентских выборах в 1980 году с огромным преимуществом победил губернатор Калифорнии, бывший киноактёр Голливуда и спортивный комментатор Рональд Рейган. В целом, как отмечает Алексей Арбатов «ультраконсервативная фракция республиканской партии пришла к власти на волне

джингоистских настроений, не бывалого разгула милитаризма и антисоветизма в связи с американо-иранским кризисом и событиями в Афганистане, воспользовались плачевным экономическим положением США, многочисленными промахами демократического правительства и лично президента Картера и вознамерилась во что бы то ни стало, воплотить свои реакционные идеи в жизнь» [1].

Главным рычагом для поворота хода истории на американский лад республиканская администрация считала наращивание военной мощи. Все международные события воспринимались Рональдом Рейганом исключительно сквозь призму советско-американского соперничества и противостояния. Предшественники Рональда Рейгана относились к СССР как к своему главному противнику в упорной борьбе за мировое господство, но никто из них не думал о немедленном уничтожении великой державы. Новоизбранный президент США фанатично ненавидел советский союз. На одной из первых своих пресс-конференций Рональд Рейган, когда давал ответ на вопрос о допустимости разрядки с СССР сказал: «До сих пор разрядка была улицей с односторонним движением, которую Советский Союз использовал для достижения своих собственных целей. Они подтверждают свою решимость добиться распространения мировой революции и установления единого социалистического или коммунистического государства. Единственная мораль, которую они признают, это то, что способствует их интересам. Они сохраняют за собой право совершать любые преступления, лгать и обманывать, что бы достичь своих целей» [1, с. 151].

Стратегический план по освобождению от коммунистического господства в мире предполагал лишить Советский Союз мощного экономического и военного потенциала, ограничить влияние Кремля на европейские и азиатские страны, в которых США были заинтересованы. Вашингтон допускал возможность, что в Советском Союзе может быть даже коммунистическое правительство, которое подчинялось установленным правилам ведущими странами Запада и Японии. СССР не рассматривался как равноправный партнёр [2, с. 16].

Военно-политический компонент включал в себя резкое увеличение военных расходов с целью оказания давления на СССР, спровоцировав этими действиями, кризис ресурса в стране Советов. Стержнем военно-политического компонента являлась программа «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) или программа «Звездных войн» объявленная Рональдом Рейганом 23 марта 1983 года.

Идеологическая составляющая компонента «Стратегии национальной безопасности» включала в себя хорошо организованную информационно-психологическую войну, работу с диссидентами и лидерами СССР, поддержку «пятой колонны» и абсолютную дискредитацию КПСС как государственной основы Советского Союза [3, с. 234].

Для этого применялись современные информационные технологии посредством координации работы всех государственных структур и спецслужб США. Для реализации программы были задействованы ЦРУ, Государственный департамент, информационное агентство (ЮСИА), а также другие федеральные ведомства [4, с. 45].

Одним из важнейших мотивов стратегии новой администрации была политика экономического изматывания Советского Союза. Были приостановлены рейсы «Аэрофлота» в США, закрыта Советская закупочная комиссия в Нью-Йорке, прекращены поставки нефтегазового оборудования, прекращена выдача лицензий на продажу электронно-вычислительной технике, введено зерновое эмбарго, было отказано в возобновлении соглашения по энергетике, по научно-техническому сотрудничеству, по космосу, пересмотрены соглашения по двустороннему обмену.

Следуя рекомендациям Кейси, президент Рональд Рейган в 1982–1983 гг. подписал три директивы по ведению подрывной деятельности против Москвы. Первая (№ 32) предписывала нейтрализовать советское влияние в Восточной Европе, применяя тайные мероприятия по поддержке антикоммунистических организаций в этом регионе. Вторая (№ 66) объявляла целью политики США подрыв советской экономики путем атаки на ее базовые отрасли (добыча полезных ископаемых, энергетика,

сельское хозяйство). В третьей (№ 75) Вашингтон ставил задачу «профильным» [5, с. 45] государственным органам сосредоточиться на усилиях по фундаментальному изменению советской системы.

Середину 1980-х годов и до момента развала СССР можно считать финальной частью завершения «экономической войны» Вашингтона против СССР [6, с. 460] Применялись всё те же стратегии против Советского Союза: торговое эмбарго, гонка вооружений, технологическая дезинформация, диверсии во внутренней экономике.

Отношения во второй половине 80-х годов XX века перестали быть враждебными. Сохранялась взаимная подозрительность, присутствовало и военное соперничество, однако холодная война ушла в прошлое.

Таким образом, главная задача Рональда Рейгана – дезинтеграция мировой социалистической системы – была достигнута. Несмотря на потепление отношений и восстановления торговли культурного обмена, Советский Союз в глазах американского правительства и народа продолжал рассматриваться в качестве скрытой угрозы интересам США. Дальнейшая политическая и экономическая нестабильность в советском государстве, приведшая к его распаду, в Америке расценивалось как полная победа в холодной войне Запада.

Литература

- 1. Арбатов А.** Военно-стратегический паритет и политика США / А. Арбатов. – М. : Политиздат, 1984. – 318 с.
- 2. Дрожжин В.А.** Ликвидация СССР и сионизм / В.А. Дрожжин. – М. : Алгоритм, 2009. – 45 с.
- 3. Панарин И.Н.** Информационная война и дипломатия / И.Н. Панарин. – Издательство «Городец», 2004. – 528 с.
- 4. Хачатуров К.А.** Латиноамериканские уроки для России / К.А. Хачатуров. – М. : Международные отношения, 1999. – 400 с.
- 5. Хейг А.** Предостережение: реализм. Рейган и внешняя политика / А. Хейг; пер. с английского. – М., 1985. – 496 с.
- 6. Швейцер П.** Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / Петер Швейцер; пер. с польского. – Минск : СП «Авест», 1995. – 464 с.

УДК 910 (410 : 510): 327 «1800/1850»

Грицких Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук,

*доцент кафедры всемирной истории и международных отношений
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

ПРОНИКНОВЕНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КИТАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: «БОЛЬШАЯ ИГРА» ИЛИ ПРЕДЫСТОРИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Раскрывается соперничество Великобритании с Россией в первой половине XIX века в отношении Китая. Освещается позиция Великобритании в ее агрессии против Китая, в стремлении захватить рынки сбыта своей продукции.

***Ключевые слова:** Великобритания, Россия, соперничество, «Большая игра».*

Одним из главных приоритетов научно-исследовательской работы кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко является разработка темы Восток – Запад: теория и история междивилизационных взаимоотношений. В ее рамках наибольшего развития в последнее время приобрела проблематика истории международных отношений. А именно – внешняя политика европейских государств на Востоке в новое и новейшее время.

Особый интерес представляет политика Великобритании в отношении империи Цин в первой половине XIX века. Интерес к этому эпизоду истории был прикован тем, что он пропитан авантюризмом в вопросе соперничества Британии и России в Китае. Хотя правильнее было бы говорить о соперничестве в мире. В исторической литературе этот процесс получил название – «Большая игра».

Интерес к изучению именно этого периода был обусловлен стремлением определить новый курс политики Великобритании, направленный на захват Сянгана (Гонконга) с целью навязать

Китаю удобные условия торговли, либо получить территории для развития дальнейшей экспансии на Дальнем Востоке [1; 2; 3].

Не смотря на то, что Гонконг стал важнейшим форпостом для экономического и геостратегического преимущества Великобритании в Китае на многие десятилетия, процесс его присоединения к колониальным владениям этой империи в отечественной историографии изучен весьма фрагментарно и зачастую предвзято. События связанные с этим даже в работах британских исследователей рассматривается как простое стечение обстоятельств. Так в работе Дж. Сэера «Гонконг. Рождение, становление и путь через века» имеет определенную информацию о событиях [4]. Между тем этот автор считает, что Великобритания начала реализацию своих амбиций в отношении Китая только в 1837 г., с момента миссии капитана Эллиота в Китае [4].

На самом деле анализ стенограмм парламентских дебатов свидетельствует о том, что стратегия британского правительства в отношении Китая и соперничества в этом регионе с Россией была разработана еще в 1832–1833 гг.

В российской историографии исследований, которые бы рассматривали вопрос соперничества Великобритании и России в отношении Китая в первой трети XIX века, вовсе отсутствуют.

В эпоху советской действительности ученые касались вопросов экономического и классового развития Китая. А вопросам стратегического соперничества России и Великобритании уделялось крайне мало внимания.

В отечественной историографии захват Гонконга объясняется империалистическими амбициями Великобритании и стремлением расширения территории империи. Между тем однозначно можно сказать о том, что именно в данном случае территориальные приобретения были несоизмеримо малы в сравнении с тем, каких экономических преимуществ достигла Великобритания.

Достижение Британией стратегического перевеса заняло достаточно большой промежуток времени. Первый этап, на который возлагал свои надежды Дж. Пальмерстон, прервался весьма неожиданно, его ставленник лорд Напьер неожиданно умер, в самом разгаре решения внешнеполитических вопросов. История умалчивает по какой причине это произошло. Британская

историография говорит о том, что он не выдержал местного климата – заболел и скоропостижно скончался. Затем началась чехарда с попытками управления Британской торговлей Дж. Дэвиса и Дж. Робинсона [5; 6]. В конечном итоге эти фигуры не сумели добиться значительных результатов. Это привело к их смещению и замене на представителей лично преданных Дж. Пальмерстону из семейства Эллиотов. Капитан Эллиот, племянник адмирала Дж. Эллиота, получил задание организовать конфликт любого характера, который бы дал повод правительству Великобритании объявить войну Китаю [7, с. 44–51].

Стремление к именно такому ходу событий подтолкнули Дж. Пальмерстона донесения 1834–1835гг. Именно тогда, еще во время миссии лорда Напьера китайские власти стали предъявлять странные и неприемлемые условия передвижения англичан по территории континентального Китая. По сути, эти требования означали полный запрет на пребывание англичан на их территории в неуточное для китайцев время. Слабая позиция последователей Напьера Дж. Дэвиса и Дж. Робинсона, не желающих затеять военный конфликт, вызвало резкую реакцию со стороны британского правительства во главе с Дж. Пальмерстоном.

Ротация контингента, со временем, принесла ожидаемый результат. После того, как эскадра под командованием дяди капитана Эллиота вошла в территориальные воды «Перл ривер» (Жемчужной реки) в провинции Гуанчжоу, начался этап реализации военных реализаций планов британского правительства. Поводом для военной агрессии против Китая стало изъятие весьма значительного количества опиума комиссаром Лином (назначенным китайским императором именно для этого) и его уничтожение [8, с. 201–202].

Сумма потерянного «товара» стала в итоге решающей при принятии окончательного решения вступить в войну с Китаем или нет, ибо она составила более 2 млн. фунтов стерлингов, без учета прибыли. В таких условиях при жестких дискуссиях в парламенте Великобритании все же было поддержано решение Дж. Пальмерстона отправить эскадру к берегам Китая.

К началу XIX века Россия имела устоявшиеся добрососедские отношения с Китаем. Уже были изгнаны из Пекина иезуиты, и Русская духовная миссия в Китае стала основным

доверенным органом. Остается только констатировать факт, что Великобритания стремилась взять реванш на Дальнем Востоке. В то время, пока герцог Веллингтон в Санкт-Петербурге убеждал внешнеполитическое ведомство России в дружбе двух стран, была проведена стремительная агрессия против Китая.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что соперничество Великобритании с Россией имеет давние корни. Скорее всего, это соперничество берет свое начало еще со времен Ивана «Грозного», запретившего проход английских торговых обозов в Китай через свою территорию. И абсолютно очевидно, что Британия не отказалась от своих амбиций в XIX веке. Открытое стратегическое соперничество Великобритании с Россией в Китае можно смело назвать началом первого этапа, который затем стали называть холодной войной. И хотя британское правительство редко фигурирует в соперничестве сверхдержав в рамках холодной войны, не следует забывать о том, что Великобритания всегда была главным стратегическим союзником США и никогда не отказывалась от своих амбиций.

Литература

1. Набока О.В. Тайвань та політика Великобританії щодо острову Тайвань, 20–90 pp. XIX ст.м: дис. ...канд. іст. наук: 07.00.02 / О.В. Набока. – Луганськ, 2006. – 185 с. **2. Русанова М.І.** Політика Великої Британії по відношенню до Палестини в першій чверті XIX століття : дис.канд. іст. наук: 07.00.02 / М.І. Русанова. – Луганськ, 2005. – 200 с. **3. Гончаренко А.В.** Боснія та Герцеговина у зовнішній політиці Великої Британії та Росії підчас Східної кризи, 1875–1878pp. : дис. ...канд. іст. наук: 07.00.02 / А.В. Гончаренко. – Суми, 2004. – 202 с. **4. Sayer G.R.L.** Hong Kong. Birth, adolescence and coming of age. London, 1937. – 232 p. **5. Hansard's Parliamentary debates.** Third series. – Vol. 53. London, 1840, – col. 669–790. **6. Hansard's Parliamentary debates.** Third series. – Vol. 54. – London, 1840, – col. 1–27. **7. Грицких Д.В.** Політика Великобританії в Юго-Восточній Азії и миссия лорда Нэпира в Китай, 1833–1834гг. [Текст] / Д.В. Грицких // Історичні записки. Збірник наукових праць. – Луганськ, 2006. – С. 44–51. **8. John Keay.** The honourable company. A history of the English East India Company. – London, 1991. – 475 p.

Гуржи Владимир Анатольевич

*студент Донецкого национального университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)*

ВОЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И США В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Рассматривается военная сфера противостояния СССР и США. Акцентируется внимание на том, что во многом благодаря разрушительным продуктам гонки вооружений, холодная война так и не переросла в горячую войну.

Ключевые слова: *гонка вооружений, холодная война, СССР, США.*

Концепция правительства Кеннеди предусматривала быстрое наращивание вооружений, с тем, чтобы оставить далеко позади Советский Союз и еще многие годы спокойно действовать, не опасаясь стратегического вызова противников. Стратегическое превосходство должно было лечь в основание всей внешней политики Соединенных Штатов. США пошли на громадные развития стратегических сил. Военный бюджет США за период между 1961 и 1964 годами был увеличен на 13%. Военное ведомство получило небывалые до этого средства. К 1967 году число межконтинентальных баллистических ракет было увеличено в пять раз (с 200 до 1000 единиц). При Кеннеди в Америке был построен подводный флот, в котором значилось 41 атомная подводная лодка, американские военно-воздушные силы насчитывали 600 бомбардировщиков стратегического назначения.

Уже осенью 1961 г. американские спутники подтвердили, что Соединенные Штаты значительно опережают Советский Союз по числу баллистических ракет. Тем не менее, масштабный рост производства вооружений был начат и осуществлялся с невиданной скоростью.

Готовность воздействовать США на процессы в Европе, Азии, Африке и других странах, по мнению Кеннеди, так же

предполагала более широкий выбор средств, чем имелось у США в данный момент. Уже в 1961 г. президент США увеличил вооруженные силы своей страны на 300 тысяч человек, создал шесть резервных дивизий для быстрой мобилизации. В наиболее важную для США зону влияния – Западную Европу – были посланы дополнительные американские войска. Джон Кеннеди желал иметь полный набор для противостояния в холодной войне начиная стратегическими ядерными силами до результативных тайных служб. В конечном итоге Кеннеди увеличил число регулярных армейских дивизий с 11 до 16. Разрабатывалась стратегия «двух с половиной войн» – когда США могли бы вести две полномасштабные войны в Европе и Азии и одну, «половинную», в любом другом месте. Для решения последней задачи создавались специальные части, готовые вести боевые действия скрытно и в самых необычных условиях, на отдаленных рубежах холодной войны.

Холодная война была охарактеризована Джоном Кеннеди как «борьба за первенство между двумя идеологиями: свобода вместе с богом против безжалостной, безбожной тирании». Вся сложная система международных отношений была утрированно сведена к противоборству США с «силами зла» в лице Советского Союза. Стратегию холодной войны демократы двух разных поколений (Трумэн и Кеннеди) описали в сходных выражениях. Кеннеди: «Во всех пределах мира нам противостоит монолитный и не знающий жалости заговор, который направлен на распространение сферы влияния путем преимущественно подрывных действий». «Отражая коммунистическую угрозу», президент Кеннеди стремился перегруппировать американские силы, привести в систему то, что подпало под американское влияние в 40–50-х годах.

Главной особенностью холодной войны была гонка вооружений между государствами, которые являлись участниками Варшавского договора и НАТО. Несмотря на свою разорительность, она привела к существенным научным открытиям во многих технологических и военных областях. Само это понятие означает постоянное наращивание борющимися странами военной мощи. Некоторые особенно революционные прорывы были сделаны в области ядерного оружия и ракетной техники, что

привело к космической гонке. Продуктами гонки вооружений во время холодной войны являются стратегические межконтинентальные бомбардировщики и ракеты, сверхзвуковые самолеты, противоракеты, беспилотные самолеты-разведчики, спутники-шпионы, электронные системы слежения, наблюдения, связи и пр. Многие из военных разработок вошли и в мирную жизнь – атомные электростанции, спутники связи и GPS, межконтинентальные реактивные пассажирские самолеты, сеть Интернет и т.д. Характерными факторами для гонки вооружений было постоянное испытание новых видов оружия. Возможно, во многом благодаря разрушительным продуктам гонки вооружений, холодная война так и не переросла в горячую войну во время многочисленных кризисов и локальных конфликтов с участием сверхдержав. Её начало было связано с атомным оружием.

Но самым ожесточенным (в техническом плане) было создание ракетной техники. США обогнали Советский Союз по количеству ядерных вооружений, однако Советский Союз сумел обогнать США в ракетостроении. Первым в мире спутник был запущен СССР, а в 1961 году СССР отправил первого человека в космос. После высадки американцев на Луну стороны фактически выровнялись. Однако это ничуть не повлияло на гонку вооружений, она стала распространяться еще быстрее и теперь уже даже на отрасли, не имеющие прямого отношения к вооружениям. Например, сюда можно отнести гонку по созданию суперкомпьютеров.

Гонка вооружений, в конечном счете, была добровольно приостановлена по инициативе обеих сторон. Сторонами были заключены договоры, ограничивающие производство и накопление вооружений. Например, Договор о запрете испытания ядерного оружия на земле, в атмосфере, под водой и в космосе (1963 год), Соглашения по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОСВ) (1972 год), Договор о запрете распространения ядерного вооружения (1968 год).

Литература

1. Плешаков К.В. Советский Союз и Соединенные Штаты, опыт взаимовосприятия [Текст] / К.В. Плешаков // США – экономика, политика, идеология. – 1989. – № 9. **2. Новейшая**

история стран Европы и Америки: XX век. В 2-х ч. / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. – М., 2001. **3. Холодная война.** 1945–1964 гг. Историческая ретроспектива : [сб. статей] / [ред.: Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян]. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Ч. 1. – 640 с. **4. Батюк В.И.** Геополитический контекст начала холодной войны: уроки для 90-х годов [Текст] / В.И. Батюк, Д.Г. Евстафьев // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 10.

УДК 94(672.4) : 327.54 «1960/1962»

Дибас Оксана Андреевна

кандидат исторических наук,

*доцент кафедры всемирной истории и международных отношений
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

КОНГОЛЕЗСКИЙ КРИЗИС КАК ЭТАП ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Исследуются истоки конголезского кризиса, а также процесс втягивания в вооруженный конфликт других государств, превращение Конго в арену холодной войны. Отмечается роль миротворческого контингента ООН в прекращении катангской войны.

Ключевые слова: *конголезский кризис, катангская война, миротворческие силы ООН.*

Территория Бельгийского Конго стала ареной первой мировой африканской войны (1998 – 2002 гг.), в которой были задействованы девять государств континента и погибло 5,5 млн. человек (самый кровавый конфликт после Второй мировой войны). Даже на современном этапе перемирие постоянно нарушается, и в ДРК до сих пор продолжаются вооруженные столкновения. Изучение истории участия миротворческих сил ООН носит актуальный характер, поскольку опыт урегулирования может быть

использован в практической плоскости при урегулировании современных этногражданских конфликтов.

В Бельгийском Конго в 60-х годах XX в., как и сегодня, в период активизации антиколониальной борьбы и образования новых независимых государств на Африканском континенте, возник кризис, что потребовало вмешательства международного сообщества. Там впервые в Тропической Африке были широко применены вооруженные силы ООН для умиротворения враждующих сторон. Хотя конголезский кризис находился в одном ряду с берлинским, карибским (кубинским) кризисами, однако, в отличие от них, является малоизученным в историографии.

До сих пор соблюдается историческая традиция, которая отводила народам, жившим к югу от Сахары, третьестепенную роль в историческом процессе.

Конфликт в Тропической Африке стал проявлением холодной войны и среди ее исследователей: историки и публицисты с «социалистического лагеря» упорно поддерживали все действия свергнутого леопольдвильского правительства Патриса Лумумбы и стенивильского правительства его соратника Антуана Гизенга и одновременно «клеямили позором» таких политических деятелей, как Чомбе, Жозеф Касаубу и других их оппонентов [3; 4].

Острая антиимпериалистическая позиция Лумумбы, его выступления с идеями «африканского социализма» находили одобрение у верхушки Кремля. Особый всплеск в СССР публицистической и исторической литературы произошел после трагической гибели Лумумбы от рук сторонников его основного оппонента – лидера катангских сепаратистов – Чомбе. В советской историографии вина за это была безосновательно переведена на военные контингенты ООН и НАТО. Данная тенденция отражена даже в названии сборника документов и материалов – «Патрис Лумумба: Правда об ужасном преступлении колонизаторов» [4].

Среди монографий и откровенно публицистических агиток особняком стоит труд Ю. Винокурова, А. Орлова, В. Субботина, Л. Пономаренко – известных исследователей конголезской истории [5; 6]. В монографии по истории Конго (Заира) в новое и новейшее время они предоставляют большое количество фактов,

избегая пропагандистских обобщений, оставляя читателям право самим оценить правомерность действий политиков. Отечественная историография также представлена статьями Ю. Буракова [7; 8], А. Козицкого [9]. Соблюдение рядом зарубежных авторов советской версии развития конфликта привело к переводу их трудов на русский язык, в частности отметим работы М. Мерлие и К. О'Брайена [10; 11]. Работа ирландского дипломата О'Брайена интересна прежде всего тем, что он был очевидцем событий, а после конфликта с Генеральным секретарем ООН У Таном решил открыть ряд тайн, касающихся деятельности ООН в Конго и гибели там Генсека ООН Дага Гаммершельда. В работе приведен целый ряд документов, которые являются ключевой базой изучения истории катангской войны.

В исторической литературе события в Бельгийском Конго в первой половине 60-х годов определены как гражданская война, сепаратистские, а бывало и национальные противоречия. По нашему мнению, более точным определением является название этносепаратистский конфликт [8, с. 17–18]. Согласно политических решений Брюссельской конференции (февраль 1960 г.), в мае того же года состоялись парламентские выборы в Конго. Большинство мест в нижней палате парламента получила левоцентристская партия – Национальное движение Конго во главе с Лумумбой [8, с. 18]. По результатам выборов последним было поручено сформировать первое конголезское правительство, и 24 июня 1960 года он был официально назначен премьер-министром Конго. Президентом страны парламент избрал Касавубу. 30 июня того же года в присутствии бельгийского короля в Леопольдове была провозглашена независимость Республики Конго.

Решение о назначении премьером Лумумбу встретил в штыки лидер радикальной националистической партии – Конфедерация народных ассоциаций Катанги – Чомбе. Он считал Лумумбу личным врагом, и для этого был ряд причин. Отбросим личные (а они существовали) образы, а остановимся лишь на основных политических противоречиях этих амбициозных политиков Конго. Чомбе был защитником стремлений к независимости населения Катанги. Независимость он связывал с демократизацией общества, привлечением иностранного капитала

в экономику Катанги, созданием условий для частной инициативы. Его оппонент выступал за национализацию предприятий, «конголезацию» экономики и закрытие иностранных компаний. В ответ на назначение премьер-министром П. Лумумбы, М. Чомбе провозгласил независимость провинции Катанга, по его словам, чтобы «эта богатая страна перестала быть бедной падчерицей единого Конго» [12, с. 206] и обратился за помощью к Великобритании (английские предприниматели занимали ведущие позиции в экономике провинции).

Кроме сепаратизма, с первых дней возникновения суверенного государства, правительство Лумумбы встретилось со многими трудностями. В июле произошло так называемое «восстание клерков» – уволенных с работы чиновников, лишившихся своих мест только по той причине, что работали на этих местах во времена старого режима. Уволенные служащие отказались покидать свои места и некоторые учреждения, и предприятия новой власти приходилось брать штурмом. При новой власти процветала система личных связей, когда за счет родных и выходцев из своего племени, земляков на освободившиеся места назначались «свои люди». Было распространенным явлением, когда тот из родни, кто поднялся по социально-политической лестнице выше, окружал себя родственниками и земляками. Патронажно-клиентские связи стали привычной социальной опорой каждого высокопоставленного представителя правящей элиты. Считаю верным утверждение российского историка Л. Васильева, который отмечал: «трайбализм, который обусловил функционирование и даже господство подобного рода кланово-патронажных структурных ячеек в политической жизни почти всех стран Африки, оказал свое решающее влияние и на жизнеспособность тех или иных форм политического режима в независимых странах Африки» [13, с. 304–305]. 11 июля 1960 года Чомбе обратился к ООН с просьбой признать Катангу независимым государством. В Катанге состоялись торжества по случаю провозглашения независимости. Ее президент ввел в обращение собственную денежную единицу – катангский франк. Опираясь на тайную поддержку западных владельцев приисков, находившихся на территории Катанги, М. Чомбе создал сильную

армию. 8 августа А. Калонжи провозгласил независимость Горно-Рудной республики Касаи (провинция в составе Конго). 25 августа Касаи и Катанга подписали договор о создании конфедерации, совместной обороне, таможенных границах и создании экономического союза. В ответ премьер-министр Лумумба дал приказ правительственным войскам начать карательную операцию против сепаратистов Катанги [12, с. 103–104]. Требование Лумумбы по «африканизации» конголезской армии – «форс паблик» (ее личный состав насчитывал около 25 тыс. человек), смещение с должности командующего армией генерала Эмиля Янсенса и ряда бельгийских офицеров, широкая раздача офицерских званий своим сторонникам спровоцировали мятеж в войсках в июле 1960 года.

Участились нападения на европейцев, что послужило толчком тому, что страну стали массово покидать иностранные граждане-специалисты, служащие, советники [12, с. 178]. С началом силового противостояния для защиты жизни и имущества европейцев в Конго были переброшены бельгийские войска (10 тыс. военнослужащих). Правительство Бельгии имело на это право, если вспомнить подписанные в феврале 1960 года брюссельские договоренности, хотя сразу премьер-министр П. Лумумбы заявил об их денонсации. Используя свои военные базы в стране, бельгийцы при содействии союзников по НАТО заняли 30 ключевых городских, промышленных и транспортных узлов. Европейские войска в конфликте заявили о своем нейтралитете, хотя иногда склонялись к поддержке Чомбе.

При таких обстоятельствах П. Лумумба обратился в ООН. Совет Безопасности (при поддержке СССР и США) 14 июля 1960 проголосовал за вмешательство в конголезский кризис и направление туда миротворческих сил ООН, которые состояли из подразделений Швеции и Ирландии, а позже Ганы, Нигерии, Эфиопии [12, с. 249–250]. «Голубые каски» должны были заменить бельгийские войска и способствовать восстановлению территориальной целостности страны. Руководство миссией ООН возлагалось на афроамериканца, известного дипломата и правозащитника, лауреата Нобелевской премии мира 1950 Ральфа Джонсона Банча. Однако Секретариат ООН не назначил в миссию

ни одного представителя из «социалистического лагеря», что вызвало протесты руководства СССР. Советский Союз во главе с Н. Хрущевым после успешного вмешательства в Суэцкий кризис 1956 и установления дружественных отношений с режимами Гамаль Абдель Насера в Египте, Кваме Нкрума в Гане, Секу Туре в Гвинее все активнее боролся за распространение своего влияния на Африку. Опираясь на пример ближневосточной войны 1956, Хрущев уверял, что мы «... имеем возможности сорвать авантюристические планы агрессоров, влиять на развитие событий в нужном направлении ... В Советском Союзе созданы такие мощные военные средства, о которых империалисты не имеют никакого представления ...» [14, с. 41–43]. В свою очередь, президент США Д. Эйзенхауэр направил письмо президенту Касаубу, в котором отмечал, что: «... было бы идеально, если бы Конго осталось под опекой ООН до тех пор, пока подготовка кадров и обеспечение самодисциплины достигнут такой степени, что различные правительственные и частные организации смогут функционировать самостоятельно, и народ сможет выбирать квалифицированных представителей» [11, с. 47].

Еще за день до заседания Совета Безопасности ООН советское правительство в специальном заявлении объявило, что « все попытки отторжения тех или иных провинций от Республики Конго являются незаконными и преступными действиями, которые продиктованы финансовыми интересами кучки финансовых и промышленных магнатов колониальных государств» [15, с. 542–543]. Конечно, это полностью совпадало с позицией Лумумбы, который не замедлил обратиться к руководству СССР за помощью. Советское руководство бесплатно прислало в Конго крупную партию оружия, 100 грузовых автомобилей, 10 тыс. тонн продовольственных товаров. В страну были также направлены военные специалисты и медицинские работники. Советскими самолетами в Конго для защиты правительства Лумумбы были переброшены воинские части Республики Гана. По личной просьбе премьера, советские транспортные самолеты перебросили верные ему войска в Стэнливилль с тем, чтобы помочь организовать наступление на Катангу [16, с. 123]. 22 июля и 9 августа по настоянию

правительства Лумумбы Совет Безопасности вновь рассмотрел конголезский вопрос и подтвердил свое предыдущее решение от 14 июля. Генеральный секретарь ООН Даг Гаммершельд лично выехал в Катангу для урегулирования конфликта. Общее число офицеров и солдат, которые прибыли в Конго в составе миротворческих сил, составляло 20000 человек, в страну также прибыли 1300 гражданских по линии ООН [15, с. 98].

Командование сил ООН отказалось выполнить требование конголезского правительства по использованию только африканских контингентов войск для охраны стратегических объектов в стране. Лумумба стремился начать неотложные карательные операции против сепаратистов, однако Гаммершельд не торопился, пытаясь путем переговоров со всеми участниками решить конфликт мирным путем. В ответ Лумумба сделал несколько заявлений, в которых оскорблял Генерального секретаря ООН, назвал «империалистической марионеткой» и призвал парламент объявить его «*persona non grata*». В результате Лумумба добился одного – Генсек отказался от встреч с премьер-министром и уехал из Леопольдвилля. Политика Лумумбы подвергалась критике, даже в самом правительстве в оппозицию к премьеру перешел ряд членов кабинета во главе с министром иностранных дел Ж. Бомбоко [11, с. 182]. 5 сентября 1960 президент Республики Конго Ж. Касавубу подписал декрет об отставке П. Лумумбы и назначении новым премьер-министром Ж. Илео. Лумумба в тот же день объявил по радио, что Касавубу больше не является президентом страны, поскольку принимает антигосударственные решения. На следующий день президент Касавубу призвал население страны прекратить братоубийственную войну. Лумумба снова выступил по радио с критикой заявления Касавубу и призвал народы Конго продолжить войну «против империализма». В тот же день вечером президент отдал приказ арестовать Лумумбу. Войска ООН закрыли леопольдвильскую радиостанцию, которая находилась в руках сторонников отставного премьера, аэропорт столицы, через который на помощь Лумумбы должны были прийти вооруженные отряды с Ганы. Генсек ООН Гаммершельд подтвердил президентские полномочия Касавубу и выразил надежду, что в Конго будет восстановлен мир и порядок [12, с. 216].

В условиях внутреннего раздора, политического безвластия, растущей анархии, на политическую арену уверенно вышла новая политическая сила – новая «конголезированная» армия. Утром 14 сентября 1960 г. подразделения Конголезской национальной армии (КНА) захватили здания парламента, правительства, других важных органов власти. Руководитель мятежа, начальник Генерального штаба КНА генерал Жозеф Дезире Мобуту, заявил, что «нейтрализует президента, парламент, правительство Илеота Лумумбы до конца года» [12, с. 218]. Начались повальные аресты политиков. Были закрыты посольства СССР и КНР, высланы из страны все их специалисты. Руководство СССР расценило военный переворот как результат пагубного промедления миротворцев ООН и повело политическое наступление на Генерального секретаря. Делегация СССР предложила упразднить должность Генерального секретаря и ввести секретариат из трех человек – представителей западных стран и социалистического лагеря и одного представителя нейтральных стран; однако большинство ООН, в том числе делегации африканских стран, опасаясь распада Конго на несколько государств поддержала Гаммершельда [17, с. 594–595]. 17–20 сентября 1960 г. состоялась чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, которая была специально созвана для рассмотрения конголезского вопроса. Семнадцать афроазиатских стран предложили свой проект резолюции, который был принят сессией по содействию центральному правительству Республики Конго в восстановлении порядка и законности в стране [15, с. 544].

Военный переворот углубил конфликт в Конго и положил конец надеждам на демократическое развитие внутривнутриполитической жизни. Когда Лумумба попытался из Леопольдвилья перебраться в Стэнливилль, то в пути был схвачен и передан катангцам. 17 января 1961 г. Патрис Лумумба был казнен, что обострило кризис, в частности его международный аспект. 14 февраля 1961 г. правительство СССР в своем заявлении требовало вывода всех иностранных войск из Конго, наказания виновников убийства, а также немедленного освобождения от должности Гаммершельда, вплоть до непризнания его как должностного лица

ООН [11, с. 545]. В СССР состоялись грандиозные митинги протестов трудящихся против «преступных действий империалистических сил» в Конго. Именем Патриса Лумумбы назвали в Москве Университет дружбы народов. Международный резонанс, вызванный казнью П. Лумумбы, в определенной степени активизировал деятельность миротворческих сил ООН в Конго. ООН приступила к реорганизации вооруженных формирований центрального правительства с целью превращения их в национальную армию под гражданским контролем. На пост президента был возвращен Ж. Касавубу. 21 февраля 1961 г. ООН предложила действенный план преодоления этносепаратистского конфликта – силой оружия воссоединить страну. С помощью миротворческих сил ООН возобновили свою деятельность институты центральной власти. Две палаты конголезского парламента, депутаты которого вернулись к работе после преодоления последствий военного переворота, по согласованию с президентом сформировали правительство. В новом правительстве пост премьер-министра занял Сирила Адула, соратник Касавубу, а должность вице-преьера – Антуан Гизенга, соратник Лумумбы.

Конголезская проблема и в дальнейшем оставалась ареной «холодной войны». В выступлении перед конгрессом 25 мая 1961 президент США Дж. Кеннеди отметил, что большим полем битвы между защитниками и врагами свободы являются народы Востока и призвал активизировать программы помощи и военной поддержки всем, кто борется против экспансии коммунизма, имея в виду, в том числе, и народы Конго [11, с. 561].

18 сентября 1961 г. Даг Гаммершельд трагически погиб в авиационной катастрофе на африканском континенте. В ООН было найдено решение, которое удовлетворило Н.С. Хрущева: Генеральным секретарем был избран представитель «третьего» мира из нейтральной Бирмы – У Тан. Он назначил себе восемь помощников, среди них представителей социалистических стран – СРСР и Чехословакии. В сентябре и октябре 1961 г. войска ООН провели две масштабные наступательные операции на катангских сепаратистов, которые завершились подписанием перемирия с их лидером. В августе 1962 года новый Генсек ООН У Тан предложил свой план национального примирения, согласно которого

предполагалось воссоединить Катангу с Конго с сохранением широкой автономии провинции. Однако мирное осуществление этого плана было сорвано по вине Чомбе. В декабре 1962 г. войска ООН начали решающее наступление на Катангу и в январе 1963 г. оккупировали всю провинцию и положили конец конголезскому расколу. Лидер сепаратистов Чомбе бежал из страны. Были арестованы руководители сепаратистов из других провинций [12, с. 116].

Таким образом, вооруженное вмешательство ООН в конголезский конфликт возобновило единство страны. Генеральный секретарь У Тан справедливо считал успешным завершением операции ООН в Конго. 1 июля 1964 года войска ООН оставили Конго. 30 декабря 1964 Совет Безопасности принял резолюцию, в которой всем государствам предлагалось воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Республики Конго и выдвигалось требование вывести иностранные войска из этой африканской страны. Единство страны, благодаря миротворцам ООН, было восстановлено. События в Конго продемонстрировали насколько опасными для мирового порядка являются этносепаратистские конфликты. Они могут перерасти из локального местного явления в глобальную мировую проблему и представлять серьезную угрозу для человечества. Большую роль в обуздании вооруженного конфликта в Конго сыграли миротворческие силы ООН. Следует заметить, что в данном случае они неоправданно медлили с применением силовых методов наведения порядка. Уроки конголезского кризиса были учтены в дальнейшем миротворцами ООН.

После конголезского кризиса завершилось оформление концепции миротворческих операций ООН. Введение Специального комитета Генеральной Ассамблеи по операциям по поддержанию мира способствовало началу широкого обсуждения основных принципов миротворческих операций.

Литература

1. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 848 с. **2. Ванден Берге I.** Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917 – 1990 / I. Ванден Берге. – М. : Междунар. отн., 1996. – 304 с. **3. Встреча с Африкой /**

А. Аджубей [и др]; под общ. ред. Б. Бурков. – М. : Политиздат, 1964. – 376 с. **4. Патрис Лумумба:** Правда о чудовищном преступлении колонизаторов. – М.: Союз журналистов СССР, 1961. – 216 с. **5. Винокуров Ю.Н.** Конго. Трудный путь к независимости / Ю.Н. Винокуров. – М. : Политиздат, 1967. – 190 с. **6. Пономаренко Л.В.** Патрис Лумумба: Жизнь во имя свободы Африки / Л.В. Пономаренко. – М. : Изд. УДН, 1989. –128 с. **7. Бураков Ю.В.** Проблема розмежування колоніальних володінь у Центральній Африці в міжнародних відносинах останньої чверті ХІХ ст. [Текст] / Ю.В. Бураков // Військово-науковий вісник. – 2002. – Випуск 5. – С. 100–135. **8. Бураков Ю.В.** Переростання збройного етносепаратистського конфлікту початку 60-х років ХХ ст. в Бельгійському Конго у міжнародну кризу [Текст] / Ю.В. Бураков // Військово-науковий вісник. –2004. – Випуск 6. – С. 180–197. **9. Козицький А.А.** Конго / А.А. Козицький // Світова історія: ХХ століття. Енциклопедичний словник / за заг. ред.И. Пидкова – Львів : Літопис, 2008. – 342–344 с. **10. Мерлие М.** Конго от колонизации к независимости / М. Мерлие. – М. : Прогресс, 1965. –213 с. **11. О’Брайен К.** В Катангу и обратно / К. О’Брайен. – М. : Изд. иностр. лит-ры, 1963. – 521 с. **12. Винокуров Ю.Н.** История Заира в новое и новейшее время / Ю.Н. Винокуров, А.С. Орлова, В.А. Субботин. – М. : Наука, 1982. – 340 с. **13. Васильев Л.С.** История Востока: В 2-х т. / Л.С. Васильев. – М. : Высш. шк., 1994. – Т.2. – 495 с. **14. Хрущев Н.С.** Предотвращение войны – главная задача / Н.С. Хрущев. – М. : Политиздат, 1963. –186 с. **15. История дипломатии:** В 6 т. : Т.5 / А.А. Громыко. – М. : Политиздат, 1979. – 766 с. **16. Патрис Лумумба.** Правда о чудовищном преступлении колонизаторов [Текст]: [Сборник]. – М. : Союз журналистов СССР, 1961. – 207 с. **17. Дюрозель Ж.-Б.** Історія дипломатії від 1919 року до наших днів / Ж.-Б. Дюрозель. – К. : Основи, 1995. – 903 с.

Ищенко Валентина Владимировна

кандидат исторических наук,

*доцент кафедры всемирной истории и международных отношений
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается возникновение и развитие традиций публичной дипломатии в СССР как действенного инструмента формирования позитивного имиджа советского государства на международной арене. Указывается, что основной формой публичной дипломатии Советского союза в период холодной войны являлись культурные связи.

Ключевые слова: *публичная дипломатия, культурная дипломатия, международная гуманитарная миссия, холодная война, дипломатия «мягкой силы».*

В современном мире публичная дипломатия понимается как процесс коммуникации с зарубежной общественностью силами государственных и негосударственных игроков с целью косвенного влияния на общественное мнение и процессы принятия внешнеполитических решений в ином государстве. Методы и приемы публичной дипломатии использовались государствами во внешней политике на протяжении веков, однако лишь в XX веке они начали трансформироваться в осознанную государственную политику, имеющую солидную теоретическую, законодательную и материальную базы [1, с. 73].

Образованный в 1922 году СССР вначале оказался в состоянии международной изоляции, сформировавшейся в результате неприятия западными правительствами нового внешнеполитического и идеологического курса страны. Отсюда следует, что в начале 20-х годов прошлого века взаимодействие СССР в области культуры со странами мира пока еще не было системно оформлено и носило разрозненный характер. В основном

в сфере культуры действовали общественные организации, однако наибольшее влияние имели отдельные представители российского культурного сообщества, действовавшие преимущественно по собственной инициативе.

Однако уже в середине 1920-х годов СССР устанавливает дипломатические отношения с рядом европейских государств, Китаем, Мексикой, Японией, в 1933 году – с Соединенными Штатами, а в 1934-м становится членом Лиги Наций. Став, таким образом, полноправным субъектом международных отношений, СССР начинает развивать культурные контакты с внешним миром.

Именно в этот период в рамках зарождавшейся советской публичной дипломатии берет свое начало созданное в 1925 году Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), переименованное в 1958 году в Союз советских обществ дружбы (ССОД), в задачи которого входили «ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризация культуры народов Советского Союза за границей», что «содействовало развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других стран» [2, с. 178]. После радикальных социально-политических преобразований, которые по большей части привели к разрыву культурных связей страны, вопрос расширения и развития культурных контактов по праву является одним из основных в повестке дня.

Согласно заявленной в Уставе ВОКС основной цели - «содействие установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и культурными работниками Союза ССР и заграницей» [2, с. 184], организация осуществляла активное взаимодействие со своими зарубежными партнерами, стремилась расширять обмен информацией относительно событий в сфере культуры, стимулировала публикацию и распространение материалов, отражавших культурное развитие страны, сведения о советской науке и быте советских граждан. Также особое внимание уделялось организации изучения русского языка за границей, стимулированию научного обмена, проведению выставок, гастролей и поездок в СССР видных деятелей зарубежной науки и

культуры. Благодаря активной деятельности организации Советский Союз посетили такие известные ученые и общественные деятели, как Поль Ланжевен, Ромен Роллан, Рабиндранат Тагор и многие другие.

Таким образом, ВОКС стала первой организацией, занимающейся вопросами расширения и развития культурных связей советского государства за рубежом. В рамках деятельности ВОКС реализовывалась важнейшая цель – формирование позитивного видения Советского Союза в капиталистических странах, что по праву можно считать одним из важнейших элементов «мягкой силы». Для организации работы «на местах» в странах были учреждены так называемые общества культурной связи с СССР. Их деятельность координировалась ВОКС и была направлена на позитивное восприятие внешнеполитической стратегии советского государства за рубежом [3, с. 93].

Даже в тяжелый военный период ВОКС удавалось продолжать свою деятельность. Основной фокус был смещен на расширение международной гуманитарной миссии, в рамках которой проводился сбор средств для помощи армии, закупка оборудования и медикаментов для медицинских учреждений, а также привлечение к борьбе с фашизмом великих деятелей мировой культуры. Так, например, именно благодаря активной деятельности ВОКС состоялось представление знаменитой «Ленинградской симфонии» Д.Шостаковича в Великобритании [4, с. 69].

С окончанием Второй мировой войны в мире сложилась новая Ялтинско-потсдамская система, и с завершением трансформации миропорядка Советскому Союзу было необходимо корректировать свой внешнеполитический курс в новой системе координат, в том числе и в сфере культурных связей.

За военный период старые сложившиеся культурные связи разрушились. Однако наряду с этим активная деятельность ВОКС за рубежом позволила сохранить сформированные контакты, а борьба с фашизмом привела к возникновению новых «обществ друзей» СССР. В итоге в 1958 году они были объединены в единый Союз советских обществ дружбы – правопреемник ВОКС [4, с. 73].

В рамках Союза были объединены, по существу, разные сообщества, структуры и деятельность которых определялись во многом странами пребывания. ССОД обладал статусом общественной организации и функционировал на принципах партнерства с зарубежными объединениями. Его создание преследовало своей целью уход от доминирования агитационно-пропагандистских подходов к своей работе, характерных для ВОКС.

Распад СССР и возникновение на его территории новых независимых государств стало новым вызовом для будущего отечественной публичной дипломатии. Крушение старой системы международных отношений и видоизменение геополитических приоритетов заставили Российскую Федерацию пересмотреть базовые принципы, векторы и инструменты общественной дипломатии. ССОД и советские общества дружбы претерпели существенные преобразования.

Литература

1. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности [Текст] / А.Н. Марчуков // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – Серия 4. – С. 73–85. **2. Сеидов В.** От традиционной дипломатии к публичной дипломатии / В. Сеидов // Информация. Дипломатия. Психология. – М. : Известия, 2002. – 608 с. **3. Зонова Т.В.** Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития / Т.В. Зонова. – М. : РОССПЭН, 2003. – 235 с. **4. Артеньев В.С.** Культурная дипломатия как инструмент создания позитивного имиджа государства / В.С. Артеньев. – М. : Наука, 2011. – 267 с.

Крысенко Дмитрий Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры политологии и правоведения

Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена идеологии и практике потребительства как инструменту внешнеполитической стратегии и тактики США в психологической борьбе против СССР в период холодной войны.

Ключевые слова: *потребительство, внешняя политика, США, СССР, холодная война.*

Начиная с первых дней после завершения Второй мировой войны и по сегодня такие бренды, как «Макдональдс», «Пепси» и «Кока-кола» являются устойчивыми символами американского образа жизни. Исходя из определения культуры как «всего материального и нематериального, созданного человеком» [1, с. 9–12], потребительская продукция является частью «мягкой силы», наряду с дипломатией и военно-политическими блоками, выступившей одним из «трёх китов» победы США в холодной войне. Итак, предметом данного доклада является консюмеризм (потребительство) как элемент американской внешней политики.

Высадка и продвижение войск США в Западной Европе в 1944–1945 гг. сопровождалась знакомством жителей освобождённых стран с американской продукцией широкого потребления. Последняя соединялась с образом военно-политической мощи США. В результате, с учётом голода и послевоенной разрухи, почти повсеместно царивших в Европе, обещание и способность обеспечить население товарами широкого

потребления превратились в критерий народной легитимности правительств.

Деятель Республиканской партии США Гэри Кросс проникательно предположил, что консюмеризм оказался тем «измом», который победил в идеологических битвах двадцатого века. Вышедшая в 1929 г. книга под названием «Selling Mrs. Consumer» провозглашала, что «Потребительство – это ... величайшая идея, которую Америка должна дать миру: ... платите им больше и продавайте им больше» [Quot. for: 2, p. 491]. Изобретение Генри Фордом конвейера совпало по времени с разработкой и внедрением новых психологических методов убеждения; в дальнейшем, в совокупности с циклическим ростом мировой экономики, это на порядки увеличило в США «общественный пирог», элементами которого было «изобилие для масс», новая культура досуга и освобождение женщин. Распространению этих штампов способствовала огромная привлекательность голливудских фильмов, которые завоевали экраны большей части мира. Для многих людей Старого и Нового Света «Америка» потеряла географическую специфику и стала почти нарицательным, обозначая роскошь, возможность выбора и эмансипацию женщин.

В конце 1940–1950-е гг., в рамках политики холодной войны, американские лидеры создали правительственную инфраструктуру, содействовавшую тому, что Чарльз Майер назвал «политикой производительности», т.е. расширению возможности для американских инвестиций и экспорта американской экономической модели зарубеж. В этом же свете следует рассматривать тактический приём с названием «Поезда свободы», циркулировавшие из города в город в странах, присоединившихся к «Плану Маршалла». Данные поезда, демонстрировавшие образцы бытовой техники и потребительских товаров, несли лозунг «процветание делает вас свободными».

Для координации информационных и культурных мероприятий, в 1953 г. было основано Информационное агентство США (ЮСИА). Создана данная организация была по инициативе президента Д. Эйзенхауэра, генерала, хорошо знакомого с преимуществами психологических операций [3, с. 155]. Эйзенхауэр

активно расширил программы, направленные на противодействие привлекательности коммунизма, подчёркивая преимущества жизни на Западе, в свете чего следует рассматривать введение в 1956 г. в политический оборот термина «народный капитализм». Немногочисленные культурные контакты между двумя сверхдержавами в 1950-е гг. также отражали усилия американского руководства, направленные на «вербовку» адептов потребительской культуры в борьбе против коммунизма. Например, на проходившей в 1958 г. в Брюсселе Международной выставке, Советский Союз показал агротехнику, спутник и балет Большого театра; американский павильон, напротив, содержал стиральные и посудомоечные машины, встроенные бытовые печи, каталог «Sears & Roebuck», замороженные продуктовые пакеты, студии теле- и звукозаписи.

Кэтрин Говард, видная республиканская активистка, служившая в качестве заместителя комиссара выставки, утверждала, что «современные кухни являются одним из самых ценных видов оружия в психологической борьбе за свободу» [2, р. 493]. Говард сформировала павильон как площадку, обращённую, прежде всего к женской аудитории, поскольку демонстрировала, в основном, бытовую технику и одежду. Американские кухни были превознесены как средство освобождения женщин от нудной работы. Журнал «Vogue», частый партнёр ЮСИА, проводил показы мод, при этом особенной популярностью пользовались джинсы и клетчатые рубашки, теннисные костюмы, вечерние платья и недорогие платья. Данные показы демонстрировали массу свободного времени и лёгкую смену социальных ролей, доступные американским женщинам [4, с. 216].

Американская национальная выставка, проведённая в 1959 г. в московских Сокольниках, также преследовала цель трансляции достижений «народного капитализма» во враждебной среде. Проводимые показы мод отображали стильный, массовый рынок одежды; основательница косметической линии Елена Рубинштейн предлагала бесплатные образцы одежды и косметики (до тех пор, пока власти не запретили подобную практику); преимущества американского образа жизни должны были

демонстрировать также кухонная техника и продукты питания. Знаменитые «кухонные дебаты» между вице-президентом США Р. Никсоном и Н. Хрущёвым во многом происходили именно на этом фоне. Никсон обосновывал разумность системы, которая освободила женщин от рутинного труда, передав им результаты достижений цивилизации, тем самым выполнив то, что он считал правильной мужской ролью защиты женщин. Хрущёв же осуждал излишества капиталистического дома, доказывая, что социализм может дать более рациональное удовлетворение потребителей.

Демонстрируя яркие образцы товаров широкого потребления, американские власти при этом не озвучивали статистику цен и показатели социального расслоения, ситуация по которым в СССР была несравненно более благополучной. Тем не менее, очерченная политика выполнила роль «троянского коня», нацеленного на создание привлекательного образа США и снижение авторитета собственного государства среди советских граждан.

Литература

1. **Ионин Л.Г.** Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л.Г. Ионин. – М. : Логос, 2000. – 431 с.
2. **Rosenberg Е.** Consumer capitalism and the end of the Cold War / Emily Rosenberg // The Cambridge history of Cold War. – Vol. III. – Ed. by Melvyn P. Lefler, Odd Arne Westad. Cambridge : University Press, 2010. – 602 p.
3. **ЮСИА**, Информационное агентство США // Энциклопедический словарь СМИ. – Под ред. А.А. Князева. – Бишкек : КРСУ, 2002. – 164 с.
4. **Ильин В.И.** Потребление как дискурс / В.И. Ильин. – СПб. : Интерсоис, 2008. – 446 с.

УДК 004.9

Логинов Анатолий Владимирович

*старший преподаватель кафедры
информационных технологий и систем*

*Луганского национального университета имени Тараса Шевченко,
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

Яскевич Даниил Витальевич

*студент Московского государственного технического
университета им. Н.Э. Баумана*

(г. Москва, Российская Федерация)

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СССР В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

*Рассматривается влияние ИТ технологий на развитие
противостояния СССР и США, определяется характеристика
процесса развития информационных технологий.*

Ключевые слова: *ИТ технологии, информатика, СССР.*

Анализ истории развития информационных технологий позволяет сделать вывод, что по большинству достижений в области ИТ Советский Союз выступал в качестве догоняющего. Многие новые разработки, изобретения, связанные с ИТ воспринимались с большим опасением. В работе [2] рассказывается об изобретении первого ксерокса советской постройки. Он был разработан Владимиром Фридкиным в первой половине 1950-х годов и получил название «Электрофотографической множительной машиной № 1». Изобретение вызвало настоящий ажиотаж, как среди ученых, так и среди представителей высокопоставленных чиновников. Тем не менее, из-за опасений, что на аппарате может быть что-то запрещенное, он был разломан и выброшен на свалку.

Направления сферы ИТ, которые получали поддержку в СССР – это системы ограничения доступа к информации и контроля за ней (в том числе, без ведома тех, которые

информацией обмениваются) и информационные технологий для научных вычислений.

Направлением развития информационных технологий, где СССР как минимум не уступал странам Запада, была алгоритмическая подготовка (математическая база в Советском Союзе была сильнейшей в мире), автоматизированные системы управления и информационные технологии, применительно к ВПК. Вершиной развития АСУ для военных целей можно считать комплекс автоматизированного управления массированным ответным ядерным ударом «Периметр».

Середина 1980-х гг. – период, когда руководству Советского Союза, советским ученым стала очевидна выдающаяся роль информационных технологий, и растущий разрыв между ИТ-промышленностью СССР и Западом. Одно из важнейших решений, которое было принято в то время, это введение информатики как обязательного предмета для изучения в школе в 1985 году. Привычный предмет «информатика» в школьной программе – это также результат противостояния между двумя сверхдержавами. В работе рассказывается о непростом пути внедрения информатики в школах, мобилизации ресурсов государства для реализации поставленной задачи, появлении первых персональных компьютеров в школах, и о процессе создания первого учебника по информатике для школьников [1].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, противостояние в период холодной войны затронуло и область информационных технологий. По большинству направлений развития аппаратного и программного обеспечения Советский Союз выступал в роли догоняющей стороны.

Во-вторых, информационные технологии применительно к ВПК – это та область, в которой Советский Союз добился значительных успехов. В-третьих, введение предмета информатика в школьную программу в СССР в 1985 году – это один из шагов в противостоянии между двумя полюсами в период холодной войны, положительные результаты которого мы наблюдаем и в настоящее время во всех постсоветских странах.

Литература

1. Солдатов А. Битва за Рунет: как власть манипулирует информацией и следит за каждым из нас. / А. Солдатов, И. Бороган. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 342 с.
2. Монахов В.М. Тридцать лет спустя... [Текст] / В.М. Монахов // Информатика и образование. – 2015. – № 7. – С. 9–15.

УДК. 94(510.2)

Магдалюк Александра Викторовна

*студентка Донецкого национального университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)*

КИТАЙСКО-ТАЙВАНЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются особенности отношений «двух Китаев». Рассматривается позиция сверхдержав по вопросу китайско-тайваньских отношений.

Ключевые слова: *проблема Тайваня, Китай, холодная война, СССР, США.*

Непростые отношения между Китаем и Тайванем существуют с 1949 г., когда в результате гражданской войны образовался феномен «двух Китаев». Такой ситуацией воспользовались две сверхдержавы периода холодной войны, поддержав одну из сторон конфликта. Таким образом, образовался новый «фронт» регионального противостояния Москвы и Вашингтона, который существует и сегодня.

Стоит отметить, что китайско-тайваньский «фронт» холодной войны возник практически одновременно с Корейским. Это обусловлено тем, что с началом конфликта на Корейском полуострове 7-й флот США отправился защищать Тайвань от возможного нападения со стороны Китайской Народной Республики [1], которая совместно с СССР оказывала помощь Северной Корее. С этого момента США включили Тайвань в зону

своего влияния, оказывая острову всестороннюю поддержку. В то же время, материковый Китай находился под политическим и идеологическим воздействием СССР еще до начала Второй мировой войны. К тому же Советский Союз оказал помощь Коммунистической Партии Китая в победе над Гоминьданом и установлении контроля над материковой частью Китая.

Через год после окончания Корейской войны Тайбэй и Вашингтон заключили официальный договор о взаимной безопасности. Согласно данному документу на острове было размещено 10 тысяч американских военнослужащих [2]. В ответ на это КНР, пытаясь вернуть контроль над Тайванем, совершила серию нападений на острова Цзиньмэнь и Дачэнь, которые принадлежали Тайбэю. Эти события послужили причиной к началу Первого кризиса в Тайваньском проливе (1954–1955 гг.) [1]. В этом конфликте США оказывали активную поддержку властям Тайваня и даже были готовы применить ядерное оружие. Однако Народно-Освободительная Армия Китая быстро продвигалась вперед и смогла захватить остров Ицзяншань, а армия Тайваня оставила остров Дачэнь. Примечательно, что СССР не принимал активного участия в данном конфликте, хотя и предлагал помощь в урегулировании кризисной ситуации на международном уровне.

Несмотря на завершение вооруженных столкновений, материковый Китай не оставлял мысли вернуть себе Тайвань. Поэтому в 1958 году произошел Второй кризис тайваньского пролива, который начался с обстрелов китайской армией спорных территорий в Тайваньском проливе (Цзиньмэнь и Мацзу) [3, с. 163]. США снова заявили о поддержке Тайваня и отправили свою авиацию в зону боевых действий. С другой стороны, Москва выступила на стороне Китая, но советские войска не принимали открытого участия в конфликте из-за опасений прямого столкновения с США. Боевые действия завершились практически сразу, однако споры о принадлежности островов велись вплоть до 1979 г. и едва не привели к войне между КНР и США.

После прихода к власти Хрущева отношения между КНР и СССР значительно ухудшились. В 60-х годах происходит окончательный раскол между двумя государствами, который

перерос в вооруженный конфликт на острове Даманский. На этом фоне укрепляется сотрудничество между Пекином и Вашингтоном, а в 1979 году устанавливаются официальные дипломатические отношения между странами [4, с. 190]. Однако признание КНР повлекло за собой разрыв официальных связей с Тайванем, что американское руководство не могло допустить. Поэтому в том же году в США принимается «Закон об отношениях с Тайванем», или «Тайваньский акт», в соответствии с которым Соединенные Штаты должны защищать остров от любого проявления агрессии со стороны материкового Китая, а также имеют право вести торговлю оружием с Тайбэем [2]. Видимо, данный Акт был принят на долгосрочную перспективу и предусматривал возможное ухудшение отношений с Пекином. Действительно, период расцвета китайско-американского взаимодействия быстро закончился, в то время как Закон действует и сегодня. Отношения между Китаем и СССР нормализовались уже под конец холодной войны, в то время как сотрудничество между США и Тайванем, по сути, никогда не прерывалось.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема Тайваня в какой-то степени возникла из-за противостояния США и СССР, которые стремились привлечь как можно больше союзников в холодной войне. Стоит отметить, что США сыграли особую роль в создании напряженности в Тайваньском проливе, которая существует и в настоящий момент. Тайвань, заручившись всесторонней поддержкой Вашингтона, смог почувствовать свою значимость в регионе, из-за чего воссоединение острова с материковым Китаем стало затруднительным.

Литература

1. Галенович Ю. Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и «холодная война» [Электронный ресурс] / Ю. Галенович // Свободная Мысль. – 2012. – № 11–12. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/304-mao-czedun-den-syaopin-i-holodnaya-vojna/>, свободный. **2. Терехов В.Ф.** О Тайваньской проблеме [Электронный ресурс] / В.Ф. Терехов // Российский институт стратегических исследований. – 2010. – 31 марта. – Режим доступа: <https://riss.ru/analitics/2236/>, свободный. **3. Chen Jian.** Mao's China and the Cold War. London : The University of North Carolina Press,

2001. – 387 с. **4. Современные международные отношения** : учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 584 с.

УДК 930.2 (410): 94 [73: (47+57)] «1949/1985»

Милокост Любов Сергіївна

кандидат історичних наук,

доцент кафедри всесвітньої історії та міжнародних відносин

Луганського національного університету імені Тараса Шевченка

(м. Луганськ, Луганська Народна Республіка)

ВІЙСЬКОВИЙ АСПЕКТ ХОЛОДНОЇ ВІЙНИ ЗА МАТЕРІАЛАМИ «THE DAILY TELEGRAPH» І «THE TIMES»

У статті аналізується інформаційний потенціал британських консервативних видань «The Daily Telegraph» и «The Times» відносно військового протистояння СРСР та США у період 1946–1947 рр.

Ключові слова: *холодна війна, джерело, інформація, «The Daily Telegraph», «The Times».*

В останні десятиріччя простежується інтенсивне звільнення від ідеологічних догматів радянської доби, а в історіографії зростає увага дослідників до проблематики холодної війни, але більшість досліджень головним чином ґрунтуються на вітчизняних і зарубіжних документальних джерелах та мемуаристиці, у той час як джерела іншого походження, зокрема консервативна преса Великобританії, а саме «The Daily Telegraph» і «The Times», залишаються поза увагою вітчизняних науковців. Розробка ж «нової» історії холодної війни має ґрунтуватися на ідейному плюралізмі поглядів, потребує наукового дослідження й опрацювання та введення до наукового обігу широкого кола джерел різного походження, а також комплексного використання різноманітної інформації, що міститься в них.

Залучення джерельного потенціалу «The Daily Telegraph» і «The Times» сприятиме відкриттю та впровадженню в науковий обіг незнаних до цього часу історичних матеріалів, розширенню та збагаченню в цілому самої джерельної бази дослідження історії «холодної війни».

Мета статті – аналіз інформаційного потенціалу газет «The Daily Telegraph» та «The Times» стосовно військового аспекту протистояння СРСР та США у 1946–1985 рр.

Проведений статистичний аналіз газет за означений період засвідчив, що найбільше матеріалів стосовно гонки озброєння, її розширення та переходу на вищий технологічний щабель було виявлено за період 1949–1953 рр., 1960–1965 рр., та 1980–1983 рр.; значне збільшення інформації щодо військового балансу між СРСР і США та ВПК цих країн спостерігається протягом 1968 – 1985 рр. У відображенні інформації стосовно ВПК існувала певна тенденція: здебільшого на сторінках «The Daily Telegraph» та «The Times» містяться дані відносно розвитку ВПК СРСР, тим часом як дані щодо ВПК США були досить незначними та наводились у порівнянні з попередніми.

Серед джерел надходження інформації щодо військового аспекту холодної війни можна виділити чотири групи: 1) матеріали таких міжнародних дослідних інститутів, як Інститут стратегічних досліджень, Стокгольмський міжнародний науково-дослідний інститут миру; 2) звіти НАТО; 3) повідомлення з неофіційних каналів у Вашингтоні, які не розголошувались; 4) офіційні заяви політичних діячів.

З виявлених матеріалів можна переконалися, що ВПК СРСР і США як система взаємозв'язків суб'єктів економічної та соціально-політичної структури суспільства, пов'язаних із забезпеченням військової безпеки країни, сформувався саме в умовах холодної війни. Так, у виступі Д. Ейзенхауера від 17 січня 1961 р. виникнення, розвиток і «величезний масштаб» ВПК США розглядався саме як наслідок холодної війни й технічної революції [1].

Протягом 1949–1955 рр. значну увагу редакції «The Daily Telegraph» і «The Times» приділяли висвітленню атомного питання. Виявлені джерела свідчать про помилковість бачення

американською адміністрацією технічної переваги США над СРСР в ядерній сфері, існування розбіжності в поглядах на ядерний потенціал СРСР та можливості атомного зіткнення з СРСР на початку 1950-х рр. Так, відповідно до виступу Д. Ейзенхауера від 8 жовтня 1953 р. СРСР, у результаті успішних випробувань 12 серпня 1953 р. водневої зброї, мав значний технічний потенціал для проведення атомної атаки по США [2]. Це суперечило точці зору секретаря національної оборони США щодо спроможності СРСР розв'язати атомну війну не раніше, ніж через три роки [3].

Відповідно до інформації «The Daily Telegraph» та «The Times» у середині 1950-х рр. відбулось перетворення ядерного питання в невід'ємну частину дипломатії країн-учасниць холодної війни. Так, аналіз матеріалів дискусій у Палаті Общин від 1 березня 1955 р. свідчить про погляди на атомну потужність СРСР як основу політики національної оборони Великобританії та міжнародної політики взагалі [4]. Також відбувся остаточний перегляд технічних можливостей СРСР на основі інформації, якою оперували американські військові експерти. Це дало підставу Вашингтону виходити з того, що незважаючи на провідну позицію Заходу в розробці ядерних технологій, через декілька років баланс сил у цій сфері може змінитися на користь СРСР [5].

Наприкінці 1950-х рр. – протягом 1960-х рр. велика увага на сторінках «The Daily Telegraph» та «The Times» приділялася й гонці космічних озброєнь. Для висвітлення цієї проблематики була характерна значна насиченість фактами, коментарями науковців, фотографіями, схематичними порівняннями технічних можливостей супутників та космічних кораблів СРСР та США. Зазначимо, що гонка космічних озброєнь сприймалася саме в аспекті протистояння США – СРСР [6].

Аналіз виявлених джерел засвідчив, що наприкінці 1950-х рр., на думку західних експертів, склалися передумови для досягнення паритету між СРСР та США у військовій сфері. За даними діловодної документації НАТО найбільша увага Альянсу й адміністрації Білого дому була прикута до переваги СРСР у ВМС, збільшення розриву між чисельністю наземних та повітряних сил НАТО та ОВД на користь останньої. Крім того, простежується стала тенденція пов'язування інформації щодо поліпшення

обороздатності СРСР з необхідністю збільшення асигнувань на ВПК США. Так, на основі звіту НАТО від 5 липня 1956 р. можна дійти висновку про збільшення військового потенціалу СРСР: незважаючи на те, що з 1947 р. чисельність наземних військ СРСР не змінилася і складала 175 дивізій, проте, збільшилася їх мобільність і поліпшилась оснащеність; відбулось посилення потенціалу військово-повітряних військ і підводного флоту, у зв'язку з оновленням технічної бази [7]. Це слугувало доказом необхідності технічного переоснащення збройних сил НАТО.

Дійсно, план розвитку народного господарства СРСР на 1951–1955 рр. щодо військових і спеціальних галузей промисловості, який був проаналізований у монографії відомої російської дослідниці ВПК СРСР І. Бистрової [8], передбачав значне зростання обсягу постачань усіх видів військової техніки. Причому особлива увага приділялася підготовці потужностей для виробництва нового виду військової техніки і стратегічної сировини. І. Бистрова зазначає, що на початку 1950-х років цей план неодноразово піддавався коригуванню в бік підвищення. Так, у березні 1952 р. були помітно збільшені розміри капітальних вкладень у військову та оборонно-промислову галузь; а з початку 1950-х років збільшилися плани виробництва різних видів модернізованих танків і літаків та почалося форсоване переозброєння армії [8].

Опубліковані на сторінках «The Daily Telegraph» та «The Times» матеріали НАТО дають змогу констатувати значне коливання військових витрат СРСР: протягом 1954–1958 рр. мало місце їх зниження, а починаючи з 1959 р. невпинне зростання. Згідно з оцінкам західних експертів, протягом перших трьох років керівництва М. Хрушова частка військових витрат у валовому національному продукті СРСР зменшилася з 12 до 9 % , а до середини 1957 р. чисельність армії і флоту зменшилася на 1,2 млн. осіб і становила приблизно 3 млн. осіб [9].

За даними НАТО, починаючи з 1965 р. військові сили Альянсу скоротилися в 5 разів, тоді як радянські збільшились на 12 дивізій, включаючи 6, розташованих у Чехословаччині, та відбулося збільшення переваги СРСР над силами Альянсу в загальній кількості літаків та танків [10].

Матеріали газет свідчать, що наприкінці 1960 – початку 1970-х рр. значне занепокоєння США викликала також інформація щодо: 1) диспропорції між силами ОВД та НАТО (3:1) в танкових силах у центральноевропейському регіоні [11]; 2) розширення радянської військової присутності в районі Середземного моря [12]; 3) можливості розміщення у 1970 р. на Кубі військової бази для радянських підводних човнів [13]; 4) посилення військової присутності СРСР у районі Індійського океану [14].

Значна публікація на сторінках «The Daily Telegraph» та «The Times» матеріалів міжнародних дослідних інститутів дала змогу проаналізувати баланс військових потенціалів США та СРСР на основі поглядів незалежних експертів. Відповідно до інформації Інституту стратегічних досліджень у 1967 р. СРСР мав 1000 МБР (нб) – США мали 1054 ракет цього класу; звичайні засоби оборони та регулярна потужність військових сил США становили 3 млн. 500 тис. одиниць, СРСР – 3 млн. 220 тис.; СРСР мав перевагу в кількості бомбардувальників середньої дальності та підводних човнах; кількість танків ОВД була вдвічі більша, ніж у НАТО, проте країни Альянсу мали перевагу в засобах протитанкового захисту [15].

Аналіз матеріалів Інституту стратегічних досліджень та Стокгольмського міжнародного науково-дослідного інституту за 1970 р. [16] засвідчив продовження, незважаючи на процес розрядки, гонки ракетно-ядерних озброєнь СРСР та США. Згідно з наведеними даними:

1) провідну позицію в гонці ядерного озброєння займали США, проте СРСР перевищував їх у кількості МБР(нб). СРСР мав 1 300 одиниць зброї цього класу, включаючи 420 ракет СС-9 та 800 СС-11, у той час як США – 1 074 одиниць, з них 240 Мінетмен I та 500 Мінетмен II. Склалася суттєва перевага США в розробці системи ракет з РГЧ і підводних човнів з балістичними ракетами;

2) між січнем 1969 р. та червнем 1970 р. було проведено 73 підземні ядерні випробування, з них у США – 51, СРСР – 22;

3) спостерігалось відставання НАТО від ОВД у звичайних засобах озброєння в Європі. Перевага ОВД була особливо помітна в Північній Європі, де вона складала 11 тис. танків та 2 тис. літаків;

4) загальна чисельність наземних військ ОВД складала 1 270 000 проти сил НАТО в 1 105 000.

Проведений аналіз даних Міжнародного інституту стратегічних досліджень [17] щодо співвідношення військових сил США та СРСР відповідно до договору ПРО і Тимчасової угоди про деякі заходи в галузі обмеження стратегічних наступальних озброєнь свідчить про перевагу СРСР над США за кількістю МБР(нб) на 15 %, підводних човнів на 70 % , чисельності особового складу військ на 29 %.

Проте, Міжнародний інститут стратегічних досліджень не наводив інформацію стосовно якісної характеристики озброєнь, яка внесла б певні корективи у співвідношення військових потенціалів США та СРСР. Подібні факти були наведені автором статті «Нові російські бомбардувальники перевершують американські», опублікованій 28 вересня 1972 р. на сторінках «The Daily Telegraph». Зокрема, це інформація стосовно домінування США в кількості ракет з РГЧ, бо «хоча СРСР мав 1 618 МБР порівняно з 1 054 у США, у зв'язку з відсутністю обмеження щодо РГЧ Америка мала, принаймні, вдвічі більшу кількість боєголовок порівняно з 2 500 одиницями, якими володів СРСР» [18].

На сторінках «The Daily Telegraph» та «The Times» значного розголосу набула інформація про розміщення на європейській території СРСР ракет СС-20. Проведений аналіз дозволяє стверджувати, що прийняття рішення СРСР про розміщення цих ракет було своєрідним прорахунком середини 1970-х рр., який призвів до загострення протистояння не тільки з США, але й з країнами Західної Європи, а також сприяв відходу від розрядки в кінці 70-х років та став підґрунтям нового витка міжнародної напруги.

Своєрідною відповіддю на розміщення радянських ракет СС-20 було рішення НАТО про можливість встановлення на території Європи американських РСД «Першинг 2» та КРНБ з огляду на необхідність забезпечення безпеки на континенті [19]. Наслідком обговорення питання щодо розміщення МБР стало прийняття 12 грудня 1979 р. на сесії ради НАТО в Брюсселі подвійного рішення (twin-track decision): по-перше, з 1983 р. розпочати розміщення на території європейських країн НАТО

американських РСД «Першинг 2» і КРНБ, і водночас, переговорним шляхом спробувати знайти взаємоприйнятне рішення з СРСР щодо стратегічної ситуації в Європі [20].

Таким чином, дослідження матеріалів «The Daily Telegraph» та «The Times» дозволяє говорити про вагомий обсяг оперативно-інформаційного компоненту газетних матеріалів, що, у свою чергу, дає підстави для висновку про значний інформативний потенціал цих джерел для вивчення військового аспекту холодної війни.

Література

1. **Eisenhower's call** // Daily Telegraph. – 1961. – January 18. – P. 4.
2. **Soviet Power for atomic war ratification** // Times. – 1953. – October 9. – P. 6.
3. **Cost of Defence ratification** // Times. – 1953. – October 12. – P. 4.
4. **Growing Power of Bombs** // Times. – 1955. – March 2. – P. 8.
5. **A guade to the Soviet armed forces** // Times. – 1955. – March 15. – P. 9.
6. **French relief** // Daily Telegraph. – 1958. – February 3. – P. 2.
7. **Big increase in allied constraction** // Times. – 1956. – July 6. – P. 7.
8. **Быстрова И.В.** Военно-промышленный комплекс в экономике СССР в годы холодной войны [Электронный ресурс] / И.В. Быстрова. – Режим доступа: <http://actualhistory.ru/2008070102/>
9. **Russian motives** // Times. – 1957. – October 16. – P. 4.
10. **Wobbling NATO** // Daily Telegraph. – 1971. – June 5. – P. 12.
11. **NATO arms to match E.Europe** // Daily Telegraph. – 1970. – December 4. – P. 4.
12. **New NATO watch on Russian fleet** // Daily Telegraph. – 1968. – October 16. – P. 1.
13. **U.S. warns Russia on naval base in Cuba by Stephen Barber** // Daily Telegraph. – 1970. – September 26. – P. 1.
14. **Soviet sea threat** // Daily Telegraph. – 1972. – February 8. – P. 6.
15. **America begin to lose missile lead over Russia.** // Times. – 1968. – September 13. – P. 6.
16. **Russia leads in missles race with U.S. by Richard Cox** // Times. – 1970. – September 4. – P. 4.
17. **Russian spending more than U.S. on defence by Brig. W.F.K. Thomson** // Daily Telegraph. – 1972. – September 8. – P. 4.
18. **New Russian bomber ahead of U.S.** // Daily Telegraph. – 1972. – September 28. – P. 4.
19. **NATO ministers half agfee on new missile Clare Hollingworth** // Daily Telegraph. – 1979. – April 26. – P. 4.
20. **Twin-track decision** // Daily Telegraph. – 1979. – December 1. – P. 6.

Мирошниченко Руслан Александрович

магистрант Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

«ПРОЛОГ» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Анализируются проблемы российско-американских отношений начала XX века. Обосновывается тезис о том, что начало холодной войны, традиционно связываемое учёными с 1946 г., может быть прослежено в событиях, предшествовавших началу Первой мировой войны.

Ключевые слова: *США, Россия, американские банковские группы, холодная война.*

Большая часть XX века прошла под знаком американо-советского/российского противостояния. Но так было не всегда. Ещё в середине XIX в., во время Гражданской войны в США, Российская империя выступила в роли союзника северян и способствовала победе А. Линкольна в этой войне. Причины такого перелома и ныне продолжают привлекать внимание исследователей. Итак, предметом данного доклада являются российско-американские отношения начала XX в., поскольку конфронтационный характер они обрели именно тогда.

Во время событий Гражданской войны в США Россия создала противовес политике Англии и Франции, которые поддерживали южан. Россия сделала высадку англо-французских сил на побережье США невозможной, поскольку послала туда эскадру военных кораблей. С учётом этого, отношение американской общественности к России было более чем лояльным; был разработан проект создания американо-российского банка, который (в противовес Банку Англии) должен был противостоять британскому влиянию в мире [1, с. 12–16; 2]. Но с конца XIX века в двусторонних отношениях происходит перелом, поскольку интересы сторон пересеклись на мировом геополитическом поле.

Наиболее проблемным регионом оказался тихоокеанский, в борьбу за который оказались включены все тогдашние великие державы: Япония, Россия, Германия и Великобритания. США, как и Великобритания, почти открыто поддержали Японию во время её войны с Россией.

В зарождении российско-американского антагонизма сыграли свою роль американские банкиры, имевшие большое влияние в Конгрессе [3, с. 9]. В частности, значительное влияние на правительство в вопросе выдачи Японии кредита для ведения войны оказал Я. Шифф (подобно другим своим коллегам с Уолл-стрит). За свои заслуги перед Японией он был награждён орденом Восходящего солнца и удостоился аудиенции английского короля Эдуарда VII. Шифф активно использовал свой авторитет и влияние в американском банковско-финансовом сообществе, закрывая для России доступ к получению внешних займов как в европейских, так и американских банках. Российское правительство, осознавая масштаб данной угрозы, попыталось договориться с банковской элитой. Но ответ Шиффа был резко негативным: «...с Романовыми мир заключён не может быть» [4]. Главным требованием, выдвигаемым Шиффом во время тайных переговоров с С. Витте, было смягчение положения еврейской общины в России. Значительную роль в ухудшении российско-американских отношений сыграли и принадлежавшие банкирам СМИ [5].

Кроме дальневосточного очага напряжённости, значительную опасность для России представлял и европейский, в частности, противоречия с Германией. Примечательно, что и в данном случае симпатии американских финансово-промышленных кругов были не на стороне России, в результате чего США разорвали торговый договор 1832 г. [6, с. 39]; в стране разгорелась антирусская агитационная кампания. На многотысячных митингах шёл сбор денег, в ходе которого ораторы призывали: «Давайте собирать деньги, чтобы послать в Россию сотню наёмников-боевиков!» [7, с. 127]. Подобная истерия толкнула Николая II к поиску диалога с американскими банкирами. Взамен прекращения финансирования оппозиции царь разместил 400 млн. долл. в их учреждениях: «Чейз банк» (группа Рокфеллер), «Нейшнл Сити банк» (группа Морган) и 80 млн. долл. в парижском филиале

«Ротшильд банк» [8, с. 157]. Подобные действия были попыткой «купить» политическую поддержку. В итоге, финансирование оппозиции прекратилось, но существовавшие противоречия сняты не были: в 1913 г. главой германской разведслужбы стал М. Варбург (брат директора ФРБ в США П. Варбурга), который продолжил политику «разогрева» революционной ситуации в России. Через учреждённый им в Швеции «Ниа банк» было начато финансирование революционных групп, главной среди которых была РСДРП (б). Примечательно, что Ленина германской разведке рекомендовал связанный с Я. Шиффом И. Парвус [9].

В нач. XX в. происходила дальнейшая транснационализация интересов американских банковских групп (Лейб, Шифф, Гугингейм, Варбург, Морган, Ротшильд, Рокфеллер), элементом реализации которых было создание в 1913 г. Федеральной Резервной Системы. Суть её заключалась в передаче права на выпуск денег частым банкам, которые под проценты передавали их государству. Препятствием к мировому финансовому господству были крепкие валюты европейских стран. В этом ключе, Первая мировая война дала США большие перспективы: заняв нейтралитет и выполняя военные заказы для обеих воюющих сторон, они подпитывали свои силы и выбирали удобный момент для вступления в войну [10, с. 65–67].

Представитель банковских кругов Уолл-стрит при президенте В. Вильсоне, полковник Хауз в январе 1917 г. заявил, что победа Антанты в этой войне означает победу России, которая получит проливы Босфор и Дарданеллы и станет доминирующей силой в мире. Но победа Германии также нежелательна для США, отсюда вывод: должна победить Антанта, но без России. В февральском перевороте 1917 г. участвовали не только британские и германские спецслужбы, но и спецслужбы США. К тому же первым кто поздравил «новую» власть Гучкова-Керенского, был Я. Шифф [11].

Резюмируя, отметим, что начало холодной войны, традиционно связываемое учёными с 1946 г., может быть прослежено в событиях, предшествовавших началу Первой мировой войны.

Литература

- 1. Иванов Р.Ф.** Авраам Линкольн и Гражданская война в США / Р.Ф. Иванов. – М. : Наука, 1964. – 494 с.
- 2. О «царском золоте» России в США** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ya-russ.ru/o-carskom-zolote-rossii-v-ssha>, свободный.
- 3. Носков В.В.** Образ России в идеологии Американской империи / В.В. Носков. – СПб., 1991. – 298 с.
- 4. Григорий Абрамович Вилейкин** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_GVilenkin.htm, свободный.
- 5. Эгерт В.П. фон.** Надо защищаться [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://reosh.ru/v-p-fon-egert-nado-zashhishhatsya-1912.html>, свободный.
- 6. Иванов В.** Император Николай II. Монархическое объединение / В. Иванов. – Харбин, 1939. – 82 с.
- 7. Назаров М.** Вождю Третьего Рима / М. Назаров. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 976 с.
- 8. Эпперсон Р.** Невидимая рука / Р. Эпперсон. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1996. – 294 с.
- 9. Кто заказал революцию 1917 года?** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voprosik.net/kto-zakazal-revolyuciyu-1917-goda>, свободный.
- 10. Шамбаров В.** Нашествие чужих / В. Шамбаров. – М. : РОССПЭН, 2013. – 608 с.
- 11. Военное образование.** Что такое «План Хауса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/4489-chto-takoe-plan-hausa.html>, свободный.

Овдий Валерий Александрович

студент Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

«КОСМИЧЕСКИЙ ЭТАП» ПРОТИВОСТОЯНИЯ СССР И США В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается космическая гонка двух сверхдержав в холодной войне. Автором даётся предыстория, а также характеристика основных этапов противостояния, описываются космические программы двух противоборствующих сторон. Приводятся нормативно-правовые документы, направленные на формирование условий для мирного освоения космоса.

Ключевые слова: *космос, СССР, США, космическая программа, спутник, холодная война, Договор о космосе.*

Космическое пространство является новой, малоизученной средой, привлекательной для осуществления успешной внешнеполитической деятельности, направленной на усиление отдельных государств мира и улучшения качества жизни всего человечества. Космос является зоной столкновения интересов технологически и экономически развитых стран. Это принципиально иная среда деятельности человека, в которой действуют другие объективные законы, и имеющейся нормативно-правовой базы недостаточно для осуществления бесконфликтного взаимодействия множества субъектов международных отношений. Несмотря на многие негативные аспекты, холодная война, гонка вооружений между СССР и США – стали тем «трамплином», который позволил человечеству начать освоение этой новой среды.

Первые наработки, впоследствии нашедшие применение в космической отрасли были сделаны еще в нацистской Германии, это, прежде всего, разработка мощных реактивных двигателей. После поражения нацистского режима, новые немецкие технологии стали применяться в СССР и США. Важную роль сыграли ученые Германии, которые после Второй мировой войны продолжили свою деятельность в двух сверхдержавах, будущих оппонентах по

холодной войне. Так, космическая программа США обязана своим появлением Вернеру фон Брауну, конструктору ракетно-космической техники. В СССР также велись разработки реактивных двигателей, пригодных для вывода аппаратов в космос. Ученые опирались на имеющиеся образцы трофейных BMW – 109 – 003А [1], а также немецких ракет ФАУ-1 и ФАУ-2. Немаловажными были и довоенные теоретические расчеты российских ученых, таких как Константин Циолковский. Весомый вклад в разработку и совершенствование советской космической программы внес ведущий ученый, конструктор С.П. Королев.

Со стремительным развитием военной техники, прежде всего ракет, страны-соперницы в холодной войне стали осознавать важность исследования космического пространства, поскольку оно могло стать идеальной базой для размещения объектов военного и двойного назначения. Советский Союз сделал первый шаг на новой шахматной доске, запустив 4 октября 1957 года в космос первый искусственный спутник Земли. США сделали ответный ход четыре месяца спустя, 1 февраля 1958 года. Следующим, важным этапом космической гонки, должна была быть отправка человека в околоземное пространство, однако уже данные, полученные благодаря искусственным спутникам, показали чрезвычайную опасность нахождения живых объектов в космическом пространстве. Поэтому запуску человека в космос предшествовали запуски животных, наиболее известными из которых являются собаки Белка и Стрелка, а также шимпанзе Хэм.

Запуск в космическое пространство спутников, исследовательских зондов, успешный вывод живых существ давал мощный пропагандистский эффект, то, что было необходимо в идеологическом, технологическом противостоянии двух сверхдержав в холодной войне.

Стоит отметить, что СССР заметно опережал Соединенные Штаты в развитии космической техники, на это указывает неспособность космической программы США осуществлять орбитальные полеты с животными или человеком, долгое время проводились лишь суборбитальные полеты. Первый успешный орбитальный полет совершил именно советский космонавт Юрий Гагарин на корабле Восток-1, 12 апреля 1961 года. Космическая

программа США позволила осуществить подобный полет космонавту Джону Гленну лишь спустя год. В дальнейшем, осуществлялись многочисленные пилотируемые полеты, как аппаратов СССР, так и США. Космическая гонка перешла на качественно иной уровень.

Новый уровень космической гонки – военный. Две сверхдержавы начали совершенствовать спутниковые системы, наращивать потенциал ракетных войск, стратегического назначения. Космос стал зоной опосредованно военного противостояния СССР и США в холодной войне. Разрабатывались программы по размещению различного оружия, в том числе ядерного и даже перспективного лазерного в околоземном пространстве и на Луне. В США эта программа носила название «Звездные войны». СССР занимался разработкой проектов «Буран» и «Спираль», позволявших выводить военные комплексы «СКИФ» и «КАСКАД» в космическое пространство [2].

Человечество стояло на пороге прямого военного противостояния двух сверхдержав, необходимы были меры по предотвращению конфликта, по созданию равноправных условий для осуществления деятельности в космосе. Площадкой для демилитаризации космоса, для превращения его в зону мирного взаимодействия стала ООН. Еще в начале космической гонки были сделаны определенные шаги по обеспечению мирного сотрудничества в сфере космоса. Так, уже Резолюция ООН:1348 (XIII) 13 декабря 1958 указывает на запрет использования космического пространства в военных целях [3]. Были созданы соответствующие комитеты при ООН. Резолюции 1472 (XIV) и 1721 (XVI) Генеральной Ассамблеи ООН, определили структуру и основные направления деятельности Комитета ООН по космосу, который отныне стал вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН [3]. Согласно упомянутым резолюциям, перед Комитетом стояла цель решения как научно-технических, так и правовых проблем изучения и освоения космического пространства. Помимо этого, он должен был играть роль главного координирующего органа по вопросам международного сотрудничества в освоении космоса.

Резолюция ООН: 1962 (XVIII) 13 декабря 1963 существенно дополнила предыдущую, 1348(XIII) в плане регулирования

отношений стран, использующих космическое пространство в своих целях [4].

Однако космос не перестал быть привлекательным для использования его в военных целях и по сей день. Кроме того, превосходство в контроле над космическим пространством стало одной из первоочередных задач на новом витке холодной войны, который мы наблюдаем сегодня, лишь с тем отличием, что количество игроков на мировой «шахматной доске» увеличилось. Чтобы исправить текущее положение, нужно уделять особое внимание мирному сотрудничеству в космической сфере. Активно развивать совместные международные проекты, такие как SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence), всячески углублять сотрудничество на такой площадке как МКС, создавать новые проекты по исследованию и использованию космоса в мирных целях, такие как глубокое изучение планет Солнечной Системы, создание космических поселений.

Литература

1. **Gunston Bill** World Encyclopedia of Aero Engines. – Cambridge, England : Patrick Stephens Limited, 1989. – 1134 p.
2. **Боевые космические комплексы и ракеты:** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscosmos.narod.ru/KA/glavnaia/polus/polus.htm>, свободный.
3. **Вопрос об использовании космического пространства в мирных целях** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/1348\(XIII\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/1348(XIII)), свободный.
4. **Декларация правовых принципов**, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outerspace_principles.shtml, свободный.

Писанный Денис Михайлович

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и международных отношений
Луганского национального университета имени Владимира Даля
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ СУПЕРГЕРОЕВ
ГОЛЛИВУДА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Рассматривается проблема влияние кинематографа на мировоззрение человека и его внутренний мир посредством конструирования образов супергероев Голливуда. Анализируется проблема создания стереотипов восприятия идеологического врага.

Ключевые слова: *холодная война, пропаганда, Голливуд, киноиндустрия.*

О том, насколько сильно кинематографическое искусство влияет на нашу жизнь, разговоры ведутся уже не одно десятилетие. Зная о способности кинематографа прививать зрителям духовные ценности и побуждать их к определенным действиям, политические элиты нередко используют его как средство в борьбе с противниками, внутренними или внешними [1]. Яркой страницей такой борьбы является завершающий этап холодной войны СССР и США (1980-е гг.). В данном докладе мы проанализируем сюжеты ряда известных голливудских кинолент этого периода и покажем, как образы их главных героев служили делу холодной войны.

И «пальма первенства» в этом списке принадлежит картине «Красный рассвет» (1984). По сценарию, в 1989 г. СССР начинает третью мировую войну из-за неурожая и голода на своей территории. Советские войска вторгаются в США совместно с кубинцами и ведут себя не лучше гитлеровцев. А молодые Патрик Суэйзи и Чарли Шин играют отважных школьников – лидеров партизанского отряда, участники которого вносят весомый вклад в дело общей победы, не щадя своей жизни.

Больше остальных «подвизался» на «кинематографическом фронте» холодной войны Сильвестр Сталлоне. В сознании современников этот аспект противостояния сверхдержав ассоциируется с тремя его фильмами: «Рэмбо 2: Первая кровь», «Рокки 4» (1985) и «Рэмбо 3» (1988). В первой картине герой сталкивается во Вьетнаме с советскими военными специалистами. Прослеживается лейтмотив: именно СССР – закулисный «дирижер» этой войны, а вьетнамцы всего лишь покорно исполняют свою.

Знаменитый же боксер Рокки Бальбоа стремится отомстить за друга (Аполло Крида), убитого в «товарищеском» матче советским боксером. Обстоятельства приезда Рокки в СССР, сибирский хутор, где он тренируется, слежка агентов КГБ – все эти детали конструируют образ советской действительности в очень мрачных тонах. Так же неправдоподобно выглядят и советские зрители, скандирующие в конце поединка имя Рокки.

Апофеоз «антисоветского подвижничества» Слая – фильм «Рэмбо – 3», действие которого происходит в Афганистане. В уста местного жителя вложены слова: цель советских войск – «уничтожить будущие поколения афганцев». Поэтому действия моджахедов и американская помощь им преподносятся как очень «благородное» дело. А в конце на титрах появляется надпись, что фильм посвящен «доблестному народу Афганистана».

Годом раньше афганская проблематика поднималась в фильме «Живительный дневной свет» (часть съемок которого происходила в США), где роль Джеймса Бонда впервые сыграл Тимоти Далтон. Однако агент 007, в отличие от Рэмбо, оказывается в Афганистане случайно и помогает моджахедам в силу сложившихся обстоятельств.

Но в американском кино тех лет существовала и другая тенденция, отражавшая «потепление» отношений между сверхдержавами. Классический пример – «Красная жара» (1988). Там советский милиционер (Арнольд Шварценеггер) и чикагский полицейский (Джеймс Белуши) вместе ликвидируют мощный канал наркотрафика и устраняют главаря группировки, гангстера Виктора «Руста».

Стоит упомянуть две киноленты, где советские граждане являются главными героями, причем прослеживается положительное отношение сценаристов к их персонажам. Это фильм «Нет выхода» (1987), где очаровательный Кевин Костнер играет советского шпиона. Он внедрен в США еще в подростковом возрасте и дослужился до важного поста в Министерстве обороны. Выполнив свою миссию, агент «Юрий» не желает возвращаться в СССР.

Вторая картина – «Охота за “Красным Октябрем”» (1990). Шон Коннери играет командира советский подлодки с новейшей системой маскировки. Совершив опасное и трудное плавание, он вместе с большинством офицеров переходит на сторону США и получает там убежище. Голливуд превозносит этот поступок, тогда как с советской точки зрения это обыкновенное предательство.

Подводя итоги, отметим следующее. Кинолент на подобную тематику вышло значительно больше. Мы же проанализировали, пожалуй, самые известные фильмы, хорошо знакомые и нашему зрителю. В первых 5 кинокартинах «русские» изображаются жестокими, грубыми и неотесанными, невежественными и бескультурными агрессорами, остановить которых может лишь сила. Поэтому борьба против них – «справедливая» борьба.

В тех же кинолентах, где прослеживается «дух компромисса и сотрудничества» (или, в крайнем случае, положительный образ советского киногероя), «русские» не лишены серьезных изъянов и недостатков. Они безвкусны, упрямы и бескомпромиссны, пьют, курят и нецензурно выражаются.

Отметим, что практически все названные нами кинокартины окупались, причем с лихвой, что свидетельствует об интересе западных зрителей к вопросам советско-американских отношений. Большинство из этих фильмов – примеры весьма успешной пропаганды и политического мифотворчества.

Литература

1. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны / Френсис Стонор Сондерс; пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2013. – 414 с. – (Реальная политика).

УДК [94(44:73) : 327]: 929 де Голль «1959/19692»

Руснак Ангелина Витальевна

*студентка Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко*

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ФРАНЦУЗСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

Рассматриваются основные проблемы в развитии французско-американских отношений в 1959–1969 гг. Анализируется влияние идей Шарля де Голля на динамику взаимоотношений Парижа и Вашингтона.

***Ключевые слова:** Пятая республика, Шарль де Голль, французско-американские отношения.*

Политика Франции в современной обстановке все чаще идет в противоречие с политикой США. Так, в 2014 году французско-американские отношения обострились в результате санкций против РФ и экономического давления США на Францию. Видные политические деятели нередко высказываются за пересмотр основного вектора отношений Франции с союзниками, пытаясь вернуться к идеям Шарля де Голля о независимой внешней политике государства. Так, 26 июня 2016 года член Национального собрания Франции Николя Дюик заявил, что Еврокомиссию пора распустить и вернуться к идеям Шарля де Голля о независимости Франции от США [1].

Внешнеполитическая доктрина де Голля XX века может служить базой для формирования новых стратегических международных связей уже в XXI веке. Жорж Помпиду, сменивший де Голля на посту президента Франции, так и говорил: «Никакое французское правительство не может вести отличную от де Голля политику. Ее можно по-другому сформулировать. Но она не будет другой» [2, с. 258].

Придя к власти, Шарль де Голль начал бороться за возвращение независимости и авторитета Франции на

международной арене, утраченные во внешнеполитическом курсе Четвертой Республики [3, с.132].

Его резкие заявления, политика «пустого стула», когда он бойкотировал заседания ООН или переговоры о разоружении, вето на вступление Великобритании в Общий рынок вызывали недовольство и возмущение иностранных политических деятелей, но заставляли считаться с французской позицией по этим вопросам. Де Голль называл такую политику «свободные руки» [4, с. 94].

24 сентября 1958 году генерал направил президенту США Эйзенхауэру и британскому премьер-министру Макмиллану меморандум, в котором предлагал реформировать НАТО, предложив «координацию» взамен «субординации», то есть, чтобы в Атлантическом союзе была создана система трехсторонних консультаций Франции, США и Великобритании по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Однако, не получив утвердительный ответ, уже в 1959 году Шарль де Голль вывел из подчинения НАТО французский флот и запретил размещать на территории Франции американские ракеты [3, с. 132].

Во время встречи в Париже президент Франции де Голль согласился с Кеннеди о необходимости «жесткой» позиции Запада в берлинском вопросе. По остальным пунктам повестки переговоров мнения Франции и США разошлись и весьма основательно.

При личной встрече с американским президентом Кеннеди, де Голль резко высказался по вопросу о военном вторжении во Вьетнам. А позже, он публично осудил действия США во Вьетнаме и Доминиканской Республике. Однако, в разгар знаменитого Карибского кризиса, поставившего мир на грань войны, де Голль дал знать Кеннеди, что в этом случае Франция будет на стороне США.

В 1964 году Франция официально признает КНР, тем самым порывая отношения с Тайванем, что вызвало недовольство Вашингтона. Вслед за этим в 1965 году де Голль заявил об отказе участвовать в Совете СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии) в Лондоне [4, с. 148].

В июле 1965 г., на фоне заявления де Голля о ревизии членства Франции в НАТО, отношения Вашингтона и Парижа обострились из-за скандала, получившего название «инцидент над Пьерлатом». В Пьерлате был расположен секретный ядерный завод. 16 июля американский летчик несколько раз облетал завод, фотографируя секретный французский объект. Де Голль дал приказ посадить самолет и изъять все фотографии. После этого инцидента Париж ограничил полеты американских самолетов над французской территорией [2, с. 232].

Несовпадение интересов Вашингтона и Парижа обнаружилось так же и в нежелании де Голля принять Великобританию в Общий рынок, это было своего рода ответом президенту США Кеннеди. Дело в том, что в 1962 году Кеннеди высказал идею о создании на европейском континенте Соединенных Штатов Европы в качестве второго столпа евро-атлантического сообщества. Де Голль усматривал в этой идее вернуть американское ядерное оружие в Европе под контроль США по принципу «двойного ключа», по которому европейцы не могли самостоятельно распоряжаться ядерным оружием, не получив разрешение Вашингтона, но в свою очередь, Вашингтон не мог воспользоваться ракетами без согласия Европы [2, с. 120].

Экономические разногласия проявились в нежелании Франции вводить эмбарго на торговлю с Кубой в то время, когда Вашингтон наложил санкции на Гавану. Подобная политика вызвала возмущение в правительственных кругах Белого дома. Более того, была проведена так называемая «золотая политика» по отношению к Вашингтону. Дело в том, что после войны золотые запасы Вашингтона были колоссальны на столько, что роль всеобщего эквивалента принадлежала доллару. Президент Франции призывал вернуть золотой стандарт в международных расчетах и начал обменивать доллары на золото. После «золотой политики» Генерала с 1949-го по 1970-й золотые запасы США сократились с 21 до 9 тонн – по тем меркам это была колоссальная потеря [5].

Культурный фактор «мягкой силы», как средство повышение привлекательности, имиджа и авторитета государства на международной арене, занимал важную роль во внешнеполитической доктрине Шарля де Голля. Насаждаемая

Вашингтоном глобализация в культурной сфере воспринималась правительством Пятой республики, как негативный фактор и, как следствие, это побуждало развивать национальную культуру и не допускать иностранных «вливаний» в индустрию [6].

Так, Париж не допускал вмешательства иностранных капиталов в культурную среду Франции и всячески поощрял культурные мероприятия. Поэтому финансирование министерства культуры было увеличено в 3 раза, по сравнению с другими министерствами. Была развернута широкая кампания по охране и распространению культурного наследия, началась реставрация исторических памятников [6].

На протяжении всего президентского срока Шарля де Голля отношения с Америкой приходили к диссонансу. Он нередко выступал с жесткой критикой руководства Соединенных Штатов. С одной стороны, генерал пытался освободиться от экономической и политической зависимости от Вашингтона, создав на европейском пространстве содружество независимых стран без вмешательства с Запада, но с другой стороны, де Голль видел необходимость сотрудничества с англо-саксонским миром ввиду экономической слабости Франции.

Литература

- 1. Член Нацсобрания Франции** высказался за новую Европу от Атлантики до Урала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rueconomics.ru/181203-chlen-nacsobraniya-francii-vyskazalsya-za-novuyu-evropu-ot-atlantiki-do-urala>, свободный.
- 2. Обичкина Е.О.** Внешняя политика Франции от де Голля до Саркази (1940–2012) / Е.О. Обичкина. – М.: Издательство «Аспент Пресс», 2012. – 385 с.
- 3. Арзаканян М.Ц.** Де Голль / М.Ц. Арзаканян. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 302 с.
- 4. Молчанов Н.Н.** Генерал де Голль / Н.Н. Молчанов. – М.: Международные отношения, 1973. – 496 с.
- 5. Шарль де Голль** против доллара США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usagen.ucoz.ru/news/sharl_de_goll_protiv_dollara_ssha/2014-04-26-32, свободный.
- 6. Косенко С.И.** «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/1/Kosenko_Soft-Power-Factor-Frances-Cultural-Diplomacy/, свободный.

УДК [94(73) : 327.54] : 316.774

Сбродов Александр Александрович

*магистрант Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова
(г. Архангельск, Российская Федерация)*

ПСИХОИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ПОБЕДЫ США В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается проблема борьбы между СССР и Западом в идеологической плоскости, которая велась с самого начала холодной войны. Автор выделяет основные психоинформационные «удары» по СССР.

***Ключевые слова:** идеосфера, пропганда, информационная война, психоинформационные «удары».*

Холодная война 1946–1991 гг. стала грандиозным глобальным противостоянием социалистической и капиталистической общественных систем, которая велась не только в военно-политической, но и в экономической, социокультурной, идеологической сферах.

К началу 1970-х гг., с момента достижения ядерного паритета между двумя сверхдержавами, стало очевидно, что прямое военное столкновение США и СССР практически невозможно. «Горячее» противостояние носило локальный и эпизодический характер, и, как правило, велось силами третьих сторон.

На определённом этапе обозначился тот факт, что победу в холодной войне нельзя одержать и сугубо экономическими методами. Несмотря на все изъяны советской экономической

модели, она не рухнула «сама по себе» и не надорвалась от груза «гонки вооружений». Современные исследования развития советской экономики показывают, что реальный экономический кризис в СССР начался не ранее 1987 г., а катастрофические масштабы он приобрёл вообще в 1989–1990 гг., то есть был непосредственно спровоцирован горбачёвскими «реформами», а не стал следствием объективного упадка экономической системы. (Что, конечно, не отменяет факта существования серьёзных структурных проблем в советском хозяйстве и необходимости его модернизации) [1]. По большому счёту промышленный потенциал, созданный в 1930–1980-х гг. по сегодняшний день продолжает эксплуатироваться всеми странами бывшего СССР и позволяет им держаться «на плаву» в условиях глобального рынка.

Таким образом, в 1980-х гг. едва ли прямое давление извне могло разрушить советскую систему. Единственной областью, где можно было достигнуть решающего перевеса, обеспечив тем самым победу в глобальном противостоянии, оставалась идеосфера.

Борьба между СССР и Западом в идеологической плоскости велась с самого начала холодной войны (и даже ранее). Приблизительно до середины 1960-х гг. в этой борьбе трудно определить однозначно преуспевающую сторону. Победа в ВОВ, фантастически быстрые темпы послевоенного восстановления, колоссальная военная мощь, успехи в науке, культуре, спорте, технике, постепенный рост благосостояния населения, начало освоения Ближнего Космоса – эти успехи до определённых пор делали советскую модель довольно привлекательной не только для жителей стран «третьего мира», но и для многих обывателей на Западе. Этим успешно пользовалась советская пропаганда.

С 1970-х гг., когда у США, по сути, не оставалось ни военных (ядерный паритет, советский океанический флот), ни экономических (в начале 1970-х гг. на Западе разразился мощнейший экономический кризис) преимуществ, основная ставка в холодной войне была сделана на идеосферу. С этого времени характер американского психоинформационного воздействия меняется качественно. В то же время советская пропаганда и

внутри страны, и на международной арене продолжает действовать шаблонно и негибко.

Основными психоинформационными «ударами» стали:

- переориентация верхушки советской политической элиты на приоритеты личного материального благосостояния (стремление получить возможность конвертировать блага в частную собственность);

- умелая манипуляция «голодом на образы», существовавшим в СССР;

- вброс и раскрутка концептуальных вирусов для научной (преимущественно, гуманитарной) элиты и интеллигенции (различные варианты теории модернизации, концепция «прав человека», «магистральный путь развития», «правовое государство», теория «открытого общества» К.Поппера);

- атака по культурным и историческим символам, развенчание ключевых советских мифов (Октябрьская революция, Гражданская война, коллективизация, раскулачивание, репрессии, антирелигиозная политика, фигура Сталина, ВОВ, трудовые подвиги 1930-х гг., образ советского человека) [2];

- создание псевдонаучных теорий о несостоятельности командно-административной экономической системы, невозможности её реформирования и модернизации;

- внедрение представлений о рыночной экономической системе, как самой передовой;

- создание мощного пропагандистского мифа о Западе, как о «царстве свободы» и «обществе всеобщего благоденствия» (рассчитан на обывателей);

- дискредитация образа СССР («империя зла», «тюрьма народов», «тоталитарный режим», «красная угроза»);

- тиражирование социокультурных мифов (о русском пьянстве, лени, отсталости и т.д.);

- поддержка любых антисоветских элементов (диссидентство, религиозные и сектантские организации);

- разжигание национальных противоречий;

- экологический миф и т.д. [3].

Некоторые из этих мифов (концептов) активно и с успехом применялись и в самих западных странах (напр., знаменитая американская «развесистая клюква»).

Важнейшие условия эффективности действия таких технологий: 1) многочисленные реальные проблемы, существовавшие в СССР; 2) комплексный и долгосрочный характер психоинформационных воздействий; 3) закрытый характер советской системы; 3) использование американской стороной новейших разработок в сфере социального инжиниринга и манипуляций массовым сознанием; 4) агентами продвижения с началом «перестройки» стала влиятельная часть государственно-партийной верхушки и её научно-интеллектуальная обслуга.

Конкретные инструменты и методики ведения психоинформационной войны, а также способы противодействия им, бесспорно, требуют отдельного комплексного изучения. Исследования особенностей противостояния в идеосфере в годы холодной войны в перспективе позволят понять многие социополитические процессы, существующие в современном мире.

Литература

1. Леонтьев В.В. Избранные статьи / В.В. Леонтьев. – СПб. : Издательство газеты «Невское время», 1994. **2. Фурсов А.И.** Психоисторическая война. Скрытые субъекты глобального управления и фальсификация истории [Электронный ресурс] / А.И. Фурсов // Сайт Изборского клуба. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2439/>, свободный. **3. Кара-Мурза С.Г.** Советская цивилизация: от Великой Победы до наших дней (книга вторая) / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2001.

РАЗДЕЛ III

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА XXI ВЕКА?

УДК 327.54[73(470+571)]

Кабрилёва Юлия Юрьевна

*магистрант Донецкого национального университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)*

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВЕДЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Анализируется основная стратегия США в условиях ведения военных действий по «новой» схеме гибридной войны. Указывается, что события в Киеве на Майдане Независимости и вооруженный конфликт на Донбассе и «антироссийская» реакция на это США, ЕС и «мировой демократии» – это симбиоз применения «твердой» и «мягкой» силы, военного и невоенного противостояния между враждующими сторонами.

Ключевые слова: стратегия войны, гибридная война, украинский кризис.

Традиционно хронологические рамки холодной войны определяют периодом 1946–1991 гг., но, как показывает время и сложившаяся геополитическая обстановка на постсоветском пространстве и на всей планете, глобальное противостояние между Трансатлантическим сообществом (США, ЕС и их союзники) и Россией с ее немногочисленными «зарубежными партнерами» не прекратилось с развалом Советского Союза и не прекращается до сегодняшнего момента. В постбиполярном мире «управляемого хаоса» дефиниция «холодная война» практически себя изжила (чаще всего используется в СМИ и в высказываниях политиков как историческая аллюзия и реминисценция или в качестве

«страшилки»), справедливо уступая дорогу новому и более соответствующему ситуации термину «гибридная война».

Как полагают В. Акулинин и Н. Епифанова, и с чем нельзя не согласиться, «в настоящее время концепция «гибридной войны» – одна из основополагающих в стратегии национальной армии США, которая пришла на смену концепции холодной войны [1]. Холодная война представляла собой военно-политическое противостояние, одной из базовых составляющих которого была идеологическая борьба. Основными признаками холодной войны являлись открытый характер конфронтации, нацеленность на доминирование в геополитической сфере, гонка обычных и ядерных вооружений.

В отличие от холодной войны, гибридная чаще всего носит скрытый характер, а ее первоочередная цель – передел политико-экономических сфер влияния, геополитическое доминирование в стратегических регионах, «виртуальная интервенция» на территорию предполагаемого или явного противника, свержение законных правительств невоенным путем, если они проводят неуютную политику по отношению к сверхдержавам или региональным странам-лидерам.

Под «гибридной войной» В. Романова понимает «современный способ ведения военных действий, представляющий собой сочетание классических методов военных операций с партизанской войной, терроризмом, информационной войной (кибервойной), биологической и т.д.» [2].

Данное понятие, по мнению К. Гаджиева, включает в себя «весь спектр доступных военных и невоенных форм, средств, методов и технологий идеологического, информационного, культурного, экономического, геоэкономического, политического, геополитического и иных проявлений противоборства» [3].

В «гибридной войне» нет очевидных фронтов и строго очерченного круга участников, нет линии фронта, поскольку таковая пролегает повсеместно, в результате чего оказывается призрачной. Гибридизация размывает черту разграничения между войной и миром, между внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, между государственным переворотом и революцией, между дозволенными и недозволенными формами

борьбы, между защитниками и нарушителями международного права. Становится неясно, кто агрессор и против кого нужно бороться. Незнание и неспособность распознать гибридный конфликт – это один из основных принципов его успешной реализации.

Гибридная война может проводиться как непосредственно между враждующими державами или военно-политическими блоками, так и с использованием ими третьих стран, стран-марионеток, которые, чаще всего, в силу географической близости к противнику, могут нанести ему существенный урон.

Именно так действовали власти США во время событий в Украине в 2013–2014 гг., поддерживая государственный переворот и распространяя свое влияние на территорию этого государства. Последовавшие за этим события на юго-востоке страны носили уже вооруженный характер. Важно уточнить, что регион Донбасса, где развернулась гражданская война, находится у самых границ России. Таким образом, Вашингтон использовал украинские земли как транзитную зону или плацдарм для реализации одной из стратегий гибридной войны против РФ.

События в Киеве на Майдане Независимости и вооруженный конфликт на Донбассе и «антироссийская» реакция на это США, ЕС и «мировой демократии» – это симбиоз применения «твердой» и «мягкой» силы, военного и невоенного противостояния между враждующими сторонами. Так называемая «мягкая сила» проявилась в виде «экономических, санкционных, имиджевых, электронных, пропагандистских и иных средств и методов идеолого-информационно-культурного доминирования» стран Запада[3].

Введение санкций после событий «Крымской весны» со стороны США и ЕС против России является примером все-таки эффективного (это наше субъективное мнение) использования экономических и санкционных методов.

Важной составляющей гибридной войны следует считать и применение «умной» силы, то есть усовершенствование инструментов информационных войн и осуществление психологических операций. Например, получившие скандальную известность карикатурные провокации, которые следует

рассматривать не как продукты свободы слова, а как проявление пропаганды расизма, ксенофобии и других форм политического и идеологического фундаментализма, мало чем отличающегося от радикального ислама. В связи с этим стоит вспомнить и публикации французского журнала «Шарли Эбдо» относительно крушения российского самолета в Египте в 2015 году. Карикатуры якобы выражали «авторскую позицию», но на самом деле цинично глумились над смертями российских граждан. Пресс-секретарь Президента России Д. Песков справедливо назвал это настоящим «кощунством».

В рамках использования «умной силы» также были предприняты попытки дискредитации и отмены Олимпийских игр в Сочи в 2014 году, «антидопинговая кампания» против российских спортсменов, инициирование отмены проведения чемпионата мира по футболу в России в 2018 г., обвинения в адрес Кремля в хакерских атаках в США, влияние на исход американской президентской кампании.

Таким образом, логическим и закономерным, учитывая исторически сложившиеся отношения между Россией и Западными странами в контексте многовекового геополитического противоборства, продолжением холодной войны, формальным окончанием которой считается 1991 г., можно считать гибридную войну. Ее проявления в форме противостояния в информационной сфере, с использованием «мягкой», «твердой» и «умной» силы прослеживаются во внешнеполитических шагах США по отношению к России. В том числе Вашингтон использует третьи страны, например, Украину, для получения геополитического превосходства, даже путем развязывания гражданкой войны в стране.

Литература

1. Акулинин В., Епифанова Н. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния [Текст] / В. Акулинин, Н. Епифанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – №36 – С. 53–60. **2. Романова В.** Информационная составляющая гибридных войн современности [Текст] / В. Романова // Государственное и муниципальное

управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 2. – С. 293–299.
З. Гаджиев К. «Гибридные войны» в современном мире [Текст] /
К. Гаджиев // Власть. – 2016. – № 10. – С. 218–223.

УДК (327.8 [9470+571) : (410)] : 341.655

Карнаухий Павел Васильевич

*студент Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ И РОССИЙСКО- БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Анализируется влияние антироссийских санкций на развитие российско-британских экономических отношений. Автор делает вывод, что между Российской Федерацией и Соединенным Королевством накоплено слишком много противоречий, которые замедляют, а в некоторых случаях и вовсе приостанавливают двусторонние договоренности.

Ключевые слова: санкции, экономика, Российская Федерация, Великобритания.

В условиях трансформации системы международных отношений, перехода от однополярного к многополярному миру актуальность темы исследования российско-британских отношений определяется теми ролями, которые играют два государства в мировой политике, обеспечивая стабильность на европейском континенте в условиях процесса глобализации, а также значимостью для них двусторонних отношений, имеющих долгую историю своего развития.

Историография изучения данной проблематики очень обширна и разнообразна, но она характеризуется значительным вниманием к проблемам истории взаимодействия Великобритании и России, в то время как исследования, анализирующие

современные российско-британские отношения, только начинают появляться в российской исторической науке.

Целью исследования является анализ влияния антироссийских санкций на развитие российско-британских экономических отношений.

Заметим, что в период 1991–2014 года двусторонние связи между Россией и Великобританией стабильно развивались по восходящей [1]. Изменением отношений между двумя странами стали события в Украине. Обвинив Россию в том, что она аннексировала Крым и поддержала Юго-Восточные области в их стремлении к автономии, Британия ввела санкции по отношению к России и приостановила почти все официальные связи. Было заморожено двустороннее сотрудничество в военной сфере, экспорт вооружения, были отменены совместные учения на море восходящей.

Летом 2014 года с помощью агентства YouGov был проведен опрос, в котором около 70% англичан считали, что Россия поддерживает «сепаратистов» на востоке Украины, около 65% респондентов заявили о том, что нужно разорвать торгово-экономические связи с Россией, и около 20% респондентов выступили за разрыв дипломатических отношений. В тоже время Британский министр иностранных дел Хэммонд и Министр обороны Фаллон заявили о том, что «угрозой номер № 1 в мире является Российская Федерация, ИГИЛ же по уровню угрозы для мирового общества идет на втором месте» [2].

Начиная с 2014 года, Британия сократила свои инвестиции в Российскую Федерацию примерно в 30 раз, примерно с 20 миллиардов долларов до 600–700 миллионов [3]. В 2015 году экспорт Российской Федерации в Британию снизился на 31% по сравнению с 2014 годом. Доля поставок сократилась на 27% если сравнивать с 2014 годом, Совокупный товарооборот России и Великобритании в 2015 году уменьшился на 46 % по сравнению с показателем 2014 года.

Падение товарооборота Российской Федерации и Великобритании в 2015 году обусловлено падением как российского экспорта в Великобританию –40% (имеется в виду на

40%?) так и уменьшением российского импорта из Великобритании 52% [3].

Совместный товарооборот России с Соединенного королевства в первые 5 месяцев 2016 года уменьшился на 16%. По сравнению с аналогичным периодом 2015 года Российский экспорт в Великобританию уменьшился на 17 % импорт на 15% [4]. Основные товары, продаваемые Россией в Великобританию в 2015 году, в которых произошел спад по сравнению с 2014 годом: нефть и нефтепродукты – 36%, каменный уголь – 43%, необработанное золото – 91%. Основные британские товары, по которым произошел спад объемов ввоза в 2015 году, по сравнению с 2014: легковые автомобили – 66%, приборы и устройства используемые в медицине – 37%, механические устройства – 48%. Однако, необходимо заметить, что в поставках некоторых товаров произошел небольшой рост. Основные товары, которые везут из России в Великобританию, в поставках которых произошел наибольший рост в 2015 году по сравнению с 2014 годом, это необработанный цинк (увеличение в 7 раз), драгоценные металлы (увеличение в 2 раза), необработанная платина (увеличение в 2 раза) [4].

Таким образом, исходя из проведенной статистики, можно сделать вывод, что потенциал для сотрудничества у России и Британии в сфере экономики все еще имеется. Товарооборот между двумя странами заметно сократился, однако не исчез полностью. Великобритания официально не поддержала «Перекрестный Год», но в 2014 г. состоялось более 200 совместных мероприятий в области культуры, науки, образования, спорта. Между Российской Федерацией и Соединенным Королевствам накоплено слишком много противоречий, которые замедляют, а в некоторых случаях и вовсе приостанавливают двусторонние договоренности. Кремль в большей степени готов идти на компромиссы в отношении с Лондоном, но Великобритания – сложный партнер, который связан с Вашингтоном, и до не давнего времени был тесно связан с ЕС.

Литература

1. Caroline Bayley How sanctions against Russia are hitting UK businesses [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.bbc.com/news/business-30209319>, свободный. **2. Сайт Правительства Великобритании** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/doing-business-in-russia-and-ukraine-sanctions-latest.html>, свободный. **3. Статистика взята со слов торгового** представителя России в Великобритании Бориса Абрамова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20141229/1040646406.html>, свободный. **4. Сайт Посольства РФ в Великобритании** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusemb.org.uk/economy>, свободный.

УДК [316.423.3:327](477.6)

Кусургашев Василий Николаевич

ассистент кафедры философии и социологии

Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ДОНБАСС: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Поднимается вопрос цивилизационного противоречия Востока и Запада Украины. Автор утверждает, что именно культурные, языковые и ценностные разногласия в первую очередь обуславливают военно-политические конфликты общества второго модерна. Рассматривается роль элитных групп в разжигании вооружённого противостояния на Донбассе.

Ключевые слова: *цивилизация, культурный антагонизм, революция, элита.*

Крах коммунистической системы, последовавший одновременно с ним развал социалистического лагеря, окончание холодной войны и «парад суверенитетов» бывших союзных республик плавно перешли в вереницу социально-политических противостояний, нередко перераставших в серьёзные военные конфликты, унёсшие сотни тысяч жизней. Югославия, Ирак, Ливия, Сирия – вот далеко не полный перечень стран, ставших

невольными жертвами геополитических амбиций крупных игроков и транснациональных корпораций. Однако с возвращением на мировую арену и укреплением субъектности некоторых стран, например, России, Ирана, Китая, Индии, обозначились трещины в структуре однополярного мира, царившего последнюю четверть века.

Американский социолог и футуролог С. Хантингтон, ещё в начале девяностых годов, выдвинул концепцию потенциального «столкновения цивилизаций», в которой обозначал основные вехи новой парадигмы, модели цивилизационного развития и будущего мироустройства. Цивилизация, исходя из слов Хантингтона, – это в первую очередь культурная общность, и все конфликты и трансформации происходят или произойдут в ближайшее время именно в силу культурных различий. Мыслитель предрекал и грядущее гражданское противостояние на востоке Украины: «В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает ее до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины. Учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии» [1, с. 41].

Отметим, что именно цивилизационные противоречия, по мнению Хантингтона, были фундаментальными и сыграли решающую роль в предстоящем конфликте. Навязывание некоторыми странами Запада собственных моделей развития, попытки оторвать от своих исторических, цивилизационных корней большую часть украинского общества, привела к противостоянию, недовольству, а впоследствии и гражданской войне в Донбассе. Этот конфликт назревал давно, его истоки просматриваются на протяжении всей истории современной Украины, буквально «сшитой» из разнородных частей. «Украина обладает срединным геополитическим положением. Она находится между европейской, православно-славянской и исламской цивилизациями... Украина в современных границах являет собой во многом искусственное образование, состоящее из ряда регионов, впервые объединившихся формально в середине XX века» [2, с. 111].

О культурных антагонизмах и неоднородности украинского общества писали многие исследователи. Одними из главных отличий указывались именно языковые и культурные, которые и привели к окончательному расколу: «Сегодня Украина представляет собой конгломерат разнородных областей со своей спецификой в демографическом и языковом составе, а также с разными экономическими условиями. В ее западных областях сильны позиции украинского национализма. В южных (Одесса, Николаев, Херсон), в Крыму, а также на востоке республики (Донецк, Харьков, Луганск) велика доля русского населения. Здесь крепче связи с Россией, существует явное тяготение к ней» [3, с. 89]. Катализатором для возникшего противостояния послужила т. н. «революция достоинства», которая была вызвана попыткой стран Запада окончательно превратить Украину в плацдарм для рывка на Россию, пробой создания враждебного государства у границ своего геополитического конкурента.

Каковы итоги этой революции? Уже сейчас для многих граждан Украины становится очевидным, что срежиссированный в 2014 году государственный переворот привёл к развалу страны, тотальному обнищанию населения, ослаблению или полному параличу значимых институтов власти и деградации механизмов управления государством. Конфликт на Донбассе был детерминирован недалёковидной политикой мировых и местных элитных групп, которые не учли некоторые цивилизационные особенности образования украинского государства и попытались «прилепить» её к странам Западной цивилизационной модели, не оглядываясь на мнение значительной части жителей страны. Макс Вебер писал: «Государство необязательно является «национальным» государством в том смысле, что оно идентифицирует свои интересы исключительно с интересами отдельной, преобладающей в ней национальности. Напротив государство может и обязано служить культурным запросам многих национальностей» [4, с. 131].

Руководству Украины, так же как и её элитам, лидерам общественного мнения, следовало не безрассудно следовать указаниям своих кураторов, а задуматься о благосостоянии собственных граждан, о том, что объединяет их, сделать акцент не на различиях Востока и Запада, а на том, что у них общего.

Жителей всей страны объединяла приверженность традиционным ценностям, любовь к родителям, уважение к старшим, другими словами – общий цивилизационный фундамент. И именно на этом фундаменте, а не на противопоставлении одних граждан другим, должен был строиться каркас единства Украины. Идея национального единения, воплощённая в делах, а не пустых декларациях, позволила бы создать подвижную, гибкую иерархию ценностей, в которой хватило бы места всем этническим группам, всем гражданам государства, а не только представителям «титულიной» нации.

Литература

- 1. Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с. **2. Вакулова Т.** Цивилизационная идентификация и национальные интересы Украины [Текст] / Т. Вакулова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. – 2007. – Т. 20 (59). – № 1. – С. 109–114. **3. Городяненко В.Г.** Положение русских в Украине и проблемы их идентичности [Текст] / В.Г. Городяненко // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 89–96. **4. Горенкин В.А.** Идеи национализма и регионализма в свете национальных интересов [Текст] / В.А. Горенкини // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. – 2007. – Т. 20 (59). – № 1. – С. 131–136.

Лакушева Юлия Дмитриевна

*магистрант Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко*

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ПРОБЛЕМА НАГОРНОГО КАРАБАХА КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРОЕКТ СОПЕРНИЧЕСТВА США И РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматривается политика Российской Федерации в отношении нагорно-карабахского конфликта в контексте российско-азербайджанских отношений в начале XXI века.

Ключевые слова: *Россия, Азербайджан, Нагорный Карабах, мирное урегулирование.*

Вся предыстория в решении нагорно-карабахского конфликта изобилует количеством подписанных документов. В отношениях России и Азербайджана основополагающим является договор о партнерстве и сотрудничестве 1997 г.

С этого момента российское руководство предпринимало определенные усилия для разрешения конфликта, однако существенных успехов это не принесло. В 2000–2004 гг. обозначились контуры стратегического взаимодействия России с Азербайджаном. Одним из ключевых вопросов этого партнерства был вопрос об урегулировании нагорно-карабахского конфликта.

К 2005 году назрел некий кризис в вопросе участия России в разрешении нагорно-карабахского конфликта. Несмотря на то, что активные боевые действия в регионе удалось погасить, так и не намечился реальный сценарий для разрешения конфликта в ближайшее время. На встрече министров иностранных дел России и Азербайджана в начале февраля 2005 г. от журналистов прозвучал резкий вопрос о том, что России не удастся добиться в этом направлении существенных результатов. С.В. Лавров – министр иностранных дел России – вынужден был парировать вопрос и ответить следующее: «Мы активно поддерживаем

«Пражский процесс». Россия как один из сопредседателей Минской группы ОБСЕ вместе с США и Францией буквально все последние месяцы занимается этим вопросом, помогая азербайджанским и армянским переговорщикам продолжать тот процесс, о котором сейчас было сказано. Знаю, что планируются новые встречи двух министров иностранных дел в рамках «Пражского процесса» при участии сопредседателей Минской группы. Рассчитываем, что он завершится достижением договоренностей» [1].

Подобный ответ с одной стороны действительно подтверждает отсутствие принципиальных сдвигов в разрешении нагорно-карабахского конфликта, с другой стороны демонстрирует готовность участия России в решении этого вопроса. Бесспорно то, что поиск новых площадок для диалога между Арменией и Азербайджаном являлся перспективным направлением во внешней политике России и Азербайджана.

В 2006 году состоялись переговоры между Россией и Азербайджаном. По итогам этой встречи на пресс конференции В.В. Путин вновь был вынужден отвечать на вопрос об участии России в разрешении нагорно-карабахского конфликта. По мнению российского президента, скорейшее разрешение нагорно-карабахского конфликта является стратегически важным для России. Его вялое течение тормозит как политическое, так и экономическое развитие в регионе. По словам В.В. Путина за последние два года товарооборот между Россией и Азербайджаном удвоился и достиг миллиарда долларов. Если бы не противоречия в вопросе Нагорного Карабаха, то он мог бы увеличиться и в пять раз. При этом было сказано, что «мы абсолютно исключаем для себя какое-то ни было давление на одну из договаривающихся сторон – мы можем выполнять только роль посредника и гаранта достигнутых договоренностей... Мы будем всячески содействовать тому, чтобы конфликт был разрешен и остался в прошлом. Вот все, что можно сказать. Потому что вдаваться в детали считаю пока преждевременным» [2].

Таким образом, мы вновь видим, что российское руководство декларирует намерения активно участвовать в

переговорном процессе, однако решение нагорно-карабахского конфликта в ближайшей перспективе не предвидится.

В марте 2008 года произошло обострение ситуации в Нагорном Карабахе. Российский МИД сразу же отреагировал на это выражением озабоченности и призывом к скорейшему прекращению огня. Такая реакция была связана с тем, что на северном участке линии соприкосновения стороны начали применение тяжелых видов вооружения. Российская сторона заявила, что нельзя допустить разрастания вооруженного противостояния. Необходимо соблюдать договоренности о перемирии от 1995 г.

В ноябре 2008 года по инициативе Российской Федерации состоялось заседание совместной группы и встреча президентов России, Азербайджана и Армении по вопросу мирного урегулирования в Нагорном Карабахе. По итогам переговоров была подписана декларация. В ней говорилось: «Президенты Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации... предметно и содержательно обсудив в атмосфере конструктивности состояние и перспективы урегулирования нагорно-карабахского конфликта политическими средствами, путем продолжения прямого диалога между Азербайджаном и Арменией при посредничестве России, США и Франции в качестве Сопредседателей Минской группы ОБСЕ» [3].

Кроме этого в документе содержалось совместное заявление содержащее пять тезисов:

– стороны обязуются прикладывать усилия для создания мирной и безопасной обстановки на Южном Кавказе, причем разрешение любых спорных ситуаций производить исключительно политическими методами на основе принципов международного права;

– участники переговоров согласились с актуальностью продолжения многосторонних переговоров с участием представителей Минской группы ОБСЕ с целью выработки рамочного соглашения по политическому урегулированию нагорно-карабахского конфликта;

– мирное урегулирование возможно только в сопровождении юридически обязывающими договорами и гарантиями каждого шага политических соглашений;

– главы Государств Армении и Азербайджана договорились продолжить диалог на высшем уровне по урегулированию нагорно-карабахского конфликта и дать распоряжения своим министерствам иностранных дел приступить к ускорению переговорного процесса при посредничестве Минской группы;

– Россия выступила с инициативой поощрения любых усилий, прилагаемых государствами для прекращения нагорно-карабахского конфликта [3].

И вновь представленный мировой общественности документ не показывает конкретных шагов или достижений в урегулировании конфликта. Безусловно, само прекращение огня и возобновление переговоров при посредничестве России является положительным моментом: перестали гибнуть люди, разрушаться инфраструктура. Отрицательным же является то, что после очередных переговоров сторонам не удалось, по видимому, достичь договоренностей, которые могли бы обрести письменное выражение взаимных гарантий.

Таким образом, российско-азербайджанские отношения в вопросе урегулирования нагорно-карабахского конфликта в 2005–2008 гг. носили последовательный характер. Они заключались в том, что урегулирование возможно только мирным путем и на основе договоренностей между всеми заинтересованными сторонами. Урегулирование возможно только при условии взаимного уважения мнений всех заинтересованных сторон. Этот вопрос остался открытым и по нынешний день, что не дает возможности говорить о скором решении этого вопроса.

Литература

1. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова по итогам переговоров с министром иностранных дел Азербайджанской республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/az//asset_publisher/OTeVwfjLGJmg/content/id/450042, свободный.

2. Пресс-конференция

Президента России В.В.Путина и Президента Азербайджана И.Алиева по итогам российско-азербайджанских переговоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/az/asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content, свободный. **3. Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации, Московская область, замок Майендорф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/az/asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/318338, свободный.**

УДК 327[(470+570) : (438)] –044.342 «200/206»

Миндюкова Анна Владимировна

магистрант Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ОХЛАЖДЕНИЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2010–2016 ГГ. КАК ВЕРОЯТНЫЙ ВИТОК ПРОДОЛЖЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается проблема двусторонних взаимоотношений России и Польши на протяжении последних 20 лет, ведь именно в это время они развивались довольно противоречиво. В 2010–2016 гг. между Россией и Польшей произошел ряд важных событий, которые внесли свои коррективы в диалог обеих государств, подписан ряд основополагающих документов. Также анализируются события и факторы, благодаря которым и начался новый этап двусторонних отношений. Выделяются и анализируются проблемы и тенденции современных российско-польских отношений.

Ключевые слова: *Россия, Польша, Катынь, Смоленская трагедия, российско-польские отношения.*

Современные российско-польские отношения имеют давнюю общую историю и носят не простой характер. В разных

периодах общей истории обеих держав были и сближения и расхождение интересов, но важной проблемой постсоветских десятилетий была их политическая конкуренция.

После распада СССР отношение между Россией и Польшей значительно охладели. В начале 2000-х, благодаря президенту РФ В.В. Путину, наметился значительный подъем взаимоотношений. И в 2001 г. впервые за восемь лет президент России с официальным визитом посетил Польшу, а вскоре с ответным визитом Россию посетил и польский президент Александр Квасьневский. Владимир Путин в 2002 году оценил уже первые результаты общего сотрудничества: «Сейчас в этой сфере нет никаких раздражающих факторов», а 1990-е годы как: «Период упущенных возможностей» [1].

С начала президентства Леха Качиньского в 2005 году, ситуация значительно изменилась. Период 2005–2007 гг. можно описать никак ни иначе как термином «холодная война». Ведь именно тогда господствовала военная лексика о России в польских официальных кругах. Новая польская власть публично демонстрировала, что не станет продолжать линию своего предшественника, комментируя ее как «боязнь раздражать Россию». Л. Качиньский представлял Россию как государство враждебное «европейским ценностям» следовательно, и главной целью польской внешней политики было исключение РФ из системы общеевропейского порядка. Данные цели прослеживались и ранее, но после того как Польша вступила в НАТО и ЕС, а государством стал управлять Лех Качиньский, они стали более актуальны [2].

Но с приходом в 2007 г. к власти Дональда Туска ситуация взаимоотношения обеих держав заметно стала меняться в лучшую сторону. Еще во время предвыборной кампании Д. Туск показал внешнюю политику Польши как огромный провал прежней власти: «Мы хотим диалога с Россией – с такой, какая она есть. Отсутствие этого диалога не идет на пользу ни России, ни Польше» [3]. Именно таких слов от польского правительства давно никто не слышал. Благодаря успешно налаженным отношениям между Россией и Польшей произошедшая авиакатастрофа 10 апреля 2010 г. под Смоленском не привела к ухудшению отношений, а

наоборот, способствовала активизации двусторонних контактов между странами [2].

С 2008 по 2012 года, во время президентства Д. Медведева, в отношениях России и Польши не наблюдалось каких-либо отрицательных нот, ведь российский президент был настроен на положительную политику и все то, что происходило с осени 2008 года во взаимоотношениях между Москвой и Варшавой не может не поражать. Например, после войны в Грузии оба государства провели дипломатические консультации, в ходе которых Россия дала понять Польше, что они ценят их мнение. В 2009 году Польшу посетил премьер-министр В. Путин для того, чтобы лично поучаствовать в торжественной церемонии в честь 70-й годовщины начала Второй мировой войны. За время своего визита он мужественно выдержал критику советской внешней политики [4].

Все же говорить о значительных изменениях в польской внешней политике не приходится. В 2009 году Д.Туск, именно так высказался о различиях между его политикой и предыдущей власти: «Приоритеты польской внешней политики остаются неизменными с 1989 г. Они не изменились и за последние два года, хотя методы, применявшиеся предыдущим правительством, не всегда были результативными. Поэтому мы имеем дело со сменой методов, но не с изменением целей, и содержания» [5].

За всю новейшую историю российско-польских отношений более значимым рубежом стал 2010 год. Следующим примирительным шагом со стороны России было приглашение В. Путина Д. Туску приехать в Катынь в апреле 2010 года на памятную церемонию, посвященную 70-летию гибели расстрелянных польских офицеров. В ходе церемонии, возлагая венок памятнику, В.В. Путин преклонил колени, хотя его поступок и не стал грандиозным моментом, но по всему весьма неожиданный жест оценили должным образом. Накануне трагической гибели польского президента Л. Качиньского в апреле 2010 г. премьер-министр России В. Путин и премьер-министр Польши Д. Туск подписали долгосрочный контракт на транзит и поставки природного газа. Скорее всего, именно там и тогда между двумя государствами стал таять лёд [6].

Спустя три дня все эти первые веточки взаимоотношения подверглись огромному испытанию, когда возле Смоленска трагически упал лайнер польского президента, на борту которого находилась президентская семья и немалое количество высокопоставленных людей. Авиакатастрофа 10 апреля 2010 г. могла сорвать все построенные ранее планы и подтолкнуть оба государства на грань мира и войны. Но в связи с разумными действиями российской стороны, она привела к иному эффекту, данное событие и стало основой нормализации отношений и примирению двух народов [7].

Именно русские, потрясенный не менее поляков, приложили максимум усилий, оказывая помощь Варшаве. Впервые оба государства объявили общенациональный траур по погибшим. На похоронах польского правительства присутствовал президент РФ Д. Медведев, где четко заявил о том, что это Сталин виноват в зверском злодеянии под Катынью [4].

После состоявшихся польских выборов президента, от результатов которых Москва получила удовлетворение и вовсе не отреагировала на обвинения поляков в том, что она вместе с новым правительством могла быть причастна к авиакатастрофе самолета под Смоленском. Обвинения были абсурдными, скорее всего они являлись отражением особенностей внутренней политики Польши, и поэтому Москва не стала нагнетать антипольские настроения в России. А вместо этого Кремль настоял на том, чтобы Российская Дума выступила с официальным заявлением и признала вину Сталина в гибели людей в 1940 году [9]. На протяжении 2010–2011 гг. польскому правительству были переданы более 140 томов дел, которые касались Катынской трагедии [5].

В декабре 2010 года президент Д. Медведев совершил свой визит в Польшу, в ходе которого было подписано ряд значимых документов: «Декларация об интенсификации сотрудничества и молодежных обменах между РФ и Польшей»; «Протокол о намерениях относительно создания Центра российско-польского диалога и согласия в РФ и Центра польско-российского диалога и согласия в Польше», деятельность которых была направлена на налаживание и расширение двустороннего гуманитарного сотрудничества в сферах образования, науки и культуры [2].

Трагическая смерть президента Польши Л. Качиньского под Смоленском вызвала сочувствие и переживание большинства неравнодушных россиян. Но до сегодняшнего момента в Польше вызывает недоумение то, что Россия до сих пор не вернула обломки президентского лайнера. Во время своего визита в Польшу в 2012 году председатель Совета Федерации В. Матвиенко рассказала о том, что обломки лайнера Россия вернет сразу же, после окончания следственных мероприятий и это произойдет в «ближайшее время». В декабре 2012 года в обращении министра иностранных дел Польши Р. Сикорского к главе европейской дипломатии К. Эштону констатировался тот факт, что двусторонние контакты не работают. Тем не менее, данный вопрос к началу 2013 года не был урегулирован и провоцировал многочисленные спекуляции и негодования [4].

15 апреля 2012 года Европейским судом по правам человека было вынесено решение о том, что Катынский расстрел является преступлением. Суд постановил, что Россия нарушила две статьи Европейской конвенции по правам человека и должна выплатить истцам компенсации 6,5 тыс. евро на судебные расходы [2].

Следующим событием, обострившим отношение обеих государств, было то, что 12 июня 2012 года в ходе Чемпионата Европы по футболу в Варшаве, на подходе к стадиону российские болельщики подверглись многочисленному нападению со стороны поляков [10; 11].

В Варшаве в декабре 2013 года состоялось VIII заседание Комитета по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества [12]. Российскую делегацию представлял С. Лавров, а его коллега Я. Сикорский польскую. Итогом заседания данного комитета стало подписание долгосрочной «Программы 2020 в российско-польских отношениях» и соглашение на проведение Перекрёстного года России и Польши в 2015 году [13; 14]. Обоюдное признание заслуг в сфере укрепления взаимоотношения обеих стран ознаменовалось вручением дипломов «За заслуги в деле укрепления взаимопонимания и сближения российского и польского обществ» известным деятелям культуры России и Польши. Дипломом были награждены польская

актриса Й. Моро, и российский драматург, режиссер и сценарист И.А. Вырыпаев [15].

С 2014 года отношения России и Польши значительно испортились, по факту была отменена вся прежняя политика, касающаяся нормализации отношений, которую активно проводили обе стороны с 2007 по 2008 гг. Некоторые раздражители этих отношений лежат на поверхности. Достаточно будет вспомнить бойкот с участием поляков в праздновании в Москве 70-летия победы над Германией, некую «борьбу» с памятниками советским воинами на территории Польши, бесперывное обращение к катынской трагедии, смоленская авиакатастрофа. Так же растет желание Польши находиться в авангарде военного блока НАТО и продвигать его ближе к востоку, ближе к России.

2015 год для российско-польских отношений это, в первую очередь, год разочарования, ведь планировалось, что это будет замечательный год российской и польской культуры в обеих державах. Но после известных событий украинского Евромайдана и того, что он повлек за собой, Польша решила его отменить, к сожалению, многолетняя подготовка оказалась напрасной [9].

Без всякого сомнения, 2016 года в российско-польских отношениях можно назвать крайне деструктивными. Все это можно было предвидеть уже тогда, когда президентом Польши стал Дуда, а во главе парламента стала партия Качиньского. Одним из ярких деструктивных моментов в 2016 году стала отмена Местного приграничного передвижения (МПП). На самом деле этого и следовало ожидать, ведь само МПП было политическим проектом, который попросту не оправдало надежд Запада. На фоне этих событий интересно выглядит обещание руководства Калининградской области по вводу электронной визы для иностранцев. Но если это существенное упрощение и свершится, в жизни региона это станет революционной мерой по сравнению с отменой МПП [16].

Сегодня понятно, что инициатива по налаживанию взаимоотношений принадлежит Москве. На протяжении последних несколько лет в российско-польских отношениях присутствует положительная динамика, несмотря на то, что существенный

перечень противоречий не исчезает, и последнее время приобретает новые качества.

Литература

- 1. Современные российско-польские противоречия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/34862-sovremennye-rossijsko-polskie-protivorechiiia>.
- 2. Неменский О.Б.** Российско-польские отношения после Смоленской катастрофы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/6/08.pdf>, свободный.
- 3. Заявление Д. Туска** во время встречи с иностранными журналистами, сообщение Deutsche Welle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://for-ua.com/ukraine/2007/11/07/110210.html>, свободный.
- 4. Россия и Польша: дружба, которая не должна потерпеть неудачу** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fairway-info.com/polsha>, свободный.
- 5. Грецкий И.В.** Российско-польские отношения на современном этапе [Текст] / И.В. Грецкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 6. – С. 121–128.
- 6. Волос М.** Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. [Текст] / М. Волос // История и современность. – 2011. – №1(13). – С. 14–22.
- 7. Комментарий** Департамента информации и печати МИД России в связи с катастрофой самолета Президента Польши Л. Качинского (10.04.2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/255638, свободный.
- 8. О российско-польских политических консультациях** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/249242, свободный.
- 9. Комментарий официального представителя** МИД России А.К. Лукашевича в связи с вопросом агентства «Интерфакс» об отмене Варшавой «перекрестных» Годов России и Польши (24.07.14) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/676935.
- 10. Ответ официального представителя** МИД России А.К. Лукашевича на вопрос СМИ о судьбе российских болельщиков в Польше (3.07.2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/pl//>

asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/150474, свободный. **11. Ответ официального представителя** МИД России А.К. Лукашевича на вопрос СМИ о ситуации с пострадавшими в Польше российскими болельщиками (20.06.2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/152166, свободный. **12. Выступление** и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации по итогам заседания Комитета по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl/-/asset_publisherD2CPYayAgyuG/content/id/83146, свободный. **13. Совместное заявление** министров иностранных дел Российской Федерации и Республики Польша «Программа 2020 в российско-польских отношениях» (21.01.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/79898, свободный. **14. О VIII заседании Комитета** по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества под председательством министров иностранных дел России и Польши (19.12.13) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/83154, свободный. **15. Выступление Министра иностранных дел** России С.В.Лаврова на церемонии вручения дипломов за особые заслуги в развитии российско-польских отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/83018, свободный. **16. О порядке получения гражданами** Российской Федерации разрешений на пересечение границы с Республикой Польша в рамках местного приграничного передвижения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl//asset_publisher/D2CPYayAgyuG/61242.

Муза Дмитрий Евгеньевич

*доктор философских наук, профессор, член-корреспондент КАН,
Донецкий педагогический институт
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)*

ОТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ – ЧЕРЕЗ «ТЕПЛУЮ» – К «ГОРЯЧЕЙ» (ОБ ИЗМЕНЕНИИ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО СЦЕНАРИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ)

Анализируется современный мирополитический процесс в аспекте термина «холодная война 2.0». Рассмотрена логика противостояния России и Запада в работах А.А. Зиновьева и А.С. Панарина.

***Ключевые слова:** холодная война, мировая политика, глобальная война.*

Сегодняшний мирополитический процесс все чаще рефлексруется как лоно продолжения или нового развертывания «холодной войны 2.0». Общий контур проблемы осмыслен такими разными авторами как С. Глазьев, В. Катасонов, А. Цыганков, Дж. Къеза, Р. Мюллерсон, Ч. Фримен и др. [1–3]. Правда, нередко акцент в военологии смещен в сторону феномена «информационной» войны [4] или «кибервойны» [5], как принципиально новых форм и методов воздействия на противников. Иные, сугубо венно-стратегические акценты делает Л.Б. Савин [6, с. 12–156], когда акцентирует внимание на новой стратегии НАТО и подготовке к новым конфликтам в мировом пространстве.

Понятно, что эти подходы улавливают тенденцию соскальзыванию мира к глобальной войне, что предполагает поиск новой мироустроительной альтернативы [7], сегодня активно проводимый и осуществляемый Россией.

При этом логика противостояния России и Запада, взятая в створе выявления архитектоники «беловежской геополитической эпохи», следующей за «ялтинско-потсдамской эпохой», её

основных интриг и тенденций, осмыслена двумя крупнейшими российскими мыслителями – А.А. Зиновьевым и А.С. Панариным.

Кратко очерчу их версии, с прицелом на выявление реального «снятия» этого сценария.

Так, Александр Александрович в своем интервью 13–14 ноября 2001 года – по поводу событий 11 сентября – высказался вполне определенно: «Нет, для меня во всем произошедшем в Америке ничего неожиданного не было... Говорят, в мире произошел некий перелом. Верно, перелом произошел, но раньше – в конце прошлого века. И заключается он в том, что Соединенные Штаты, возглавляющие западный мир, оказались фактически единственной силой мирового масштаба, а холодная война, которую они вели против Советского Союза и всего социалистического блока, перешла уже тогда в «теплую», как я говорю. И начался переход в стадию войны «горячей»! То есть уже в конце прошлого века началась третья мировая война – война нового типа» [8, с. 145].

При этом мыслитель уточняет два важных момента: 1) переход к активному фазису «горячей» войны он связал с агрессией США и НАТО против суверенной Югославии; 2) сопротивление иных акторов мировой политики – мусульманских обществ, Китая и России в конце концов можно вывести, если использовать язык синергетики, на точку бифуркации. Хотя их совместного сопротивления мыслитель не видел. Как ему казалось, по причине различной социальной организации и эволюционной логики их становления.

Напротив, А.А. Зиновьев как социолог фиксирует успешное завершение глобальным сверхобществом первого этапа, т.е. холодной войны и переход ко второму – «теплой», а за ним и к третьему – «горячей». Собственно в ходе «теплого» фазиса будет торпедирована исламская цивилизация, а в рамках последней будет дан урок «азиатскому коммунизму».

Таков сценарий развития событий у А.А. Зиновьева. Конечно, для осуществления этих шагов по исполнению приговора были нужны соответствующие исполнители. Равно как и средства. Среди них А.А. Зиновьев называет: а) людей, учреждения и организации Запада, вовлеченных в холодную войну; б) «пятую колонну» Запада внутри СССР; в) предателей из высшего

партийного и государственного аппарата; г) фрондирующую интеллигенцию; д) криминальную часть населения страны, за эти годы стремительно разросшуюся и сплотившуюся с властью; е) массы советских людей, оболваненных западной антисоветской (антикоммунистической) и антирусской пропагандой [9, с. 295].

Естественно, для других обществ вполне уместна такая же структурная аналогия, говорящая об их потенциальной дисфункции.

В свою очередь, в указанном интеллектуальном поле своё заметное место занимает последняя прижизненная работа А.С. Панарина – «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Причем подготовленную в виде фундаментального текста-альтернативы валу деклараций и нормотворческих инициатив, идущих из Рио-92 и известных под названием *sustainable development*. Иначе говоря, эта работа не просто идет в разрез принятым в научном и политическом сообществе клише, но дает новую перспективу в истолковании глобальных реалий.

Между тем, касаясь генезиса глобальной войны как мегатренда из «точки бифуркации» – 11 сентября 2011 года, хотелось бы обратить внимание на ряд методологических тонкостей. Сам А.С. Панарин, рассматривая перспективу начавшейся войны, полагал, что она может быть интерпретирована в терминах кондратьевских циклов, а именно: в повышающей фазе (совпадающей с модерном) в развитии человеческого сообщества торжествует миф прогресса; а в понижающей фазе (совпадающей с постмодерном) начинает разворачиваться миф геополитики [10, с. 32]. В качестве же своеобразной разграничительной линии здесь присутствуют две катастрофы западного общества: 1) осознание экологических «пределов роста»; 2) заметное снижение (в его культуре) способности к генерированию больших как научных, так и социальных идей, способных привести к системному обновлению. В т.ч., за счет духовной реформации, или внутреннего самоограничения.

И как следствие этих катастроф – начавшаяся глобальная война за ресурсы и против навсегда «отверженного большинства мира». По мнению философа, начавшаяся война имеет объективную и субъективную стороны. В первом случае нужно говорить о том, что в этой войне решается судьба модерна, в т.ч.,

принципов Просвещения, в которых было провозглашено единство человечества (без всякого деления на богатых и бедных, избранных и отверженных). Во втором случае нужно говорить о столкновении антагонистических интересов «нового богатого меньшинства» и «нового бедного большинства».

При этом господство обеспечивается на трех уровнях: 1) ресурсном (изъятие дефицитных ресурсов «из рук недостойных», поскольку они не желают распоряжаться ими цивилизованно, т.е. «передать в руки достойных»); 2) геостратегическом (закрепление в пространстве Великого шелкового пути, соединяющего Атлантику с Тихим океаном); 3) военно-стратегическом (получение доступа к «ключевой точке евразийского пространства, откуда можно непосредственно угрожать стратегическим противникам – Китаю и Индии...») [10, с. 42].

В конце концов, на макроуровне истории предлагается востребовать идейно-ценностно-мотивационные ресурсы, способные ослабить, а то и снять с повестки дня войну богатых против бедных, «избранных» и «отлученных», «глобального сверхобщества» и недо-обществ.

И никто иной, как А.С. Панарин одним из первых предложил прогностику перехода к реальности «иначе возможного». «Замкнувшийся круг модерна» или переход западных социокультурных ценностей в свою противоположность («анти-модерн»), поставили перед не-западными цивилизациями задачу духовно-нравственного реформирования истории. Иначе: перехода инициативы от Запада – к Востоку. Из Океана – на Континент. При этом понятие «Восток» включало в себя «периодическую систему элементов восточного опыта»: конфуцианского, даосского, иудейско-буддийского и исламского. Главная проблема Востока – породить общий синтетический язык для духовной реформации истории (перевода в неутилитарный, неэмирически-потребительский и неноминалистический фазис).

На этом пути особую роль должна сыграть Россия как евразийская цивилизация, соединяющая в себе структурно-осевые координаты «континента Евразии». Именно она способна инициировать (на основе культурного наследия Византии, как евразийской империи и цивилизации) создание полноценного

«евразийского союза». Но прежде должны оформиться частные «союзы» России и Китая, России и Индии, России и стран, входящих в мусульманскую цивилизацию [11].

Само конституирование союзных отношений предопределено этикоцентризмом культурных традиций этих цивилизаций. Они принципиально отличны от главных стимулов цивилизации модерна (постмодерна) – наживы и страха. Их информационные коды содержат т.н. моралистический монизм, или систему космо-, эко-, и культуроцентричных координат. Для них инвариант – подчинение экономической и технической деятельности такой гармоничной модели бытия, где совесть и ответственность, прилежание и солидарность – суть инварианты.

Именно они, в виде «вызовов» со стороны западной постхристианско-постпросвещенческой технологически-рыночно-урбанистской цивилизации, обращены к мусульманской, индубуддийской, конфуцианско-даосской и русской цивилизациям. В потенциале – латиноамериканской и африканской. Нужно подчеркнуть, что этот сценарий А.С. Панарина предвосхитил появление БРИК, а затем и БРИКС (!).

Сам же «ответ» этих цивилизаций ожидает быть в зависимости от сохранности базисного суперэтнического текста и комплементарной идейно-ценностной мотивации. Проще: способности цивилизаций и их лидеров найти такое духовно-нравственное целеполагание, которое сделает мир более справедливым и предсказуемым.

Литература

1. Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / под ред. Ф. Лукьянова. М. : Эксмо, 2015. – 384 с.
2. Катасонов В.Ю. Америка против России. Холодная война 2.0 / В.Ю. Катасонов. – М. : Книжный мир, 2015. – 448 с.
3. Къеза Дж. Мир на пороге войны. Размышления Европейца / Дж. Къеза. – М. : Книжный мир, 2015. – 288 с.
4. Майтвейчев О.А. Информационные войны XXI века / О.А. Матвейчев. – М. : Книжный мир, 2016. – 352 с.
5. Харрис Ш. Кибервойн: Пятый театр военных действий / Ш. Харрис. – М. : Альпина нон-фикшн, 2016. – 390 с.
6. Савин Л.Б. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю / Л.Б. Савин. – СПб. : Питер, 2016. –

352 с. : ил. **7. Муза Д.Е.** Актуальность глобальной войны и русская цивилизационная альтернатива / Д.Е. Муза; Центр стратегической конъюнктуры. – М. : Издатель Воробьев А.В., 2017. – 240 с. **8. Александр Зиновьев** о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко / А.А. Зиновьев. – М. : Алгоритм; Эксмо, 2009. – 240 с. **9. Зиновьев А.А.** Русская трагедия. Гибель утопии / А.А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, 2002. – 480 с. **10. Панарин А.С.** Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2003. – 580 с. **11. Панарин А.С.** Глобальное политическое прогнозирование / А.С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2000. – 352 с.

УДК 330.341.42

Пожидаев Артур Евгеньевич

*кандидат наук по государственному управлению, доцент,
зав. кафедрой государственного и муниципального управления
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Рассматривается проблема обеспечения продовольственной безопасности в контексте обострения геополитических конфликтов. Автор обосновывает тезис о реформировании агропродовольственного сектора, детального анализа его потенциала как оптимального пути формирования продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова: *продовольственное обеспечение, геополитический конфликт, агропродовольственный сектор.*

У специалистов не вызывает сомнения тот факт, что продовольственная безопасность не может оцениваться в отрыве от экономической безопасности, являющейся фундаментом

национальной безопасности любого государства, особенно в период обострения геополитических конфликтов. По их мнению, расширенное воспроизводство национальной экономики, его устойчивость и эффективность, обеспечение объективно обусловленной формы распределения создают материальную основу благополучия нации и отражают содержание экономической безопасности [1].

Понятие «продовольственная безопасность» стало широко использоваться начиная с 1970-х гг. Наиболее универсальным в международной науке и практике признано определение, разработанное Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (Food and agricultural organization – FAO), согласно которому продовольственная безопасность выступает как состояние, при котором все люди в той или иной стране в любой момент времени имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточной в количественном отношении питательной пище, отвечающей их потребностям и необходимой для ведения активной и здоровой жизни [2].

Поиск оптимальных путей формирования продовольственной безопасности страны невозможно осуществить без реформирования агропродовольственного сектора, детального анализа его потенциала, который определяет, как объем привлеченных внешних ресурсов, так и стратегию развития, адекватную требованиям внешней среды и тенденциям глобальной экономики.

В современной экономической науке, для анализа потенциала отрасли национальной экономики целесообразно использовать две основные концепции: теорию конкурентных преимуществ Майкла Портера и концепцию основных факторов производства.

Потенциал отрасли экономики как системы, по своему составу и характеру его формирования может быть: природным потенциалом системы, данным ей в процессе ее возникновения, сформированным в процессе ее жизнедеятельности, а также привлеченным извне.

Потенциал системы реализуется с помощью соответствующей стратегии, сформулированной государством как

регулирующей подсистемой, либо реализуемой отдельными хозяйствующими субъектами, представляющими рассматриваемую отрасль. Как правило, в большинстве случаев стратегия является результатом коллективных усилий органов государственного регулирования и институтов рыночного саморегулирования. При одном и том же уровне потенциала, для разных систем могут быть применены различные стратегии его реализации, что неизменно приведет к разнице в уровне развития системы, в характере сформированного ею конкурентного преимущества.

Стратегия реализации потенциала отрасли как системы может быть охарактеризована:

- полнотой использования потенциала, отражающей количественную составляющую использования имеющихся в системе ресурсов и видов потенциала;

- эффективностью использования потенциала, отражающей возможность максимального результата при минимальных затратах имеющихся ресурсов;

- гармоничностью использования потенциала, которая определяет возможность устойчивого развития системы за счет согласованного использования различных функциональных видов потенциала: ресурсного, социального, экономического, экологического;

- эмерджентностью системы при использовании потенциала, характеризующей такой тип формирования и реализации потенциала системы, который позволяет ей сформировать долгосрочное конкурентное преимущество и обеспечить его устойчивость за счет комбинации ресурсов, которую сложно повторить. Иными словами, эмерджентность системы при использовании потенциала проявляется в становлении кластера (согласно теории конкурентоспособности М. Портера).

В контексте понятия эмерджентности системы при использовании потенциала, целесообразно уточнить некоторые положения теории М. Портера.

В статье «Конкурентные преимущества стран» М. Портер выдвинул теорию национальной, государственной и местной конкурентоспособности в контексте мировой экономики. В данной теории ведущая роль отводится кластерам. Кластеры – это

сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу [3, с. 206].

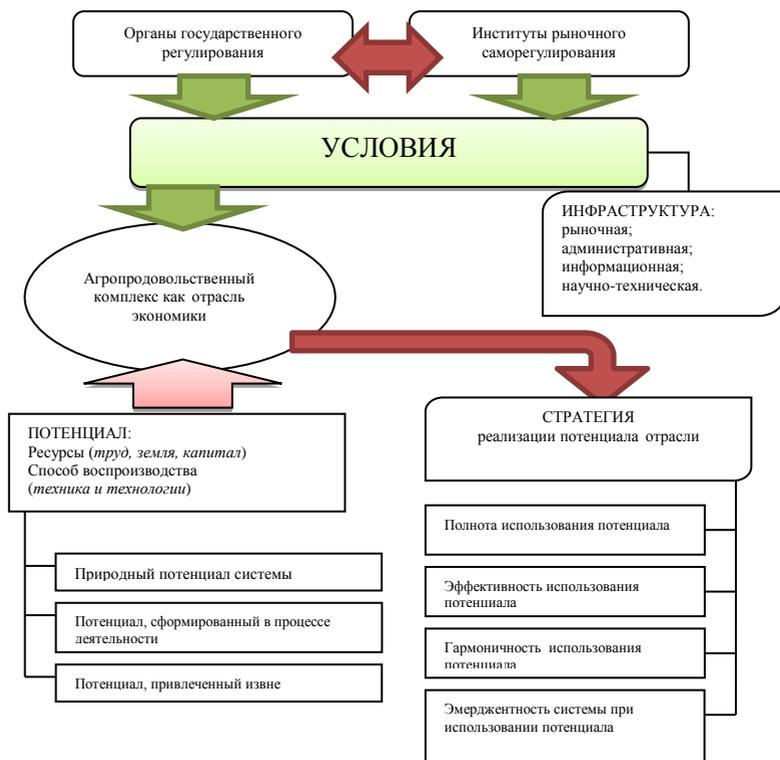

Рисунок 1. Стратегия реализации потенциала отрасли

Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности страны является неотъемлемой задачей любого государства, а поиск оптимальных путей по её формированию основывается на детальном анализе потенциала агропродовольственного сектора. Характеристика стратегии

использования потенциала отрасли как системы в соответствии с вышеприведенными качественными критериями позволит спрогнозировать тенденции жизненного цикла функциональной специализации отрасли. При этом полнота использования природных ресурсов является фактором негативного воздействия на динамику жизненного цикла территории, а эффективность, гармоничность и эмерджентность – факторами позитивного воздействия.

Литература

1. Миронова В.Н. Устойчивое развитие мировой экономики и экономическая безопасность государства: определение взаимосвязи [Текст] / В.Н. Миронов // Материалы VIII Конвента РАМИ. Мировая экономика. – № 6. – 25–26 апреля 2014 г. – М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2015. – С. 104. **2. Food security indicators 2015** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org>, свободный. **3. Портер М.** Конкуренция / Майкл Портер; пер. с англ. – М. : Изд. дом «Вильямс», 2000. – 495 с.

Смирнов Евгений Алексеевич

*магистрант Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко*

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАТО–ЕС И ДОГОВОРЕННОСТИ «БЕРЛИН ПЛЮС»

Рассматривается проблема взаимодействия Организации североатлантического договора и Европейского союза в рамках европейской системы безопасности и влияние на институциональные отношения организаций договоренности «Берлин Плюс».

Ключевые слова: *система европейской безопасности, НАТО, ЕС, «Берлин Плюс».*

Актуальность изучения взаимодействия Организации североатлантического договора и Европейского союза в рамках европейской системы безопасности определяется несколькими факторами. Во-первых, в период трансформации всей европейской системы безопасности, который наблюдается после самороспуска Организации Варшавского договора, одним из ключевых элементов данной системы наряду с НАТО становится ЕС. Это приводит к необходимости как изучения механизма взаимоотношений между двумя определяющими структурами безопасности, так и поиска рациональной модели распределения обязанностей и ролей между Европейским Союзом и Североатлантическим альянсом.

Несмотря на попытки интенсифицировать диалог и продолжавшуюся работу групп НАТО–ЕС–Турция, а затем Греция, попеременно блокировали заключение соглашения между двумя организациями на протяжении более чем двух лет. С точки зрения Афин, сама возможность, предоставить Турции гарантии невмешательства в решение конфликта с Северным Кипром, равно как и обеспечить механизм влияния на проведение операций ЕС, была абсолютно неприемлемой.

Тем самым проявились ограничения, изначально заложенные в механизм взаимодействия НАТО и ЕС: любое государство-член каждой из организаций могло поставить под угрозу межинституциональное сотрудничество и парализовать действия каждого из институтов.

Тем не менее, активные переговоры и уступки, на которые в итоге пошел Евросоюз, чтобы разрешить кризис с Турцией, с одной стороны, и подготовка первой военной операции кризисного реагирования ЕС в Македонии, с другой, привели к новому компромиссу между двумя организациями.

Что касается уступок, страны Евросоюза взяли на себя обязательство, – хотя и без прямого указания на Турцию, – что силы ЕС в случае кризиса не будут использованы против союзника по НАТО. Кроме того, те члены Альянса, которые не входят в ЕС, смогут присылать представителей для участия в заседаниях Комитета по Политике и Безопасности ЕС и военных представителей в Европейский военный штаб. Во время проведения операции будет создан специальный Комитет стран-участниц, который будет следить за ходом операции. Предполагалось, что Турция станет членом такого Комитета, если миссия ЕС будет проходить в регионе, представляющим для нее стратегическую важность [1, с. 27]. Тем самым косвенно признавалось, что Евросоюз отстраняется от возможного проведения операции кризисного реагирования на Кипре.

Особую роль в мотивации европейских стран к поиску компромисса сыграла планировавшаяся с 2002 г. миссия кризисного реагирования ЕС в Македонии, позже получившая название «Конкордия». Речь шла об операции с использованием потенциала Альянса, и подписание в той или иной форме соглашения между НАТО и ЕС становилось просто необходимым. Без такого документа страны Евросоюза не могли получить доступ к системе планирования, ни к системе командования, ни к протоколам коммуникаций НАТО.

Подписание первого соглашения между НАТО и ЕС состоялось 16 декабря 2002 г. Из-за продолжавшихся проблем в отношении Турции, организации смогли подписать лишь политическую декларацию, а не формальный договор. В документе

они подтверждали «стратегическое партнерство», основанное на общих «ценностях, единстве нашей безопасности и решимости противостоять вызовам XXI века» [2]. И хотя декларация не носила обязательного характера и являлась, скорее, демонстрацией политической воли и стремления найти выход из затянувшегося кризиса, ее подписание стало шагом вперед в развитии отношений НАТО и ЕС.

В официальном заявлении по этому поводу Генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон утверждал, что союзникам удалось совершить «огромный шаг вперед» в отношениях НАТО и ЕС и «заложить основы» для практического воплощения стратегического партнерства между ними [3, р. 13]. Столь высокая оценка объяснялась не столько желанием продемонстрировать эффективность переговоров, сколько проделанной к тому моменту подготовительной работой над текстом будущего соглашения между Альянсом и Евросоюзом. Его основные параметры были согласованы на сессии Североатлантического совета НАТО 13 декабря 2002 г. Работу над документом планировалось закончить к 1 марта 2003 г.

Подписание самой декларации НАТО–ЕС не стоит недооценивать. Декларация впервые фиксировала компромисс по поводу решения проблемы с так называемыми «третьими странами». В документе напрямую указывалось, что ЕС берет на себя обязательство обеспечить «как можно более полное участие стран НАТО, не являющимися членами Евросоюза, в ЕПБО». Со своей стороны, Альянс заявлял о «поддержке ЕПБО» и предоставлении ЕС «гарантированного доступа к средствам военного планирования НАТО» [3, р. 17].

Тем не менее, вопросы практического взаимодействия Альянса и Европейского Союза оставались не решены еще несколько месяцев вплоть до марта 2003 г. Тогда в результате обмена письмами между Генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном и Верховным представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности Хавьером Соланой и последующего согласования на заседании Совета НАТО–КПБ ЕС, на уровне послов были подписаны так называемые соглашения «Берлин Плюс».

Фактически речь идет о технических аспектах сотрудничества, которые тем самым в общем виде были урегулированы между организациями. Но в политическом плане, новые соглашения сохраняли большинство ограничений, заложенных в предыдущих договоренностях.

Во-первых, как отмечают некоторые эксперты, они не получили статуса договора, а основаны на политической декларации НАТО и ЕС, то есть с юридической точки зрения, они не обязательны для исполнения. Во-вторых, главным ограничением остается тот факт, что все договоренности в рамках «Берлин Плюс» являются *ad hoc* [4]. Решения о доступе к потенциалу НАТО принимаются на основе каждого конкретного случая, и не становятся прецедентами. То есть «презумпция доступа», к потенциалу НАТО не гарантирована, а зависит от политической воли всех стран членов обеих организаций и их согласия. По-прежнему открыт вопрос о так называемом «праве первого решения». США и Турция продолжают отстаивать принцип натоцентризма. Франция на сегодняшний день заявляет о своем принципиальном несогласии с таким подходом, в то время, как некоторые, из европейских союзников полагают, что вопрос в принципе не уместен.

В целом, подписание соглашений НАТО–ЕС определило основные параметры взаимодействия двух организаций по-прежнему в рамках «натоцентричной модели». Именно поэтому оно стало лишь частичным решением более широкого вопроса определения взаимодействия двух организаций в контексте европейской безопасности. Заложенный натоцентризм подразумевал, что доминирующей из двух организаций является НАТО, однако на официальном уровне подобное признание было невозможно. Именно поэтому соглашения допускали несколько трактовок, и именно, поэтому они автоматически закладывали возможность выбора разных политических линий, причем, впервую очередь, для стран Евросоюза. Необязательная в юридическом плане основа соглашений также усиливала неопределенность.

Более того, в плане практического взаимодействия соглашения «Берлин Плюс» никак не решали проблемы возможного распределения обязанностей между НАТО и ЕС. Само

по себе распределение обязанностей, безусловно, не лишено политического подтекста и подводит к вопросу об иерархии и политическом весе организаций. Однако данный вопрос обходился стороной, поскольку, в таком случае, согласие о разделе полномочий неизбежно стало бы политическим признанием ограниченности своего влияния, возможностей и потенциальных действий, будь то со стороны ЕС, или со стороны НАТО. Причем в более проигрышной ситуации из-за более ограниченных возможностей на тот момент оказывался бы Европейский союз.

Поскольку определить соотношение ролей и распределение обязанностей между организациями на политическом уровне не удалось, потенциально взаимодействие НАТО и ЕС на практике лишь усиливало бы вероятность дублирования функций и средств и, как следствие, конкуренцию между ними. На декларативном уровне обе организации заявляли и продолжают, заявлять о недопустимости подобного развития событий. Однако добиться этого крайне сложно.

Литература

- 1. Федоров Ю.Е.** США и Европа в меняющемся мире: конфликт или взаимодополняемость стратегических культур? [Текст] / Ю.Е. Федоров // Европейская безопасность. – 2002. – №6. – С.25–32.
- 2. EU-NATO Declaration on ESDP.** 16.12.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-142.htm>, свободный.
- 3. Robertson G.** Speech at the NATO Parliamentary Assembly. 14.12.2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02_140e.htm, свободный.
- 4. The EU Operations Centre.** EU Council Secretariat. Fact Sheet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/070228EU_OpsCentre.pdf, свободный

Степанов Евгений Павлович

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры всемирной истории и международных отношений
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)*

ОТ ФУЛТОНА ДО ДОНБАССА

Рассматривается сущность холодной войны как основы политических событий и конфликтов в мире.

Ключевые слова: *холодная война, глобализация, Минск-2.*

Более 70 лет прошло с момента окончания Второй мировой войны, самой кровопролитной и ожесточенной в истории человечества. С позиций сегодняшнего дня особенно четко проявляется, насколько опасным и недальновидным оказался курс, который решили проводить в послевоенный период в отношении СССР.

Реакционные правящие круги США, Англии, Франции и их имперские идеологи, ослепленные ненавистью к миру социализма, к росту международного престижа СССР, отказались от сотрудничества, которое так успешно осуществлялось в годы второй мировой войны, и стали проводить политику, направленную на конфронтацию с СССР, на раскол Европы. Хотя после окончания войны для государств антигитлеровской коалиции имелись самые реальные возможности дальше идти дорогой согласия и мирного сотрудничества. Фундамент для этого был заложен. Об этом свидетельствуют документы Потсдамской конференции 1945 г. «Германский милитаризм и нацизм, – говорилось в них, – будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире» [1].

Однако, не успев промокнуть подписи на текстах декларации о поражении гитлеровской Германии, подписанной в

1945 г. в Берлине представителями СССР, США, Англии и Франции, как правящие круги западных держав развернули деятельность, направленную на срыв Потсдамских соглашений, на возрождение западногерманского милитаризма и реваншизма, взяли линию, враждебную Советского Союза. После смерти президента Франклина Рузвельта, США преднамеренно отказались от проводившейся в военное время политики сотрудничества и под воздействием факта обладания атомной бомбой встали на путь агрессии, рассчитанной на подрыв влияния Советского Союза в Восточной Европе и ограничения путем усиления военного присутствия в Европе. Об этом писал американский историк А. Шлезингер в книге «Кризис доверия»[2].

Уповая на временную атомную монополию, правящие круги США, были намерены диктовать свою волю всему миру. Перспектива развития сотрудничества с Советским Союзом не устраивала Вашингтон. США не хотели мириться с победой народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии. Вот почему в политике США, а затем и других западных государств, стали усиливаться агрессивные глобалистские тенденции. В декабрьском послании Конгрессу 1945 г. американский президент Гарри Трумэн открыто заявил о претензии Вашингтона на мировое господство. В этом послании подчеркивалось, что США берут на себя ответственность «за руководство миром». Речь шла о развертывании холодной войны против Советского Союза и подготовки к «войне горячей».

5 марта 1946 г. в американском городе Фултоне лидер английских консерваторов Уинстон Черчилль в присутствии Г. Трумена и других высокопоставленных американских государственных деятелей в своей речи заявил о начале холодной войны против СССР. Начиная с 1948 г. США и другие страны запада открыто взяли курс на формирование военных блоков. Вооруженные силы блоков, спецслужбы, пропагандистская система западных стран во главе с США взяли курс на подрыв и дискредитацию зарождающегося нового миропорядка.

В течение 45 лет Советский Союз и страны народной демократии в ожесточенной борьбе с США и странами Западной Европы пытались утвердить новый миропорядок. В результате

организованного противостояния случился кризис политической системы СССР. На постсоветском пространстве появились 15 суверенных государств.

За последние 25 лет существования государства Украина, приоритеты национальной безопасности не имели четкой направленности. Вектор приверженности политического курса Украины менялся в зависимости от личных интересов первых руководителей страны, но каждый первый руководитель в той или иной степени зависел от четкого политического курса европейских государств во главе с США. Развалив СССР в начале 90-х, спецслужбы этих государств с еще большим рвением продолжили свою работу по завладению позиций во властных структурах вновь образовавшихся государств бывшего Советского Союза. Немногим (из 15 республик) удалось избежать значительных кровопролитных конфликтов организованных спецслужбами США на основе разжигания политических, межэтнических, межконфессиональных конфликтов. В ряде республик (Беларусь, Казахстан, РФ), где к власти пришли сильные руководители, сохранились и укрепились сильные организованные и сплоченные службы государственной безопасности, благодаря которым были пресечены попытки спецслужб отдельных государств подорвать зарождающиеся основы новых независимых государств на постсоветском пространстве.

Пользуясь личной приверженностью первых руководителей Украины к политике западных государств и США, были попораны национальные интересы украинского народа. При руководителях СБУ, начиная с 2003 г., находились в качестве советников офицеры ЦРУ. В Донбассе была создана разветвленная сеть резидентур спецслужб западных стран – участниц так называемой холодной войны, уже не против СССР, а против Российской Федерации. Под яркими мирными вывесками международных организаций в городах Донбасса работали сотрудники спецслужб США, Великобритании, Германии, Канады и др. Спонсированные ими отдельные партии, общественные организации, движения должны были поддержать переворот в Киеве и завладеть властью в Донецке и Луганске. Сотрудники спецслужб США и западных государств и их агенты смогли проникнуть в круги местной интеллигенции в

ВУЗах, медицинских учреждениях в органах власти и управления, силовых структурах. Для отдельных, более подготовленных и влиятельных руководителей были организованы стажировки в США. Наиболее полезным ученым предлагались оплачиваемые «гранды», многие имущие граждане были втянуты в «пирамиды» организованные зарубежными банками с помощью спецслужб, где были сосредоточены основные средства многих десятков тысяч граждан региона и их персональные данные. Но предварительно оплаченные мероприятия реакционных структур были подавлены вышедшими на улицы жителями Донбасса.

Народным ополчением остановлено уничтожающее продвижение в Донбасс ВСУ. Были подписаны Минские соглашения, создана «дорожная карта» разрешения конфликта на Юго-Востоке Украины. Что дальше? Остановится ли отправленный с Фултона «поезд» в Донбасс или будет следовать до конечной станции в Сталинграде?

Литература

1. **Санакоев Ш.П.** Тегеран.Ялта.Потсдам / Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. – М. : Международные отношения, 1970. – 386 с.
2. **Шлизенгер А.** Кризис доверия / А. Шлизенгер. – Вашингтон, 1971. – 172 с.

Харьковский Руслан Геннадьевич

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры экономика и транспорта
Антрацитовского факультета горного дела и транспорта
Луганский национальный университет имени Владимира Даля
(г. Антрацит, Луганская Народная Республика)*

Савченко Любовь Михайловна

*кафедра инженерии и общеобразовательных дисциплин
Антрацитовского факультета горного дела и транспорта
Луганский национальный университет имени Владимира Даля
(г. Антрацит, Луганская Народная Республика)*

СУДАНСКИЙ ВОПРОС

Рассматривается процесс обострения колониального соперничества за контроль над Суданом между Великобританией и Францией от восстания махдистов до Фашодского конфликта.

***Ключевые слова:** Суданский вопрос, Фашодский конфликт, политика «блестящей изоляции».*

Немногим более шести лет назад, 14 января 2011 года, президент Туниса Зин эль-Абидин Бен Али под давлением со стороны западных государств и массовых протестов в самом Тунисе был вынужден покинуть свой пост и оставить страну. Этот день, условно, можно считать началом «арабской весны», захлестнувшей вскоре большую часть Ближнего Востока и Северной Африки. Последствия серии «цветных» революций многие страны ощущают даже сейчас, и до сих пор, сложно сказать, чего еще стоит ожидать в ближайшем будущем.

Все эти события придают особую актуальность изучению истории международных отношений в этом регионе. Исследование корней подобных противостояний, происходивших на этой территории в прошлом, на наш взгляд, может облегчить процесс решения международных конфликтов в этом регионе в настоящем и предотвратить их появление в будущем.

Проблемы истории международных отношений в регионе Ближнего Востока и в Северной и Восточной Африке освещены в работах таких представителей ближнего и дальнего зарубежья, как К.М. Базили, М.Г. Муравьев, В.М. Виноградов, В.П. Георгиев, Н.А. Дулина, М.О. Ерофеев, О.И. Жигалина, А. Дебидур, Н.С. Киняпина, Е. Лавис, А. Рамбо, А.З. Манфред, А.Д. Новичев, Ф.А. Ротштейн, Е.В. Тарле, М.Т. Панченкова, М.Н. Тодорова, Г.О. Нерсесов, Г.Л. Бондаревский, С.Р. Смирнов, В.О. Субботин, И.С. Рыбаченок, М.С. Андерсон, Ч. Вебстер, Ф. Бейли, Дж. Марриот, Ф. Мозели, Ф. Родки, М. Сабри и др. [1]. Значительный вклад в изучение ближневосточной и африканской политики стран Западной Европы и США внесли отечественные исследователи: О.А. Коппель, М.С. Бурьян, О.Б. Демин, О.Г. Захарчук, В. Ададулов, Б.Г. Гончар, К.А. Русаков, В.В. Савенков, А.А. Айвазян и др. [2]. Тем не менее, отдельные (некоторые) аспекты истории зарождения и развития колониальной политики европейских государств в этом регионе, на наш взгляд, являются недостаточно изученными в отечественной историографии.

Данная статья представляет собой попытку проследить процесс обострения колониального соперничества за контроль над Суданом между Великобританией и Францией от восстания махдистов до Фашодского конфликта.

В конце XIX века, в Европе стало появляться много информации о Судане. История этой страны, где протекает Верхний Нил, была тесно связана с Египтом, а ее судьба не могла не интересовать державы стремившиеся к колониальному разделу «черного континента». Поэтому, не обратившись к истории завоевания Судана в XIX в., невозможно в полной мере понять причины Фашодского кризиса 1898 г.

В 1881 г. в Судане началось восстание под руководством мусульманского проповедника Мухаммеда Ахмеда. Это восстание сочетало в себе религиозные устремления и желание народа любой ценой освободиться от европейских руководителей и турецко-египетских феодалов, а также недовольство народа внутренней политикой египетско-европейского правительства. Когда Мохаммед Ахмед ибн-Абдала объявил в 1881 г. в дни Рамадана,

что он Махди-аль Мунтазар, большая часть мусульманского населения, страдавшая от бедности и произвола европейцев, поддержала самопровозглашенного пророка. За короткий период, армия Махди превратилась в серьёзную силу, стремившуюся положить конец египетскому господству в Судане. Между тем, восстание назревало не только в Судане. В начале 80-х годов XIX в. практически вся долина Нила была охвачена национально-освободительным движением. События 1881–1882 гг. в Египте, приведшие в итоге к британской оккупации этой страны, существенно отвлекли внимание и силы англичан от Судана, что позволило восстанию махдистов развиваться и окрепнуть. После оккупации Египта ответственность за поддержание порядка в мятежном Судане «легла на плечи» Кромера.

Для англичан, события последующих трёх лет складывались далеко не самым лучшим образом. Британцы потерпели ряд военных неудач, апогеем которых стал захват махдистами 23 января 1885 г. Хартума, при защите которого был убит генерал Гордон, отважно руководивший обороной города в течение почти 300 дней [3, с. 71]. Смерть английского генерала получила большой общественный резонанс не только в Великобритании, но и во всей Европе.

Британское правительство оказалось в весьма трудном положении. После взятия Хартума, махдистам удалось за короткий период (лето 1885 г.) захватить Донголу, Кассалу, Сеннар и почти полностью взять страну под свой контроль [3, с. 71–72]. К тому же, международная обстановка, также складывалась не в пользу Англии.

С одной стороны, Франция, не примирившись с потерей Египта, активно проводила свою колониальную политику в Центральной Африке. При этом на Кэ д'Орсэ не исключали расширение французских владений вплоть до Верхнего Нила. В то же время, глава министерства иностранных дел Франции Ж. Ферри полагал, что неудачи Великобритании в Судане могут принести Лондону политическую выгоду, так как предоставят прекрасный повод передать Египет «в руки англичан навсегда» [Цит по: 4; с. 147], чего в Париже старались никак не допустить. С другой, Германия, используя противоречия между

Великобританией, Россией и Францией, к середине 80-х гг. смогла захватить часть Юго-Западной Африки, Камеруна, Того, а также укрепились в Восточной Африке, в непосредственной близости к Судану и Эфиопии.

По мнению российской исследовательницы А. А. Айвазян, «главной причиной», вызывавшей оживленный интерес к Судану в первые годы после британской оккупации долины Нила 1882 г., было «стратегическое расположение страны, прямо на границах с Египтом, в регионе Верхнего Нила» [4, с. 147]. Между тем, «вероятно, британцы сами до конца не были уверены» в необходимости контроля над Суданом. Поэтому в Лондоне считали не целесообразным посылать дорогостоящие экспедиции, «грозящие серьезными» людскими и материальными «потерями» [4].

В апреле 1885 г. британский парламент принял решение вывести англо-египетские войска из Судана и «не предпринимать» каких-либо «наступательных операций» [3, с. 72]. В результате передовые части армии хедива, подкреплённые британскими воинскими подразделениями, заняли оборону у Вади-Хальфы.

С этого времени, на протяжении тринадцати лет (1885–1898) в Судане существовало государство махдистов, возглавляемое, после смерти самого Махди (1885) его учеником Абдаллахом. Советский востоковед С.Р. Смирнов считал, что даже после эвакуации из Судана англо-египетских войск, борьба Великобритании против махдистов «не прекращалась» [3, с. 115]. «Она приняла лишь иные формы» [3]. По его мнению, эта борьба трансформировалась и проходила (с 1885 по 1896 г.) главным образом на уровне дипломатов, военных резидентов и тайной агентуры [3]. Историк отмечал, что в этом противостоянии «британская дипломатия добилась несомненных успехов» [3], значительно поспособствовав военному столкновению между махдистским Суданом и Эфиопией [4]. В начале 1890-х годов британское руководство начало пересматривать политику в отношении Судана и подготавливать планы по завоеванию этой страны.

Английский исследователь Г.Н. Сандерсон указывал на то, что завоевание этой территории было вопросом имперского престижа Великобритании [5, с. 210].

Первоначально, в Париже, Судан рассматривался лишь как экономический придаток Египта. Французские политики не имели никаких существенных интересов в этом районе. Между тем, Судан был тесно связан с Египтом, а египетский вопрос всегда (начиная с XVII в.) был актуальным для французской дипломатии и отмечал историк А.Дж.П. Тэйлор, «было невозможно отделить Верхний Нил от египетского вопроса» [6, с. 79].

После опубликования исследований Верхнего Нила, французского инженера Виктора Прома, интерес к Судану, как в самой Франции, так и в Европе в целом, значительно возрос. В начале 1893 г. Пром предоставил президенту Третьей Республики отчет об исследованиях в Судане. По его мнению, контроль над водами Верхнего Нила (построить там дамбу) дал бы возможность «угрожать Египту засухой или же неистовым наводнением» [4, с. 148]. Эти утверждения Прома произвели сильное впечатление на президента Сади Карно, и как следствие, поставили суданский вопрос в разряд приоритетных направлений французской колониальной политики. Впервые в Париже серьезно задумались об оккупации Фашоды.

На Кэ д'Орсэ рассчитывали за счет угрозы в Судане хотя бы частично вернуть Франции утраченные позиции в Египте. Дипломатическая активность Франции в суданском вопросе была существенным инструментом давления на Лондон в египетских делах. Один из ярых французских колониалистов капитан Монтель утверждал, что «Египет без Судана, это бессмысленное владение» [Цит. по: 4; с. 148].

В течении 1893–1898 гг. правительство Третьей Республики отправило ряд африканских экспедиций на Верхний Нил, что не двусмысленно свидетельствовало о важности суданского направления в политике французского министерства колоний. К тому же, именно в этот период по обе стороны Ла-Манша появились долгосрочные планы построения непрерывной цепи колониальных владений в Африке. В Лондоне важнейшим африканским колониальным проектом стала идея создания

непрерывной цепи владений от Каира до Кейптауна, в Париже – от Дакара до Джибути. В результате, заранее было понятно, что колониальные интересы обоих государств в Африке неминуемо столкнутся в районе Судана на который они оба претендовали.

В то время, в регионе Центральной Африки большой интерес имел бельгийский король Леопольд II. Он с большой опаской наблюдал за возросшим интересом Третьей Республики к Судану и соседним к нему территориям, в частности к бассейну Конго, который король рассматривал, как зону своего влияния. 4 февраля 1894 г. между Парижем и Берлином было подписано соглашение о Камеруне. Оно сводилось к тому, что немцы обещали не препятствовать французской экспансии на Верхнем Ниле, в обмен на признание Францией притязаний Германии на Камерун. В сложившейся ситуации, в Лондоне было принято решение пойти на сближение с Бельгией, чтобы максимально изолировать французов в районе Верхнего Нила и обострить отношения между Парижем и Брюсселем. 12 мая 1894 г. было подписано соглашение, по которому суверен свободного государства Конго (Леопольд II) получал от Великобритании в пожизненную аренду левый берег Нила от оз. Альберт вплоть до Фашоды и часть территории Бахр-эль-Газала. Взамен Леопольд II предоставлял Англии, также на условиях аренды, полосу земли шириной в 25 км., проходившую вдоль восточной границы Конго с юга на север до оз. Танганьика. Сделкой были довольны обе стороны. Король получил перспективы расширения Свободного государства Конго за счёт Южного Судана, а Англия стала на шаг ближе к реализации проекта создания непрерывного массива колониальных владений от Каира до Кейптауна [3; с. 133–134].

Однако это соглашение создавало существенные препятствия продвижению Третьей Республики в долину Верхнего Нила. Франция, заручившись поддержкой в этом вопросе Германии, энергично выступила против англо-бельгийского договора. Скоро соглашение было несколько изменено. По новой трактовке договора Брюссель признавал английскую сферу влияния в районе Верхнего Нила в отношении арендованных территорий в целом всё осталось практически без изменений.

В Париже энергично протестовали против этого договора. Французские притязания были поддержаны Берлином. Однако, в Лондоне отреагировали на это спокойно и идти на уступки Франции не собирались. Как отмечает А. Дж. П. Тэйлор, политику Британии в Африке в этот период направлял Перси Андерсон, специалист по африканским делам в Форин Офис. Андерсон считал, что добрососедские отношения с Францией не стоят того, чтобы жертвовать своим влиянием в Африке [6; с. 60]. На Кэ д'Орсэ, находились в тяжелом положении, с одной стороны, французы пытались не обострять и без того напряженные франко-британские отношения; с другой, в Париже не хотели упускать перспектив дальнейшего проникновения в Судан. Международная ситуация складывалась также не в пользу Третьей Республики: Австро-Венгрия и Италия поддержали Великобританию; в Берлине, хоть и осудили англо-бельгийское соглашение, но все же не собиралась приступить к активным действиям против туманного Альбиона. Россия также вела себя нерешительно. Французская дипломатия пыталась «мягкими методами» добиваться пересмотра и отмены некоторых статей соглашения, которые по мнению Парижа были наиболее не приемлемыми. В результате, в Лондоне пошли на незначительные уступки и отказались от статьи 3, в соответствии с которой они арендовали у Леопольда маленький район на территории бельгийского Конго. На Кэ д'Орсэ было принято решение искать сближения с Бельгией.

В результате Парижу и Брюсселю удалось заключить соглашение, по которому спорные вопросы в бассейне реки Конго были урегулированы, а французы получили возможность продвигаться в район Верхнего Нила. Таким образом, дипломатам Кэ д'Орсэ удалось нивелировать значение англо-бельгийского договора. В тоже время, Конголезский кризис 1894 г., показал британским правящим кругам, необходимость пересмотра политики «блестящей изоляции». Если ранее, в Лондоне были твёрдо убеждены, в том, что внешнеполитические противоречия континентальных держав не позволят им создать антибританский союз, то произошедший эпизод, свидетельствовал об ошибочности такого убеждения.

Литература

1. См. напр.: **Базили К.М.** Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / К. М. Базили. – М. : Изд-во вост. лит-ры, Ин-т народов Азии АН СССР, 1962. – 326 с.; **Виноградов В.Н.** Британский лев на Босфоре / В.Н. Виноградов. – М. : Наука, 1991. – 167 с.; **Георгиев В.П.** Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в / В.П. Георгиев. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 200 с.; **Дулина Н.А.** Османская империя в международных отношениях (30-40-е годы XIX в.) / Н.А. Дулина. – М. : Наука, ГРВЛ, 1980. – 192 с.; **Ерофеев Н.А.** Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. / Н.А. Ерофеев // Проблемы британской истории. 1972 / [отв. ред. Н.А. Ерофеев]. – М. : Наука, 1972. – С. 169 – 196; **Жигалина О.И.** Великобритания на Среднем Востоке, XIX – начало XX в. / О.И. Жигалина. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – 166 с.; **Киняпина Н.С.** Внешняя политика России первой половины XIX века / Н.С. Киняпина. – М. : Высшая школа, 1963. – 288 с.; **Манфред А.З.** Внешняя политика Франции 1871–1891 годов / А.З. Манфред. – М. : Международные отношения, 1952. – 592 с.; **Муравьев А.Н.** Письма с Востока в 1849–1850 годах: в 2 ч. / А.Н. Муравьев. – СПб., 1851. – Ч. 1–2; **Ротштейн Ф.А.** Международные отношения в конце XIX века / Ф.А. Ротштейн. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 705 с.; **Ротштейн Ф.А.** Захват и закабаление Египта / Ф.А. Ротштейн. – М. : Изд-во вост. лит-ры, 1959. – 367 с.; **Нерсесов Г.А.** Дипломатическая история египетского кризиса, 1881–1882 гг. / Г.А. Нерсесов. – М. : «Наука», Глав. ред. вост. лит-ры, 1979. – 320 с.; **Нерсесов Г.А.** Египет в международных отношениях 70-х годов XIX в. и русская дипломатия / Г.А. Нерсесов // Вопросы африканской истории. – М. : Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1983. – С. 127–170; **Тарле Е.В.** Наполеон / Е.В. Тарле. – Минск : Беларусь, 1992. – 429 с.; **Тарле Е.В.** Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.) / Е.В. Тарле. – М.-Л. : Наука, 1965. – 427 с.; **Тарле Е.В.** Политика: история территориальных захватов. XV–XX век : Сочинения / Е.В. Тарле. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 800 с.; **Смирнов С.Р.** История Судана (1821–1956) : научное

издание / С.Р. Смирнов. – М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. – 295 с.; **Субботин В.А.** Колонии Франции в 1870–1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана / В.А. Субботин. – М. : Наука, 1973. – 403 с.; **Anderson M.S.** The Eastern Question 1774–1923. A study of international relations / M.S. Anderson. L. : McMillan, 1966. – 436 p.; **Bailey F.E.** British policy and the Turkish Reform movement. A study of Anglo-Turkish relations 1826–1853 / F. E. Bailey. Cambridge: at the University press, 1942. – 312 p.; **Marriott J.A.R.** The Eastern Question / J.A.R. Marriott. Oxford: at the Clarendon Press, 1924. – 456 p.; **Mosely Ph.** Russian Diplomacy and the Eastern Question in 1838 and 1839 / Ph. Mosely. Cambridge : Russel&Russel, 1934. – 178 p.; **Puryear V.J.** International Economics and Diplomacy in the Near East. California : Archon books, 1935. – 278 p. 2. **См. напр.:** **Ададуrow В.В.** Історія Франції. Королівська держава та створення нації (від початків до кінця XVIII століття) / В. Ададуrow. – Львів : Вид-во УКУ, 2002. – 412 с.; **Ададуrow В.В.** Польське питання у французько-австрійських відносинах епохи наполеонівських війн: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук : спец. 07.00.02 «Всесвітня історія» / В.В. Ададуrow. – Львів, 1997. – 20 с.; **Бурьян М.С.** Египет во внешней и колониальной политике Великобритании / М.С. Бурьян. – Луганск : Ри МП Боян, 1994. – 168 с.; **Гончар Б.М.** «Залізний канцлер» і великі держави в балканських кризах 80-х років XIX ст. / Б.М. Гончар, В.Л. Самчук // Питання нової та новітньої історії. – К., 1998. – Вип. 44. – С. 32–41; **Гончар Б.М.** Відносини між Францією та УНР / Б.М. Гончар, Н.Д. Городня // Укр. іст. журн. – 2000. – № 2. – С. 47–57; № 3. – С. 44–52; **Демин О.Б.** Английская внешняя политика в период ранних буржуазных революций в Нидерландах и во Франции / О.Б. Демин // Великая французская буржуазная революция: история и современность. – Одесса, 1989. – С. 10–13; **Коппель О.А.** Перська затока: проблеми безпеки (80–90-ті роки) / О.А. Коппель. – К. : Школяр, 1998. – 200 с.; **Русаков К.А.** Проблема чорноморських проток у зовнішній політиці Великобританії, 1892–1920: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. істор. наук : спец. 07.00.02 «Всесвітня історія» / К.А. Русаков. – Луганськ, 2003. – 20 с.; **Савенков В.В.**

Великобританія та проблема будівництва Суецького каналу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.02 «Всесвітня історія» / В.В. Савенков. – Луганськ, 2005. – 20 с. **3. Смирнов С.Р.** История Судана (1821–1956) : научное издание / С.Р. Смирнов. – М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. – 295 с. **4. Айвазян А.А.** Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX–начале XX вв. : диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 2014. **5. Sanderson G.N.** England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh : University Press, 1965. **6. Taylor A.J.P.** Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-5 / A.J.P. Taylor // The English Historical Review. –Vol. 65. – No. 254. Jan. 1950. – P. 52–80.

УДК (328.132.7:929Путин):929Блэр(410) «1997/2007»

Хижняк Анастасия Владимировна

студентка Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ПРИХОД В.В. ПУТИНА К ВЛАСТИ В ОЦЕНКЕ БРИТАНСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ТОНИ БЛЭРА

В статье рассмотрена эволюция взглядов Т. Блэра на политику Президента Российской Федерации В.В. Путина.

***Ключевые слова:** британо-российские отношения, чеченский вопрос, иракский кризис, национальная политика.*

Российская Федерация в начале XXI века представляла собой страну с нестабильной политической системой и социально-экономическим положением на грани упадка. Внешняя политика государства, в частности отношения с Великобританией при Б.Н. Ельцине были натянутыми и представляли собой слабое сотрудничество по причине критики британским правительством непоследовательности действий России на международной арене. Приход нового президента к власти вызвал надежды на скорое

восстановление авторитета государства и налаживание отношений с ведущими державами мира.

С выбором В.В. Путина на должность президента Российской Федерации, британо-российские отношения перешли на новый уровень. Несмотря на ярко выраженную проатлантическую позицию Т. Блэра, он прекрасно понимал важность России для западных государств как связующего звена между Европой и Азией [1, с. 168]. Британский премьер-министр одним из первых западных лидеров оценил личность и характер нового руководителя России, назвав его победу на выборах «поворотным моментом в отношениях между Москвой и Лондоном, а также Западом в целом» [2, с. 11].

Тони Блэр понимал, что эпоха слабой и разобщенной России постепенно подходит к концу и стремился завоевать авторитет знатока Кремля. Будучи политическим лидером Великобритании, он стремился закрепить ее ключевую роль на международной арене, выбрав при этом позицию главного посредника между Москвой и Вашингтоном. Немаловажную роль в сближении России и Великобритании сыграло нежелание Тони Блэра отдавать такую важную ветвь внешней политики Евросоюзу.

После личных встреч в Москве и в Лондоне, британский лидер отметил, что В.В. Путин «высокообразованный человек, точно знающий, чего он хочет достичь в России». Т. Блэр считал, что у новоизбранного президента есть стратегия модернизации России, и что, развитие страны будет происходить не в условиях агрессии, а в тесном двустороннем сотрудничестве между странами в политической и экономической сферах [2, с. 11].

В апреле 2000 года британский лидер Т. Блэр заявил, что стремится к «открытому, дружескому, доверительному диалогу» с главой российского государства [2, с. 10]. В своих воспоминаниях, лидер Британии отмечал, что В.В. Путин в начале своего правления стремился к равноправному диалогу с Великобританией и ее ближайшим союзником на международной арене – США, но только на равноправных партнерских началах [3, с. 357].

Большую роль в налаживании доверительного контакта между государственными лидерами сыграла поддержка британского премьер-министра В.В. Путина в чеченском вопросе.

В то время как большинство стран западного мира осудило политику Путина в Чечне и призывало Россию к немедленному прекращению боевых действий, Т. Блэр занял довольно умеренную позицию, заявив: «Некоторые говорят, что вследствие нашей озабоченности по поводу Чечни, мы должны были бы держаться с Москвой на некотором расстоянии. Я должен сказать вам, что, разделяя эту озабоченность, я надеюсь, что лучшим путем будет фиксировать эти опасения, но при этом добиваться результатов путем сотрудничества с Россией и не изолировать ее» [1, с. 17].

Однако вскоре тесное двухстороннее сотрудничество между политическими лидерами возвращается к первоначальному варианту настороженности и опасений. В своих мемуарах «Путешествие: моя политическая жизнь», опубликованных в 2010 году, британский премьер-министр вспоминал, что отношения между государствами испортились после того, как британцы поддержали США в иракской кампании, а В.В. Путин отказался участвовать в англо-американском сценарии развития событий в Ираке. «Владимир пришел к выводу, что американцы не отводят ему того места, которого он заслуживает, – пишет Блэр. – Более того, он считал, что они окружают Россию поддерживаемыми Западом «демократиями», которые будут враждебны российским интересам» [3, с. 362].

Нежелание западных государств налаживать равноправный двухсторонний диалог с Российской Федерацией, участие войск США и Британии в военной операции против Ирака, планы США размещать системы ПРО на территории стран Восточной Европы – все это стало причиной для изменения внешнего вектора В.В. Путина и переходу к национальной политике.

На протяжении последних лет пребывания Т. Блэра на посту премьер-министра Великобритании, взаимоотношения между странами постепенно охладились. Государственные встречи и визиты стали проходить все реже, а отсутствие лидера Великобритании в Москве на праздновании 60-летия Победы в Великой Отечественной войне продемонстрировало всей мировой общественности проблемы между странами [5, с. 412]

Основной причиной охлаждения двухсторонних отношений между государствами послужило то, что проведение

В.В. Путиным, в конце правления Т. Блэра, национальной политики показало западному миру, что Россия поднялась с колен и претендует на собственное мнение в глобальной политике. Британское правительство стало опасаться, что в части отстаивания национальных интересов В.В. Путин будет вести себя как признанный мировой лидер и диктовать свои правила мировому сообществу, как и во времена СССР. Отсутствие взаимных компромиссов во внешней политике ослабило конструктивный диалог государств и привело к перетеканию отношений из политического сотрудничества в торгово-экономическую и социально-культурную сферы.

Таким образом, первоначальный восторг и взаимное уважение, которое испытывал Т. Блэр к новоизбранному президенту В.В. Путину, сменилось на непонимание и отчуждение. Стремление последнего строить отношения между странами на равноправной основе желание защищать национальные интересы России на международной арене, не всегда находили понимание у британского правительства, что в начале 2007 года привело к замораживанию двухстороннего сотрудничества в политической сфере и новому витку холодной войны между Великобританией и Россией.

Литература

1. Гусейнов В. Россия – Великобритания: трудный путь сотрудничества [Текст] / В. Гусейнов // Россия – Великобритания: очередное охлаждение. – М., 2007. – С. 15–19. **2. Гришин П.** Визит Путина. За 3 дня – три страны / Эхо планеты. – 2000. – № 17. – С. 10–11. **3. Tony Blair.** A Journey: My Political Life / Путь (Путешествие): Моя жизнь в политике. London, Knopf Publ. – 2010. – 729 p. **4. Stephens P.** Tony Blair. The Making of a World Leader. L., 2004. **5. Великобритания:** эпоха реформ / под ред. А.А. Громько – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 536 с. – (Старый Свет – новые времена).

Юрко Александр Валерьевич

студент Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ФЛОТА США В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается концепция развития флота США в период холодной войны. Автор указывает, что основной целью развития флота США являлась проекция силы в отдаленных участках мирового океана и противодействие основному гипотетическому противнику – ВМФ СССР.

Ключевые слова: *холодная война, флот, США, СССР.*

Противостояние военно-морских сил СССР и США является отличительной особенностью холодной войны. Актуальность исследования данного вопроса, изучение особенностей развития флота США в период холодной войны объясняется тем, что концепция создания авианосных ударных группировок как основного ядра флота, принятая в сороковых годах прошлого столетия в США, является крайне востребованной в контексте дискуссии о стратегии развития ВМФ, ведущейся во многих странах (прежде всего, в Российской Федерации).

Во второй половине двадцатого века американские ВМС получили мощные боевые корабли. Произошел отказ от такого типа кораблей как линкоры, и появился принципиально новый тип – авианосцы, развитие которых продолжается и до настоящего времени [1; 2].

К концу Второй мировой войны в составе ВМС США насчитывалось около 80 авианосцев, однако большинство из них были перестроенными гражданскими судами. В начале 1950-х годов было возобновлено строительство авианосцев, прекращенное после Второй мировой войны. Первым послевоенным авианосцем специальной постройки стал «Форрестол», вступивший в строй в 1955 году. В конце 1950-х годов в ВМС США появились атомные

подводные лодки («Наутилус» в 1955 году), в том числе атомные подводные лодки с баллистическими ракетами («Джордж Вашингтон» в 1959 году). В 1961 году в строй вступил первый в мире атомный ударный авианосец «Энтерпрайз».

Развития флота США в холодной войне предусматривала постоянное присутствие в Индийском океане (прежде всего, в Персидском заливе), использование подводного компонента стратегических ядерных сил в качестве основного (что можно объяснить высокой скрытностью подводных лодок по сравнению со стратегической авиацией и ядерными силами наземного базирования)

Главной ударной силой флота США являлись ударные авианосные группы, при этом количество авианосцев снижалось с одновременным повышением ударной мощи авианосцев нового типа.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, основной целью развития флота являлась проекция силы в отдаленных участках мирового океана, противодействие основному гипотетическому противнику – ВМФ СССР. Во-вторых, основной ударной силой флота выбраны авианосцы. В-третьих, большое развитие получил подводный атомный флот. В-четвертых, концепцию развития флота США в период холодной войны можно рассматривать как адекватную и соответствующую поставленным задачам.

Литература

1. Василенко Л.В. Развитие авианосного флота США и СССР после окончания второй мировой войны [Текст] / Л.В. Василенко // Вестник Нижневартоского государственного университета. – №2. – 2014. – С. 87–92. **2. Рукавишникова Е.В.** Авианосцы в обеспечении внешнеполитической стратегии США [Текст] / Е.В. Рукавишникова // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2010. – Т. 1 – № 1. – С. 274–282.

Якименко Людмила Николаевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологических дисциплин

Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ОЦЕНКЕ ЗБ. БЖЕЗИНСКОГО

В своих исследованиях ведущий американский политолог и политический деятель, идеолог внешней политики США, Зб. Бжезинский много внимания уделяет вопросам, связанным с геополитикой и геостратегией, рассматривая их в непосредственной связи не только с внешнеполитической доктриной Белого дома, но и с теми интеграционными процессами, которые имели место на постсоветском пространстве после распада СССР, например образование СНГ. И это не случайно, поскольку воссоздание на территории бывшего Советского Союза наднационального конкурентоспособного государственного образования воспринималось и продолжает восприниматься США как непосредственная угроза их доминирующей роли в мире.

Ключевые слова: *Зб. Бжезинский, Россия, США, СНГ.*

В своих исследованиях [1–4] ведущий американский политолог и политический деятель, один с идеологов внешней политики США, З. Бжезинский много внимания уделяет вопросам, связанным с геополитикой и геостратегией, рассматривая их в непосредственной связи не только с внешнеполитической доктриной Соединенных Штатов, но и с теми интеграционными процессами, которые имели место на постсоветском пространстве в контексте усиления роли России как консолидирующего фактора и недопущения этого. И это не случайно, поскольку воссоздание на территории бывшего Советского Союза наднационального конкурентоспособного государственного образования воспринималось и продолжает восприниматься США как

непосредственная угроза их доминирующей роли в мире и, таким образом, как новая фаза холодной войны.

Из работ З. Бжезинского следует, что он никогда всерьез не рассматривал возможности стратегического взаимодействия между «отсталой и слишком уж опустошенной в результате коммунистического правления» [1, с. 127] Россией и США. Это касается даже того этапа в российско-американских отношениях, за которым закрепилось метафорическое название «медовый месяц» (начало 90-х гг. XX в.). Господин Бжезинский особо подчеркивает, что после крушения Советского Союза «не существовало ни объективных, ни субъективных предпосылок для эффективного глобального партнерства» [1, с. 128]. Именно поэтому он несколько снисходительно относится к позиции тех российских политиков-«прозападников», которые считали, что Россия совместно с Соединенными Штатами сможет установить своеобразный кондоминиум относительно Центральной Европы и постсоветского пространства.

Но делить лавры победителя в холодной войне Вашингтон не собирался. После того, как в Москве это поняли, считает З. Бжезинский, «приоритет в отношении «ближнего зарубежья» стал основным элементом критики прозападного варианта, а также ранней внешнеполитической альтернативой» [1, с. 128]. Дело в том, что Россия в начале 90-х гг. XX в. пыталась «воссоздать в пределах геополитического пространства, ранее занимаемого Советским Союзом, жизнеспособной структуры с Москвой в качестве центра, принимающего решения» [1, с. 128]. В связи с этим З. Бжезинский особое внимание уделяет Содружеству Независимых Государств как своеобразному геополитическому «зонтику», под «прикрытием» которого Москва надеялась постепенно реставрировать империю [1, с. 129]. Такую же роль он отводит и «Славянскому союзу», с этих же позиций оценивает ряд двухсторонних договоренностей между Россией и Беларусью, Казахстаном и Киргизстаном (1996 г.).

З. Бжезинский даже напоминает, что «само переименование Советского Союза в Содружество Независимых Государств вызывало вопросы: было ли это «Содружество» лишь новым названием старой российской имперской системы или новая

империя, которая управлялась столь длительное время из Кремля, действительно распалась?» [3, с. 27]. Частично отвечая на этот вопрос, он подводит к мысли, что сторонники практической реализации концепции «ближнего зарубежья» «верили, что СНГ может эволюционировать в возглавляемый Москвой вариант ЕС» [1, с. 129].

Американский исследователь оценивает деятельность российской политической элиты начала 90-х гг. XX в. довольно скептически и в присущей ему иронической манере. Но вместе с тем отдает должное руководителям, которые пытались с помощью создания общих институтов стран СНГ «повернуть вспять вызванный политическим распадом Советского Союза процесс экономической дезинтеграции и раздробленности» [1, с. 129]. З. Бжезинский даже соглашается с тем, что «кооперация и даже некоторая интеграция были настоятельной экономической потребностью» [1, с. 129]. Но при этом он апеллирует к высказываниям Ю. Амбарцумова, председателя парламентского Комитета по иностранным делам России, А. Козырева, министра иностранных дел России, и других влиятельных политиков и приходит к выводу, что проект создания СНГ – то есть упор на «ближнее зарубежье» – «не был просто политически мягкой доктриной регионального экономического сотрудничества», так как в его геополитическом содержании «имелся имперский контекст» [1, с. 130]. Этим, по мнению аналитика, обуславливалось и желание Москвы укреплять, в первую очередь, военные связи между бывшими советскими республиками в рамках СНГ под предводительством Кремля (создание единого военного командования, исключительная роль российских военных частей в миротворческих операциях внутри СНГ, централизованный контроль за внешними границами СНГ и др.), а также настаивание на том, что все страны, которые вошли в состав Содружества, должны придерживаться единой внешнеполитической доктрины.

Вместе с тем З. Бжезинский убежден, что «субъективная имперская решимость» [1, с. 133] России по отношению к «соучредителям» СНГ не могла зиждиться исключительно на силовой составляющей – она должна была иметь под собой некое философское обоснование. Возникший идейный вакуум, как

считает американский политолог, и заполнила «доктрина евразийства с ее фокусом на «ближнем зарубежье» [1, с. 133]. Ее суть сводилась к тому, что Россия – в геополитическом и культурном отношении – уникальное евразийское государство, занимающее особое географическое положение. Благодаря этому, Россия сумела создать могущественную империю, и ее историческая миссия по созданию наднациональной общности не может прерваться с распадом СССР.

Российский неоколониализм, названный интеграцией на постсоветском пространстве, не нашел полной поддержки среди населения новообразованных независимых государств, поскольку «в них постепенно углублялось чувство национального сознания, центром внимания которого все больше становилось заклеивание подчинение в прошлом как колониализма и искоренение наследия той эпохи» [1, с. 137]. Апофеозом этой своеобразной «акции неповиновения», как считает З. Бжезинский, было создание в середине 90-х гг. XX в. неофициального блока, скрыто возглавляемого Украиной и включающего Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Казахстан, Грузию и Молдову [1, с. 138], что имел своей целью препятствовать попыткам России использовать СНГ как инструмент политической интеграции. Именно решимость Украины стать независимой, убежден З. Бжезинский, сделала СНГ умирающей фикцией [3, с. 68]. Несколько позже – уже официально – возникла организации под названием ГУАМ (1997–1999, 2002) или ГУУАМ (1999–2002) (в зависимости от позиции Узбекистана). Эта организация должна была исполнить роль альтернативы СНГ, но без участия России в процессе консолидации.

Таким образом, подводя итоги, З. Бжезинский указывает на то, что попытка России использовать Содружество Независимых Государств в роли презентабельной политической «упаковки» для реставрации былого имперского могущества не достигла своих целей. Причину этого он видит в «геополитической несостоятельности» [1, с. 139] Москвы, которая потеряла политический авторитет на постсоветском пространстве, а экономические перспективы сотрудничества в рамках СНГ не были достаточно привлекательными, чтобы «соблазнить» независимые

государства. При этом усиление давления со стороны России только упрочняло прозападные ориентации национальных политических кругов бывших советских республик. Вследствие чего, евразийство как доктрина и СНГ – как его практическая составляющая оказались недееспособными в новых геополитических реалиях после распада СССР.

Литература

- 1. Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Збигнев Бжезинский. – М. : Международ. отношения, 2002. – 256 с.
- 2. Бжезинский З.** Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Збигнев Бжезинский. – М. : Международ. отношения, 2007. – 288 с.
- 3. Бжезинский З.** Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Збигнев Бжезинский. – М. : Международ. отношения, 2007. – 240 с.
- 4. Бжезинский З.** Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти / Збигнев Бжезинский. – Львов : Летопись, 2012. –168 с.

Научное издание

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: УРОКИ И ПРОБЛЕМЫ

Материалы Международной научной конференции

(г. Луганск, 15–16 февраля 2017 года)

Авторы материалов несут полную ответственность за подбор, точность предоставленных фактов, цитат, статистических данных, имен собственных, а также за то, что материалы не содержат закрытой информации, запрещенной к открытой публикации.

Главный редактор – Саидов З.А.
Верстка – Милокост Л.С., Дибас О.А.

Подписано в печать 15.11.2017. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 12,09. Тираж 100 экз. Заказ № 53.
Издатель
«Пресс-Экспресс»
г. Луганск, ул. Ватутина, 89, тел. (0642) 33-02-97